This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

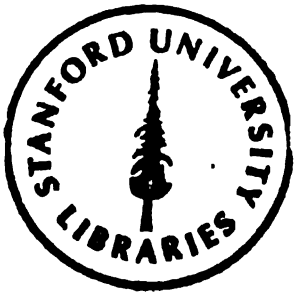
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG3467
N28
S5
v.1-2


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

Russ
Mpr.
Navratskii, A.A.

А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. Вроцкій).

Skazanica...

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

РУССКІЯ БЫЛИНЫ и ПРЕДАНІЯ ВЪ СТИХАХЪ

HOOVER LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

Пусть русскіе люди за ваши дѣянія
По истинѣ каждому честь воздадутъ;
О добрыхъ—вспомянутъ, какъ жертвахъ страданія;
О злыхъ-же — и имъ снисхожденье найдутъ.

Злой городъ.

То было давно, княжилъ Рюрика родъ;
Всю Русь на удѣлы разбили
Потомки варяга; славянскій народъ
Они межъ собою дѣлили.

Отростки великой и славной семьи.
Чрезмѣрно они расплодились,
И въ вѣчной враждѣ, какъ весной воробьи,
За право владѣнія бились.

Отъ этихъ раздоровъ лишь горе всегда
Народу въ удѣлъ доставалось,
И тяжко надъ бѣдною Русью тогда
Усобица та отражалась.

Вдругъ грянуло новое горе; бѣда,
Какой на Руси не бывало:
Съ востока татаръ азіатскихъ орда,
Какъ туча, всю Русь облегала.

Какъ рой саранчи налетѣла она,
Какъ градъ все собою забила,
И слѣдомъ за ней оставалась одна
Залитая кровью могила.

Батый, ея вождь, какъ восточный тиранъ,
Не вѣдалъ, что значитъ пощада;
Вѣдь муки и кровь изъ зіяющихъ ранъ
Для хищника — только отрада.

Гдѣ только встрѣчала преграду орда,
Живое тамъ все исчезало;
Гдѣ городъ стоялъ — не осталось слѣда,
И мѣсто травой поростало.

Натѣшившись вдоволь и Русь полонивъ,
И всѣхъ истребивъ, кто не сдался,
И все, гдѣ прошелъ онъ, въ конецъ разоривъ,
Батый ужъ домой возвращался.

Вдругъ городъ одинъ ему путь заслонилъ,
Ничтожный, пустой городишко;
Батыя сначала онъ лишь разсмѣшилъ,
Какъ дерзкій, безумный мальчишка,

Который дерзнулъ-бы бороться со львомъ,
И встрѣтивъ голоднаго звѣря,
Сталъ смѣло грозить бы ему кулакомъ,
Въ могучесть его не повѣря.

Батый разсмѣялся и выслалъ пословъ,
Сказать этой горсти безумныхъ,
Чтобъ лучше послушались милости словъ,
Чѣмъ мыслей своихъ безразсудныхъ.

Пусть тотчасъ покорно склонятся во прахъ,
И онъ имъ ихъ дерзость прощаетъ,
И чтобъ не вселить въ нихъ отчаянья страхъ,
Имъ жизнь сохранить обѣщаетъ.

Къ воротамъ Козельска прибыли послы;
Но въ городъ пословъ не пустили,
И, выслушавъ ханскій наказъ, у воротъ
Пословъ подождать попросили.

Раздался торжественный звонъ вѣчевой,
И слышенъ былъ звонъ тотъ далече,
И всѣ горожане, готовые въ бой,
Оставивъ на случай отрядъ боевой,
Сошлись на народное вѣче.

Повѣдали имъ, что велѣлъ передать
Посолъ безпощаднаго хана;
Повѣдавъ, спросили: — бороться — иль сдать,
И ханское слово какъ милость принять,
И въ городъ пустить басурмана?

Безмолвно стояла толпа и ждала
Старѣйшихъ глагола на вѣчѣ;
Привыкла выслушивать молча она,
Довѣріемъ къ старости мудрой полна,
Ихъ мудрыя опытомъ рѣчи.

И вотъ изъ толпы выступаетъ старикъ
И поступью медленной, важной,
На паперть восходитъ; суровъ его ликъ,
Рѣшимостью блещетъ отважной.

И знаменьемъ крестнымъ себя осѣнивъ,
Предъ храмомъ старикъ преклонился,
Потомъ, къ горожанамъ лицо обративъ,
Онъ трижды имъ всѣмъ поклонился

И молвилъ: — «Кто ходитъ молиться во храмъ,
Тотъ пусть татарвѣ не сдается,
Коварнымъ Батыя не вѣря словамъ,
На смерть пусть съ погаными бьется.

Вы знаете всѣ: этихъ тигровъ орда
Всю бѣдную Русь разорила,
И стольный Владиміръ, и всѣ города
Кровавой волною залила.

Неужели-жъ мы не обычнымъ путемъ
Рѣшимся отстаивать волю,
И трусить, какъ малыя дѣти, начнемъ,
И смерти въ бою, какъ рабы, предпочтемъ
Татарскую злую неволю?

Погибнемъ мы всѣ! но не скажутъ про насъ,
Что струсили мы предъ врагами,
Что храбрости лучъ въ нашемъ сердцѣ угасъ
Предъ хана Батыя ордами.

Погибнемъ! но честно, какъ гибнутъ орлы,
Гнѣздо отъ враговъ защищая,
Отвагой и силой могучей полны,
Пощады не ждя и не зная.

Докажемъ, что взять насъ въ неволю нельзя,
Пока у насъ жизнь не отнимутъ!
Припомнимъ завѣтъ Святослава, друзья,
Что мертвые срама не имутъ!»

Тутъ крестъ съ своей шеи могучей онъ снялъ
И голосъ напрягъ необычно,
И кверху десницу высоко подъялъ,
И крестъ золотой въ ней толпѣ показалъ,
И крикнулъ могуче и зычно:

—«Клянитеся, братья! что каждый изъ васъ
На смерть будетъ биться съ врагами!
Клянитеся дружно въ торжественный часъ,
Измѣнниковъ нѣтъ между нами!

А трусомъ никто никогда не посмѣлъ
Назвать насъ — и впредь не рѣшится;
Ребенокъ — и тотъ ужъ отваженъ и смѣлъ,
Когда онъ въ Козельскѣ родится.

Клянитесь!» — «Клянемся!» — раздáлось въ отвѣтъ
И дружно всѣ руки подняли,
И знаменьемъ крестнымъ, какъ братства завѣтъ,
Въ знакъ клятвы себя осѣняли.

Вернулись послы и отвѣтъ козельчанъ
Батыю со страхомъ сказали,
И гнѣвомъ вскипѣлъ избалованный ханъ,
И тотчасъ велѣлъ, чтобъ послали

На приступъ татаръ особливую рать,
Ужасныхъ какъ дикіе звѣри,
И городъ сполна имъ въ добычу отдать,
Чтобъ дерзкихъ безумцевъ въ примѣръ наказать
За то, что противиться смѣли.

Полдня нападали на городъ они
И лѣзли на крѣпкую стѣну;
Когда уставали иль гибли одни,
Другіе являлись на смѣну.

Но стойко врага отражая ударъ,
Какъ львы осажденные бились,
И цѣлыя сотни погибшихъ татаръ.
Какъ мусоръ, со стѣнъ ихъ валились.

Устали татары; ужъ бой затихалъ
И съ тьмою совсѣмъ прекратился;
Самъ грозный Батый поспокойнѣе сталъ,
Должно быть и онъ утомился.

И въ ханскую ставку вернувшись, собрать
Велѣлъ воеводъ и повѣдалъ:
—«На завтра смѣнить утомленную рать,
Съ удвоенной силою приступъ начать,
Никто чтобъ пощады не вѣдалъ;

Но бить, и рубить, и колоть, и стрѣлять,
Въ конецъ истребить непокорныхъ,
И страшной расправой примѣръ показать
Надъ горстью безумцевъ задорныхъ».

На утро опять закипѣлъ страшный бой,
Но городъ врагамъ не сдавался;
Недѣля текла за недѣлей, седьмой —
Чередъ подходилъ, но за крѣпкой стѣной
Козельскъ отъ татаръ отбивался.

Рѣдѣла защитниковъ малая рать,
И быстро они умалялись,
Но жены и дѣти, стремясь помогать,
На смѣну усталымъ являлись.

Тушили поджоговъ опасныхъ огни,
На бревна дома разбирали,
И за ночь на стѣны сносили они,
А днемъ на врага ихъ метали.

Торжественно данную клятву блюдя,
Всѣ часа послѣдняго ждали,
И дружно трудясь, не жалѣя себя,
Всѣ свято ее исполняли.

Батый все сильнѣй и сильнѣй свирѣпѣлъ,
И злобою полный надменной,
Орды не щадя, наконецъ, повелѣлъ,
Чтобъ съ битвы никто возвратиться не смѣлъ,
Погибнуть — иль взять непремѣнно!

Чтобъ кончить къ закату, и если къ ночи́
Батыя приказъ не исполнятъ,
То ихъ головами въ ту ночь палачи
Всѣ рвы городскіе наполнятъ.

И вотъ закипѣлъ самый яростный бой.
Отчаянно лѣзли татары,
Никто не хотѣлъ возвращаться живой,
Чтобъ ночью разстаться съ своей головой —
Боялись Батыевой кары.

Враги все росли, а защитниковъ горсть
Все меньше числомъ становилась,
Но смѣло встрѣчая татарскую злость,
Все съ той же отвагою билась.

Но храбрость хоть многое можетъ творить,
Однако имѣетъ предѣлы,
И сила должна была храбрыхъ сломить,
Хоть были отважны и смѣлы.

Конецъ наступилъ... но никто не сробѣлъ;
Живыми врагу не сдаваясь,
Погибли они не отъ вражескихъ стрѣлъ,
А грудью съ врагами сражаясь.

Кто тяжко былъ раненъ, себя добивалъ,
Свой мечъ себѣ въ сердце вонзая,
И Господа гнѣвъ на враговъ призывалъ
За гибель родимаго края.

Орда одолѣла. Какъ волны она
Врывалася въ городъ безъ счета,
Отвагою злобы и мести полна,
Послѣдняго жаждя разсчета.

Защитниковъ не было больше нигдѣ,
Для нихъ всѣ окончились бѣды.
И слышались только во градѣ вездѣ
Призывные звуки побѣды.

Проникнувши въ городъ, татары спѣшатъ
На вѣче, къ соборной оградѣ,
Гдѣ сами себя наградить поспѣшатъ,
Какъ волки въ зарѣзанномъ стадѣ.

Извѣстно имъ было, что немощный людъ,
Кто жизнь лишь влачилъ, умирая
По цѣлымъ годамъ, неспособный на трудъ
Защиты родимаго края,

А главное женщины — цѣнный товаръ,
Предъ ужасомъ муки и срама,
Имѣли обычай отъ злобныхъ татаръ
Спасаться подъ сводами храма.

Татары спѣшатъ... подбѣжали... глядятъ...
Но тщетно... для жаднаго взора
Нѣтъ пищи, лишь голыя стѣны стоятъ;
Замкнуты всѣ двери собора.

Заложены на глухо окна его,
Заложены крѣпко бойницы.
Не только людямъ не проникнуть въ него,
Не могутъ проникнуть и птицы.

Татары за дѣло: огромнымъ бревномъ
Стараются выломать двери,
И пробуютъ стѣны рубить топоромъ,
И воютъ, какъ дикіе звѣри.

Но крѣпко могучія стѣны стоятъ,
Не страшны имъ грозные крики,
И только сурово надъ входомъ глядятъ
Святителей строгіе лики.

Въ соборѣ ни звука... Вдругъ легкій дымокъ
Надъ крышей притвора поднялся
И къ небу взвился... вотъ за нимъ огонекъ
Въ окнѣ угловомъ показался...

Еще и еще... все сильнѣй и сильнѣй...
Вотъ треснула крыша отъ жара,
И вспыхнуло, ярко взлетѣвши надъ ней,
Багровое пламя пожара.

Татаръ озаряя своей краснотой,
Все выше оно поднималось...
Вдругъ стройное пѣнье молитвы святой
Во храмѣ пылавшемъ раздалось.

Все громче и громче звучала она,
И пламени трескъ заглушала,
И громко, священнаго чувства полна,
Окрестность собой оглашала.

Безмолвно стояли татары вокругъ.
Казалось, что звуки молитвы,
Какъ Божія вѣсть, охватили ихъ вдругъ,
Глуша въ нихъ всѣ ужасы битвы.

Вотъ рухнула крыша... но въ этотъ же мигъ
Открылись соборныя двери,
И въ нихъ показался суровый старикъ,
И грозно сіялъ его доблестный ликъ,
И ярко доспѣхи блестѣли.

Въ десницѣ былъ мечъ, его шуйца съ крестомъ
Высоко была имъ подъята.
И ринулся онъ съ обнаженнымъ мечомъ
На гибель врага-супостата.

За нимъ устремилася горсть удальцовъ,
Сѣдыхъ, но отвагою полныхъ,
Послѣднихъ за волю Козельска бойцовъ —
Послѣднихъ, но самыхъ отборныхъ.

И бились на смерть, гдѣ клялися они,
Гдѣ было послѣднее вѣче,
И всѣ полегли на защитѣ земли
Въ послѣдней ужаснѣйшей сѣчѣ.

Доволенъ Батый! Наконецъ-то сломилъ
Онъ дерзость безумцевъ упорныхъ;
Но только цѣной дорогой побѣдилъ
Онъ горсть удальцовъ непокорныхъ.

Онъ сѣлъ на коня и, доѣхавъ до стѣнъ,
Сталъ думать: какія бы муки
Измыслить для тѣхъ, кто достанется въ плѣнъ
Въ его всемогущія руки.

На встрѣчу ему приближался Ахметъ,
Любимый его воевода,
Обычный и радостный вѣстникъ побѣдъ,
Потомокъ знатнѣйшаго рода.

—«Великій Батый, не гнѣвися на насъ—
Онъ молвилъ—приказъ твой исполненъ;
Насталъ для безумцевъ возмездія часъ,
Ихъ трупами городъ наполненъ.

Съ побѣдою полной! Гнѣздо козельчанъ
Со всѣмъ, что въ немъ есть, намъ досталось».
—«А плѣнные гдѣ?»—«Не гнѣвись, грозный ханъ,
Въ живыхъ никого не осталось!»

—«Неужели всѣ?» — «Да, должно быть, что страхъ
Ихъ такъ обуялъ, что не смѣли...»
—«А женщины? дѣти?»—«На нашихъ глазахъ
Живыми во храмѣ сгорѣли».

Батый побѣдилъ. Но за то никому
Ужъ мстить не пришлось; не осталось
Въ живыхъ ни души, и для мести ему
Лишь кладбище мертвыхъ досталось.

И онъ повелѣлъ, чтобъ свой гнѣвъ показать
И страхъ по Руси всей навѣять.
Разрушить Козельскъ и съ землею сравнять
То мѣсто, гдѣ былъ онъ, сохой запахать
И сорной травою засѣять.

Исполнили волю владыки рабы,
Съ землей бѣдный городъ сравняли,
И городомъ *злымъ*, за упорство борьбы,
Козельскъ съ той поры называли.

Новгородъ.

На челнѣ. ночною порою,
Я плылъ по родимой рѣкѣ,
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

На лѣво — въ туманѣ чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатыя стѣны Кремля;

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ,
Краса Новограда, Софіи —
Премудрости Божьей соборъ.

Направо — вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка,
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ;
И было торжественно чудно,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я, полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки.

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ
Свободно бѣгущей волны,
Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои.

—«Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда онѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи-купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри, вонъ тутъ — заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозной товаръ
На звонкіе рубли.

Смотри, вонъ тамъ — былъ шумный торгъ,
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри, вонъ тамъ — звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ онъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался толковать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильна, грозна,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ — и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись — шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ —
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новоградъ!»

Какою отрадной былиной
Меня услаждала рѣка,
И съ нѣжной сыновней любовью
Внималъ я рѣчамъ старика.

Но вдругъ, словно въ гнѣвномъ порывѣ,
Встряхнулъ онъ сѣдой головой
И брызнулъ въ лицо мнѣ внезапно
Своею холодной волной.

—«Время завѣтное, долго ты длилося,
Долго — насталъ и конецъ;
Время другое сплело Новугороду
Тяжкій терновый вѣнецъ.

Говоръ давно ужъ носился по торжищамъ
Все о какой-то Москвѣ,
Что̀ поднялась на рѣченкѣ невѣдомой,
Волны несущей къ Окѣ.

Ловко виляя хвостомъ предъ татарами
И не жалѣя своихъ,
Кончила тѣмъ, что, собравшися съ силами,
Освободилась отъ нихъ.

Свергнула иго, Руси ненавистное,
Но наложила свое;
Много неправды, коварства и хитрости
Было тогда у нее.

Княжества всѣ поглотила свободныя,
Стала не въ мѣру сильна,
И, наконецъ, свою пасть ненасытную
Къ намъ обратила она.

Новгородъ вольный сломить, какъ татарина,
Вздумала, видно и впрямъ
Стала опасна свобода народная
Лютымъ московскимъ князьямъ.

Долго́ боролись съ Москвою кичливою
Вольныя дѣти мои,
Но совладать съ непомѣрною силою
Властной Москвы — не могли.

Помню, какъ всѣ провожали съ рыданіемъ
Колоколъ нашъ вѣчевой,
Чуяли бѣдные, что̀ съ нимъ теряется,
Что̀ онъ увозитъ съ собой.

Но для Москвы уже стало потребностью
Насъ разорить до сумы,
Чтобы въ рабовъ безотвѣтно послушливыхъ
Переродилися мы.

И для того, чтобъ покончить рѣшительно
Съ городомъ вольнымъ моимъ,
Грозный Иванъ вдругъ надумалъ по своему
Разомъ расправиться съ нимъ.

Въ тѣ поры въ нашихъ ужъ не было бодрости
Прежнихъ временъ, не смогли
Иль побѣдить, или лечь до послѣдняго
Всѣмъ на защитѣ земли.

Духъ ослабѣлъ, истомились раздорами,
Всѣхъ обуяла корысть,
И межъ народомъ измѣнники гнусные,
Слуги Москвы, завелись.

Грозный не встрѣтилъ ни въ комъ супротивности,
Съ малою ратью пришелъ
И, разоривъ по дорогѣ всѣ волости,
Въ городъ свободно вошелъ.

Вольные люди пришельцу московскому
Били смиренно челомъ;
Встрѣтилъ его на мосту въ облаченіи
Пименъ владыка съ крестомъ.

Встрѣтилъ съ молитвою, почесть духовную
По старинѣ оказалъ;
Царь отвѣчалъ ему гнѣвно, укорами,
Въ церковь идти приказалъ.

Началъ владыка обѣдню и Господа
Долго и слезно молилъ.
Чтобы отъ лютаго гнѣва московскаго
Новгородъ Онъ охранилъ.

Кончилась служба, собрàлась у Пимена
Вся новгородская знать;
Но не садилась за трàпезу, съ трепетомъ
Стала царя ожидать.

Грозный вошелъ съ цѣлой стаей опричниковъ,
Сѣлъ, не молясь, и молчалъ,
Взоръ его гнѣвный лишь страхъ, да унынiе
Въ новогородцахъ встрѣчалъ.

Чуяли всѣ, что настали для города
Страшные, грозные дни,
Что недалéко расправа кровавая —
И не ошиблись они.

Царь посидѣлъ, вдругъ неистовымъ голосомъ
Подалъ условленный знакъ,
И принялся за расправу послѣднюю
Нашъ безпощаднѣйшій врагъ.

Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.

Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ — богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ, и иноковъ,
Словно какъ стадо быковъ.

Дни проходили за днями, недѣлями
Время текло, а они
Все продолжали расправу ужасную
И не тушили огни.

Солнце за тучами все укрывалося,
Или блестѣло во мглѣ;
Больно ему было видѣть, что́ дѣлали
Люди съ людьми на землѣ.

Рѣзать умаялись, душно имъ сдѣлалось —
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счету валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.

Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшонъ;
Но для Ивана считалось то́ малостью,
Все не насытился онъ.

Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мо̀сту сгонять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.

Стали вязать ихъ по-парно и семьями,
Женъ, и мужей, и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Ма̀терямъ вмѣсто камней.

Свяжутъ—и съ моста!.. лишь вскрикнутъ несчастные,
Тщетно на помощь зовутъ,
Тщетно о милости просятъ опричниковъ,
Тщетно спасенія ждутъ.

Съ пѣснями въ лодкахъ злодѣи катаются,
Словно какъ въ праздникъ народъ,
Да топорами сѣкутъ, кто хватается,
Или ко дну не идетъ.

Сколько народа — не сотни, а тысячи
Въ волны кидали мои
Эти исчадья московскаго деспота
Въ эти ужасные дни.

Страшно припомнить, что только творилося:
Хохотъ, рыданья съ мольбой,
Вопли, и пѣсни, и крикъ, и стенанія,
Плескъ и кровавый прибой!

Словно безумные, мечутъ безъ устали,
Счетъ потеряли давно,
Мечутъ народъ, какъ полѣнья, опричники
Въ волны мои и на дно.

Больше и больше... Вдругъ кучи утопленныхъ
Сдѣлались кучей одной
И, преградивъ моимъ волнамъ теченіе,
Встали живою стѣной.

Грозный сидѣлъ, окруженный любимцами,
Самъ на мосту и смотрѣлъ,
Словно натѣшиться всласть надъ несчастными
Этой забавой хотѣлъ.

Гнѣвомъ вскипѣлъ я, злодѣю ужасному
Въ душу рѣшилъ заглянуть,
И захлестнулъ я кровавою пѣною
Звѣрю — въ изсохшую грудь!

Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшеный,
Понялъ движенье мое —
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье свое.

Казнь прекратилася... Грозный помиловалъ
Тѣхъ, кто остался въ живыхъ,
Но не оставилъ на мѣстѣ измученныхъ,
Къ Волгѣ онъ выселилъ ихъ.

Тамъ моя сила! Ты знаешь, не разъ
Тамъ вырывалась она на показъ,
И въ лихолѣтье *), собравшись въ семью.
Тамъ проявила живучесть свою.»

Волховъ затихъ... вдругъ волною послѣднею
Онъ повернулъ мой челнокъ,
Кинулъ на землю, отхлынулъ отъ берега,
Мѣрно вздохнулъ — и замолкъ.

Я понялъ... Но прежде чѣмъ выйти на берегъ,
Я молча взглянулъ на рѣку,
Хотѣлось задать мнѣ, средь сумрака ночи,
Послѣдній вопросъ старику.

---

*) Лихолѣтьемъ русскій народъ назвалъ 1612 годъ.

Но старый боецъ угадалъ мою думу,
Сестру безнадежной тоски,
И выслушалъ я безотрадную правду
Отъ вѣчно свободной рѣки.

— «Не жди,—онъ сказалъ—не надѣйся напрасно;
Прошли, какъ завѣтные сны,
Прошли безвозвратно для нашего града
Преданья святой старины.

На лонѣ моемъ, подъ бѣгущей волною,
Глубòко, у самаго дна,
Лежитъ новгородцевъ былая свобода,
И спитъ непробудно она.

Ревниво и зорко ее охраняютъ
Погибшія дѣти мои,
И только порой ей всплывать дозволяютъ
Въ завѣтное время они.

Въ глубокую ночь, когда вѣтеръ вздымаетъ
Горой мою мощную грудь,
Когда изъ людей ни одинъ не дерзаетъ
Пуститься въ обыденный путь —

Тогда выплываетъ былая свобода
Могучей русалкой со дна,
И мчится, и кружится въ бѣшеной пляскѣ
Съ моими волнами она,

И ждетъ, не раздастся-ли звонъ ей обычный,
Когда всѣ оковы спадутъ,
Когда, наконецъ, на народное вѣчѣ
Съ почетомъ ее позовутъ.

Но время проходитъ, а зова не слышно,
Все спитъ, все забыто давно,
И снова свободы погибшія дѣти
Ее увлекаютъ на дно.

Другого отвѣта не дастъ тебѣ Волховъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Псковъ *).

Надъ Псковомъ нависла тяжелая мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожитъ, и сердце щемитъ,
И только о голодѣ имъ говоритъ.

Полночь. Заснули уставшіе люди,
Въ городѣ тихо, пустынно въ Кремлѣ;
Мрачныя тучи несутся по небу,
Царствуетъ ночь на холодной землѣ.

Гдѣ-то внизу, по рѣкѣ, по Великой,
Катятся волны незримой воды,
Мѣрный напѣвъ ихъ мелодіи дикой
Странное чувство волнуетъ въ груди.

---

*) Стихотвореніе это было написано во время свирѣпствовавшаго въ Псковской губерніи голода.

Дремлетъ природа... и только порою
Камень обвалится съ древней стѣны,
Да въ слободѣ городской за рѣкою
Въ храмѣ Господнемъ мерцаютъ огни.

Древній городъ, не мало и ты потрудился
Для великаго племени русской земли,
Ты оплотомъ ей былъ, ты съ тевтонцами бился.
И они твою мощь одолѣть не могли.

Ты не разъ ихъ видалъ подъ своими стѣнами,
Но ни разу ихъ въ стѣны свои не впускалъ;
Ты умѣлъ управляться съ своими врагами,
И не разъ, въ свою очередь, имъ угрожалъ.

Ты свободою жилъ, самъ собой управлялся,
Не нуждался ты въ выходцахъ чуждой страны,
И на вѣчѣ всегда цѣликомъ собирался,
Исполняя преданья святой старины.

Ты выслушивалъ всѣхъ, не дѣлилъ ты народа,
И рѣшалъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла,
И глубоко въ тебѣ вкоренилась свобода,
И прочна на Руси твоя слава была.

Но пришли для тебя дни тяжелыхъ невзгодъ,
И насталъ твой чередъ покориться,
Когда князь Іоаннъ, собирая народъ,
Порѣшилъ и съ тобою сразиться.

Ты свободу любилъ, только ею и жилъ,
Не хотѣлъ пикому поклониться,
И на вѣчѣ рѣшилъ, за свободу свою,
Ты съ Москвою коварною биться.

Ты упорно стоялъ, когда князь разорялъ
Твои вотчины, слободы, села,
Ты безъ боя ему ничего не сдавалъ—
Не хотѣлъ ты признать произвола.

Ты боролся, какъ могъ... Наконецъ, изнемогъ,
И предъ княземъ Васильемъ склонился,
И съ тѣхъ поръ ты глубоко заснулъ и умолкъ,
Словно мракомъ могильнымъ покрылся.

Съ той поры ты не жилъ, ты другихъ лишь кормилъ.
Отъ рожденья до самой могилы,
Произволъ крѣпостной тебя жадно давилъ
И сосалъ твои лучшія силы.

Ты долго спишь, но знаю я,
И знаетъ русская земля,
Что если врагъ тебя коснется,
То вновь въ душѣ твоей проснется
Все та же мощь былыхъ временъ,
И созоветъ набата звонъ
Твоихъ сыновъ, и ты, какъ встарь,
Какъ древній городъ-Государь,
Возстанешь разомъ для защиты

Твоихъ домовъ, твоихъ святынь,
Твоихъ разрушенныхъ твердынь,
Слѣдовъ войны, слѣдовъ невзгоды,
Слѣдовъ заглохнувшей свободы!

Но есть на свѣтѣ врагъ иной,
И съ нимъ на смерть должны мы биться,
Онъ неразрывной пеленой
Покроетъ все, гдѣ поселится.
Невидимъ онъ, но такъ силенъ
И такъ могучъ, что все выноситъ;
Онъ съ человѣкомъ сотворенъ,
И много зла ему приноситъ.
И съ нимъ бороться не легко;
Но тотъ, кого онъ одолѣетъ,
Тотъ засыпаетъ глубокò
И самъ врага того лелѣетъ.
Ты понялъ, Псковъ? А если нѣтъ,
Такъ выслушай! Ужъ много лѣтъ,
Въ твоемъ Кремлѣ, въ твоей святынѣ,
Какъ вѣстникъ Божьей благостыни,
Лежитъ твой князь. Нетлѣненъ онъ,
Хотя давно ужъ погребенъ
Въ твоихъ стѣнахъ; надъ нимъ повѣшенъ
Его же мечъ въ своихъ ножнахъ,
А рядомъ грамата. О ней
Я говорилъ въ одинъ изъ дней
Съ твоимъ степеннымъ гражданиномъ,
Который былъ хотя не старъ,

Но много видѣлъ, много зналъ,
И мнѣ во храмѣ онъ сказалъ:
Что снова станешь ты великъ,
И твой народъ тогда созрѣетъ,
Когда послѣдній твой мужикъ
Ту грамату прочесть съумѣетъ!

— —

Трудись же, мой городъ, трудись не сословно,
А дружно, всѣмъ міромъ, врага изгоняй,
И грамотѣ всѣхъ обучай поголовно,
И словомъ разумнымъ себя просвѣщай.

Кто грамоту знаетъ, того не обманутъ,
Тотъ самъ прочитаетъ и самъ все пойметъ,
И имъ помыкать беззаконно не станутъ,
И къ свѣту дорогу онъ легче найдетъ.

И станетъ ему, безъ обмана, извѣстно,
Что̀ можетъ онъ дѣлать, что̀ долженъ давать,
Какую на пользу законно и честно
Повинность придется ему отбывать.

И станетъ возможнымъ завѣтное время,
Когда ты поймешь, какъ собой управлять,
Когда ты оцѣнишь, что право—не бремя,
И станешь разумныхъ людей выбирать:

На земское дѣло, на дѣло мірское,
Въ управы, и въ думы, и въ волость, и въ судъ,

И всюду, гдѣ только возможенъ донынѣ
Общественный, вольный и выборный трудъ.

То время настанетъ, тотъ день не далекъ,
Вѣдь смыслъ народа силенъ и глубокъ,
Онъ все одолѣетъ, и станетъ легка
Ему та работа, тотъ трудъ; но пока...

Надъ Псковомъ виситъ непроглядная мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожитъ, и сердце щемитъ,
И только о голодѣ имъ говоритъ.

Коромыслова башня.

1.

Тамъ, гдѣ въ Волгу Ока, нашей Руси рѣка,
Свои тихія волны вливаетъ
И весенней порой, быстротечной волной,
Далеко берега заливаетъ,

Тамъ, татарамъ на страхъ, на высокихъ горахъ
Нижній Новгородъ былъ заложенъ;
Былъ церковный соборъ, княжій теремъ и дворъ
Деревянной стѣной обнесенъ.

Но изъ бревенъ стѣна не прочна, не страшна,
И не мало ветшала съ годами,
И не разъ отъ огня пострадала она,
И не разъ разорялась врагами;

И притомъ каждый годъ прибавлялся народъ —
Изъ другихъ городовъ выселялись,
Да плодились свои, да изъ русской земли
Люди ратные къ князю сбирались;

Такъ что старой стѣны, въ дни осадной войны,
Не хватало для общей защиты.
И не разъ отъ враговъ, при пожарѣ домовъ,
Было много народу побито.

Князь дружину собралъ и совѣтъ съ ней держалъ,
Какъ бы стѣны прочнѣе устроить;
И рѣшили одно, что пора бы давно
Ихъ изъ прочнаго камня построить;

Да въ подземный тайникъ отвести тотъ родникъ,
Что течетъ по горѣ за стѣною,
Для того, чтобы всѣхъ, въ дни кровавыхъ потѣхъ,
Могъ съ избыткомъ снабжать онъ водою.

Порѣшили—и князь въ то же утро приказъ
Разослалъ въ города и селенья,
Чтобы черный народъ, послѣ лѣтнихъ работъ,
Собиралъ бы повсюду каменья;

Собиралъ по полямъ, по лѣсамъ, по лугамъ.
А зимой подвозилъ постепенно;
И разсчетъ былъ таковъ, чтобы на пять дворовъ
По сажени пришлось непремѣнно.

А съ торговыхъ людей, да заѣзжихъ гостей
Сдѣлать сборъ по другому разсчету,
И тѣ деньги хранить, и изъ нихъ заплатить
Мастерамъ за труды и работу.

Наступила весна, зеленѣла сосна,
Таялъ снѣгъ и земля почернѣла;
Ночью тронулся ледъ, а ужъ къ утру зоветъ
Князь людей приниматься за дѣло.

Собрались — и пошли, и стѣну обошли,
Толковали и спорили въ пору,
Отъ однихъ получили разумный отвѣтъ,
Отъ другихъ понаслышались вздору.

Наконецъ, толкованье и споръ порѣшивъ,
Какъ имъ стѣны провесть согласились,
И канавой потомъ обвели ихъ кругомъ,
Чтобъ рабочіе люди не сбились.

— «Ну теперь, молвилъ князь—скоро будетъ у насъ
Попросторнѣй въ осадную пору,
И гораздо труднѣе врагамъ одолѣть
Укрѣпленную камнями гору.

Завтра´ вы, мастера, не лѣнясь, съ утра
На работу кремля выходите,
И вонъ тамъ, у угла, гдѣ дорога была,
Вы закладывать башню начните.»

— «Такъ-то такъ... только, князь, есть обычай у насъ,
Что велитъ зарывать безъ пощады
Всѣхъ, кто первымъ пройдетъ, въ день начала работъ,
Тамъ, гдѣ стѣну закладывать надо.

Тотъ обычай не вздоръ, онъ идетъ съ давнихъ поръ—
Самый Новгородъ тѣмъ вѣдь и крѣпокъ,
Что подъ башней одной, за Софійской стѣной,
Тамъ зарытъ былъ одинъ малолѣтокъ.

Ужъ кому суждено, тотъ пройдетъ, все равно
Будь то звѣрь, человѣкъ, или птица;
А иначе стѣна вѣдь не будетъ прочна,
Да и строить ее не годится.»

— «Знаю самъ, не забылъ, и тебя не просилъ
Я сегодня объ этомъ напомнить,
И Ордынцу Сергѣю вчера поручилъ
Тотъ обычай и нынѣ исполнить.

Завтра онъ совершитъ, что обычай велитъ,
И начнетъ съ мастерами работу...
А теперь, кто со мной, забѣгите домой,
Да и въ поле—пора на охоту.»

2.

Той порой, на горѣ, на Почайнѣ рѣкѣ,
На посадѣ у церкви Кондрата
Проживалъ молодецъ, пригородный купецъ,
По прозванью Григорій Лопата.

Былъ онъ родомъ съ Днѣпра, но нужда привела
Его въ Нижній, гдѣ онъ поселился,
Торговалъ, сталъ богатъ, и съ полгода назадъ
На посадскаго дочкѣ женился.

Въ день закладки стѣны для осадной войны
Поздно утромъ Алёна проснулась
И, открывши глаза, послѣ крѣпкаго сна
Съ наслажденьемъ разокъ потянулась;

Но въ испугѣ затѣмъ соскочила совсѣмъ,
Подбѣжала къ окну, посмотрѣла: —
«Ай, шепнула, бѣда, я никакъ проспала
И воды принести не успѣла.

Ну, а какъ на бѣду, пока я не приду,
Встанетъ мужъ, пожелаетъ умыться
И воды не найдетъ, вѣдь пожалуй прибьетъ,
Цѣлый день потомъ станетъ браниться.

Вонъ ужъ скоро народъ отъ обѣдни пойдетъ,
Ишь какъ солнце поднялось высòко;
Неравно кто зайдетъ, а меня не найдетъ,
За водою идти вѣдь далѐко.»

Притаившись какъ звѣрь, отперла она дверь,
Сердце въ ней такъ отъ страху и билось,
Оглянулась кругомъ — и скорѣе бѣгомъ
На рѣку за водою спустилась.

Прибѣжала на плотъ, смотритъ — кто-то идетъ,
А она и платка не надѣла;
И скорѣе воды зачерпнула она,
И обратно идти уже хотѣла.

Но взбираться горой, по тропинкѣ сырой,
Тяжело, и скользятъ сильно ноги;
А короче былъ путь, коль стѣну обогнуть
И дойти до проѣзжей дороги.

И Алёна пошла тамъ, гдѣ легче идти,
Гдѣ скорѣй можно было вернуться,
Чтобъ пораньше придти и воды принести,
Пока мужъ не успѣетъ проснуться.

Вотъ идетъ и съ трудомъ коромысло несетъ,
Тяжело—не мужская вѣдь сила;
Вдругъ, глядитъ—въ сторонѣ, примыкая къ стѣнѣ,
Яма вырыта—словно могила.

Любопытства у бабъ ужъ не выбьешь никакъ,
Не могла не взглянуть, не стерпѣлось,
Нѣтъ ли въ ямѣ кого, не лежитъ ли чего,
Непремѣнно узнать захотѣлось.

Вотъ она подошла, яму ту обошла
И на дно ямы той посмотрѣла,
Но едва лишь затѣмъ на другое плечо
Положить коромысло успѣла,

Какъ изъ ближнихъ воротъ показался народъ,
Все угрюмыя, грозныя лица;
— «Эй, кричатъ: погоди! дальше ты не иди,
Молодая жена иль дѣвица!

А поподчуй водой!» И живою стѣной
Вся толпа ее въ мигъ окружила;
Но Алёна не робкой была создана
И съ усмѣшкою всѣхъ ихъ спросила:

— «Шутку, что ли шутить, иль меня устрашить
Вы хотите? Да я не пуглива.
Вотъ ужо на зарѣ вы къ зеленой горѣ
Приходите, я тамъ говорлива.

А теперь не мѣшай! я по дѣлу иду
И на шутки теперь не гожуся;
Не мѣшай! говорю, а не то оболью!
Я вѣдь злая, когда разсержуся!»

— «Нѣтъ, не шутку шутить, не тебя устрашить
Мы хотимъ — наша шутка плохая;
И вечерней зари, и зеленой горы
Не видать ужъ тебѣ, молодая!

Эй, поди, доложи, да проворнѣй! скажи,
Что попался не звѣрь и не птица,
А живая душа, молода, хороша,
Городского купца молодица.

Впрочемъ, нѣтъ! погоди! даромъ ты не ходи!
Вонъ онъ самъ къ намъ идетъ, вѣрно видѣлъ,
Вѣрно самъ поджидалъ и, хоть слѣпъ нынѣ сталъ,
А красавицу вонъ гдѣ увидѣлъ.»

Глядь, и впрямъ — изъ воротъ торопливо идетъ
Княжій стольникъ, бояринъ Ордынецъ,
Весь какъ иней сѣдой, но въ бою удалой,
И великаго князя любимецъ.

Испугалась она, стала разомъ блѣдна,
Сердце въ ней что-то страшное чуетъ,
И стоитъ, и дрожитъ, и молитву творитъ,
И со страхомъ глядитъ что-то будетъ...

А старикъ себѣ шелъ, но едва подошелъ,
Какъ Алёна предъ нимъ повалилась
И молила пустить, и ей, глупой, простить,
Коль она въ чемъ-нибудь провинилась.

Но суровый старикъ съ давнихъ поръ ужъ привыкъ
Къ этимъ стонамъ, мольбамъ и рыданьямъ;
И скорѣй бы въ иномъ камнѣ дикомъ, чѣмъ въ немъ
Проявилось къ людямъ состраданье.

Онъ сурово взглянулъ, и ногой оттолкнулъ,
И велѣлъ, чтобъ ее придержали,
И кушакъ съ себя снялъ, и ей ротъ завязалъ,
Чтобы крика ея не слыхали.

— «Бабій умъ не великъ, но силенъ у нихъ крикъ,
Цѣлый день вѣдь кричать не устанетъ,
Ну, а глупый народъ, какъ заслышитъ, придетъ,
Отбивать, чего добраго, станетъ.

Эй, Иванъ! знаешь тамъ, гдѣ я съ вечера самъ
Двѣ доски приготовилъ съ тобою,
Такъ одну, подлиннѣй, принеси поскорѣй,
Захвати и веревку съ собою.

Вы-жъ сомкнитесь плотнѣй, никого теперь къ ней
Изъ родныхъ допускать не годится;
Лишь бы кончить скорѣй, да держите сильнѣй,
Что ей даромъ о землю-то биться!

А! принесъ, ну клади, да не такъ, погоди;
Положи тѣмъ концомъ на каменья;
Поровнѣе, вотъ такъ! поддержи же, дуракъ,
Ни на грошъ въ тебѣ нѣту умѣнья.

Ну, молодка, пора, мы вѣдь ждали съ утра,
Раньше солнца сегодня мы встали
И стоимъ у воротъ, да глядимъ, кто пройдетъ,
И глядѣть-то признаться устали.

Ну не бейся! лежи! не вертись! не дрожи!
Этимъ ты ничего не поможешь;
Ишь вѣдь какъ егозитъ, такъ изъ рукъ и скользитъ,
Словно угорь — не скоро уложишь!»

Онъ Алёну схватилъ, вдоль доски положилъ,
И съ обычной издавна сноровкой,
Отъ затылка до пятъ, словно малыхъ ребятъ,
Спеленалъ ее крѣпко веревкой.

— «Ну теперь не зѣвай! становитесь на край
И спускай потихоньку въ могилу.
Такъ!.. довольно!.. легла!.. ишь ты какъ тяжела,
Приподнять, такъ и то не подъ силу.

Ну, теперь въ самый разъ! Не гнѣвись же на насъ,
Раскрасавица — мы не причина;
Знать злодѣйка-судьба привела къ намъ тебя,
Знать такая ужъ доля-кручина.

А теперь мнѣ подай коромысло! да дай
И ведро, хоть оно ей не нужно,
Но нельзя не зарыть — все, что съ ней, положить
За одно по обычаю нужно.»

Все устроивъ, старикъ къ бѣдной жертвѣ приникъ
И кушакъ ей стянулъ поплотнѣе;
Изъ могилы прыгнулъ, и однако вздохнулъ,
И велѣлъ зарывать поскорѣе.

Но на зовъ старика не нашлася рука,
Чтобъ на страшное дѣло подняться,
И никто не хотѣлъ, и боялся, не смѣлъ
За такую работу приняться.

И старикъ осерчалъ и на нихъ закричалъ: —
«Что-жъ вы стали? живѣй за работу!
Надо кончить скорѣй, не легко вѣдь и ей,
Умирать никому не въ охоту.

Пусть погибнетъ она за весь городъ одна,
Мы въ молитвахъ ее не забудемъ;
Лучше гибнуть одной, да за крѣпкой стѣной
Отъ враговъ безопасны мы будемъ!»

И лопату схвативъ, и земли захвативъ,
На Алёну онъ бросилъ въ могилу,
А за нимъ и другіе ужъ стали бросать,
Чтобъ ее поскорѣй задушило.

И въ смущеньи нѣмомъ всѣ стояли кругомъ,
Лишь проворно работали руки.
Но никто не глядѣлъ и взглянуть не посмѣлъ
На несчастной предсмертныя муки.

Только солнце одно разсказать бы могло,
Что предъ смертью она испытала,
Какъ ей горе-слеза застилала глаза,
Какъ несчастная билась... дрожала...

Вотъ исчезло чело... вотъ и всю занесло...
Вотъ съ краями могила сравнялась...
И отъ жертвы живой, за обычай людской,
И слѣда надъ землей не осталось.

3.

Долго ждалъ-поджидалъ и сердился-ворчалъ
Молодой, поджидая молодку,
И ужъ молвилъ не разъ, что сегодня задастъ
Онъ Алёнѣ хорошую трёпку.

Наконецъ, не стерпѣлъ, шапку на̀ бокъ надѣлъ,
Заперъ дверь на замокъ за собою,
И не вымывъ лица, онъ спустился съ крыльца,
И пошелъ на рѣку за женою.

Вотъ подходитъ къ водѣ — нѣтъ Алёны нигдѣ,
На плоту лишь двѣ бабы стояли
И, согнувшись дугой, надъ проточной водой,
Тараторя, бѣлье полоскали.

Онъ ихъ зналъ и, шутя, имъ обѣимъ сказалъ,
Что Алёна съ утра закутила,
И спросилъ: чай, она и сюда-то пьяна
За водою на плотъ приходила?

— «Нѣтъ, родимый, не ври, отвѣчали они,
Мы Алёны твоей не видали;
Да давно ли она за водою пошла,
Изъ избы-то давненько ушла-ли?»

— «Да сказать мудрено, какъ, примѣрно, давно.
Я вѣдь спалъ — а она, какъ проснулась,
Чай пошла за водой, да съ тѣхъ поръ ужъ домой,
Сколько времени жду, не вернулась.»

— «Ишь ты, гдѣ-же ей быть? Не могла вѣдь забыть.
Что тебѣ надо будетъ умыться;
У тебя же она просто кладъ—не жена,
Хоть другимъ у нея поучиться.

А вотъ баялъ Ѳедотъ, да пожалуй и вретъ,
Что сегодня кого-то схватили
И вонъ тамъ, у воротъ, гдѣ работа идетъ,
Безъ вины и распроса зарыли,

Говоритъ: самъ слыхалъ, кто-то долго кричалъ,
А потомъ зарывать что-то стали.
Разузнай, на бѣду, не жену ли твою,
Чего добраго, тамъ закопали.

Говоритъ...» Но ужъ онъ былъ далеко отъ нихъ
И бѣжалъ напрямикъ безъ оглядки;
И болѣзненно сердце сжималося въ немъ
Отъ мелькнувшей внезапно догадки.

Наконецъ, добѣжалъ и за камнями всталъ,
А не то вѣдь прибьютъ, коль замѣтятъ—
И пытливо глядѣлъ, но спросить не посмѣлъ,
Да и зналъ, что они не отвѣтятъ.

И случилось же такъ, что Алёнинъ башмакъ,
Какъ ее зарывали, остался,
Былъ затоптанъ въ песокъ, и случайно носокъ
На глаза ему прямо попался.

Тотъ изъ пары одной, что минувшей весной
Онъ купилъ у татаръ за двѣ бѣлки;
Что обшитъ былъ кругомъ по краямъ серебромъ,
А съ боковъ были вышиты стрѣлки.

Догадался купецъ, понялъ все наконецъ,
И, какъ снопъ, на траву повалился,
И съ рыданьемъ глухимъ о холодной песокъ
Надъ могилой Алёны онъ бился.

Если-бъ только онъ зналъ, онъ бы то имъ сказалъ
Что они бы ее отпустили;
Вѣдь они не одну закопали жену,
Вѣдь они и ребенка зарыли.

Долго онъ ихъ молилъ и отрыть все просилъ,
Хоть взглянуть на жену — не жива-ли;
Но старикъ осерчалъ, отогнать приказалъ,
И съ угрозой его отогнали.

Цѣлый день онъ бродилъ, самъ не зналъ, гдѣ ходилъ —
И лишь поздней ночною порою
Очутился бѣднякъ, самъ не вѣдая какъ,
На обрывѣ крутомъ надъ Окою.

Сильный вѣтеръ шумѣлъ, небо мглою одѣлъ,
И страшна была темная ночь;
Но никто не умѣлъ, и не могъ, и не смѣлъ
Овдовѣвшему мужу помочь.

И въ безумной тоскѣ онъ взмолился рѣкѣ: —
«Ты сильна, имъ тебя не обидѣть;
Отомсти—и волной ты могилу размой,
Дай хоть кости мнѣ милыхъ увидѣть!

За услугу твою, я тебѣ отдаю
Свою грѣшную душу и тѣло,
Хоть послѣднимъ рабомъ буду въ царствѣ твоемъ,
Лишь скорѣй принимайся за дѣло!»

И съ проклятьемъ вздохнувъ, и на небо взглянувъ,
Безпредѣльною злобою полный,
Не боясь темноты, онъ съ крутой высоты
Въ разъяренныя кинулся волны.

Съ той поры каждый годъ, только тронется ледъ,
Начинаетъ Ока волноваться;
Послѣ зимняго сна, новой силой полна,
Не по днямъ—по часамъ разливаться.

Соберетъ всѣ снѣга и зальетъ берега,
И шумитъ, и бушуетъ, и злится,
И волну за волной высылаетъ на бой,
И до башни добраться стремится.

Но гора высока—и напрасно рѣка
Тратитъ даромъ могучія силы;
И прибои волны башнѣ той не вредны,
И не смыть имъ завѣтной могилы.

Архимандритъ Порфирій *).

Въ Москвѣ, на прародительскомъ престолѣ,
Великій князь всея Руси Василій
Самодержавно правилъ, продолжая
Завѣщанный ему тяжелый трудъ
Созданія обширнѣйшаго царства.
Достойный сынъ коварнаго отца,
Онъ неуклонно шелъ къ завѣтной цѣли,
Не брезгая ничѣмъ, чтобъ пріумножить
Свои владѣнья и самодержавнымъ
Владыкой сдѣлаться всея Руси.
Въ то время, на Руси, изъ всей обширной
Семьи князей удѣльныхъ оставался
Одинъ лишь князь Василій, внукъ Шемяки,
Владѣтель Сѣверскій. Давно служилъ
Онъ вѣрою и правдой властелину

*) См. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», Н. Костомарова. Выпускъ второй, стр. 357.

Всея Руси и храбро, честно бился
Противъ поляковъ, крымцевъ и иныхъ
Враговъ Москвы; но онъ былъ князь удѣльный,
Онъ сохранилъ тѣнь власти—и Василій
Рѣшилъ его погибель, и позвалъ
Къ себѣ, въ Москву. Шемячичъ догадался,
Зачѣмъ его зовутъ, и побоялся
На зовъ явиться. Но чернецъ коварный.
Митрополитъ московскій Даніилъ,
Далъ слово вѣрное ему порукой,
Что безопасенъ будетъ онъ въ Москвѣ.
Повѣрилъ князь такому слову, смѣло
Въ Москву пріѣхалъ—и попался въ сѣти,
Разставленныя опытной рукой.
Схватили князя, заковали въ цѣпи
И, обвинивъ въ сношеніи съ Литвой,
Въ подземную темницу заключили,
Гдѣ долго онъ томился, изнывая,
И, наконецъ, окончилъ жизнь свою.
Василій былъ спокоенъ—что-жъ, вѣдь онъ
На пользу государства совершилъ
Несправедливость эту; не впервые
Ему и его хитрому отцу,
Ивану Третьему, коварство это
Надъ русскими князьями удавалось.
Но возмутился этою расправой
Игуменъ лавры Троицкой, намѣстникъ
Монастыря, гдѣ жилъ когда-то Сергій,
Архимандритъ Порфирій, и когда

Великій князь Василій, съ пышной свитой,
На праздникъ храмовой пріѣхалъ въ лавру,
То, окропивъ его святой водой
И давъ облобызать Господень крестъ,
Архимандритъ Порфирій обратился
Къ нему, при всѣхъ, съ такою грозной рѣчью:
—«Когда ты, князь, сюда, во храмъ, пріѣхалъ,
Чтобъ испросить прощенье во грѣхахъ—
Будь милосердъ и самъ со всѣми, коихъ
Ты такъ безвинно гонишь. Если-жъ ты,
Стыдясь неправды, станешь увѣрять,
Что эти жертвы бѣдныя твои
Передъ тобой виновны, то припомни
Завѣтъ Христа—и отпусти вины имъ,
Ничтожные динаріи въ сравненьи
Съ твоими, князь, талантами грѣха.»
Разгнѣвался Василій: какъ! ему!
Владыкѣ грозному, передъ которымъ
Трепещутъ всѣ и падаютъ во прахъ,
Вдругъ, въ Божьемъ храмѣ, всенародно, въ праздникъ,
Простой монахъ дерзаетъ громогласно
Такую рѣчь преступную держать...
Разгнѣвался безмѣрно князь Василій
И приказалъ немедленно изгнать
Его изъ храма, заключить въ оковы,
Свезти въ Москву и засадить на-вѣки
Въ страннопріимный домъ князей московскихъ.
Въ ужасную, подземную тюрьму.

Архимандрйтъ Порфирій не смирился
И каяться въ своихъ словахъ не сталъ,
И жилъ въ тюрьмѣ, спокойно ожидая.
Когда и какъ въ Москвѣ съ нимъ порѣшатъ.
Онъ былъ монахъ—и для него тюрьма
Была все той же монастырской кельей,
Въ которой онъ обѣтъ свой исполнялъ.
Онъ такъ же ежедневно въ ней молился,
И каждый день поклоны въ ней творилъ,
И пѣлъ молитвы, и по четкамъ тихо
Святое имя Божье призывалъ.
Но сырость, тьма, отсутствіе движенья
Невольно повліяли на Порфирья,
И сталъ онъ чахнуть. Сторожемъ въ тюрьмѣ
Былъ человѣкъ суровый, равнодушный
Къ людскимъ страданьямъ; много видѣлъ онъ
Расправъ кровавыхъ, много тайнъ ужасныхъ
Лежало на его душѣ. Сурово
Онъ и къ Порфирью относился, строго
Блюдя великокняжескій наказъ.
Но у него была жена; старуха
Видала много горя, испытала
Не мало скорби на своемъ вѣку,
И потому невольно сохранила
Сочувствіе къ страданію людей.
Ей стало жаль опальнаго монаха,
Страдавшаго за смѣлую правдивость,
И вздумала она его спасти.
Однажды, ночью, когда мужъ вернулся

Въ свою каморку и, ключи повѣсивъ
Надъ изголовьемъ, легъ, не раздѣваясь,
На жесткую постелю и уснулъ—
Его жена тихонько, осторожно,
Сняла безъ шуму связку тѣхъ ключей
И, выйдя въ коридоръ, крадясь какъ кошка,
Поспѣшно подошла къ дверямъ той кельи,
Гдѣ заточенъ Порфирій былъ. Дрожа,
Она тихонько отыскала ключъ
И, отомкнувъ замокъ тяжеловѣсный,
Пріотворила дверь и тихо-тихо
Проговорила въ темнотѣ:—«Отецъ,
Свободенъ ты... иди сейчасъ, не медли...
Я провожу тебя...» Узналъ Порфирій
Старухи голосъ, выбрался изъ кельи
И осторожно къ выходу пошелъ.
Но тамъ, у двери, вдругъ остановила
Его старуха и рукою, молча,
Его втолкнула въ темную каморку,
Прибавивъ тихо: — «Подожди, отецъ!
Я посмотрю—свободна-ли дорога
И безопасно-ль выбраться тебѣ.»
Вошелъ Порфирій въ темную каморку
И, за собою дверь призатворивъ,
Сталъ ожидать... Тѣмъ временемъ старуха
Ушла во дворъ... Вдругъ, гдѣ-то, недалеко
Раздался тяжкій стонъ и громкимъ эхомъ
Подъ сводами пронесся. Разбудилъ
Онъ сторожа тюремнаго; проснулся

Старикъ суровый и рукой привычной
Хотѣлъ снять связку. Ищетъ—нѣтъ ключей!
Вскочилъ старикъ въ испугѣ, началъ шарить
По всей стѣнѣ—но связки нѣтъ; позвалъ онъ
Свою жену... пѣтъ и жены. Въ испугѣ,
Дрожа какъ листъ, онъ отыскалъ огниво,
Добылъ огня, зажегъ фонарь и быстро
Пошелъ по коридору, наблюдая,
Висятъ-ли на дверяхъ замки исправно
У каждой кельи. Смотритъ... смотритъ... да,
У кельи, гдѣ сидѣлъ монахъ Порфирій,
Дверь отперта́ и тутъ же на полу
Лежитъ замокъ. Какъ бѣшеный, рванулся
Старикъ впередъ и, добѣжавъ мгновенно
До выхода, взглянулъ—открыта дверь,
И холодъ ночи свѣжею струею
Ему пахнулъ въ лицо. Тутъ догадался
И понялъ все, старикъ:—ушелъ Порфирій,
Освободился.—«Какъ же доложить
Объ этомъ князю? Какъ ему сказать,
Какимъ путемъ свершенъ побѣгъ отсюда,
Откуда ни одинъ еще доселѣ,
Помимо воли князя, не дерзалъ
Спастись побѣгомъ? Не повѣрятъ правдѣ,
И скажутъ всѣ, что я ему помогъ,
Что я виною, что я былъ подкупленъ,
Что я его освободилъ...» Огнемъ
Тѣ мысли жгли трепещущее сердце
Суроваго блюстителя тюрьмы.

—«Отвѣчу я!.. Но какъ?.. Вѣдь мнѣ извѣстно.
Какъ расправляться съ жертвами привыкъ
Великій князь. Ужасныя страданья,
Рядъ страшныхъ пытокъ... муки безъ конца...
Нѣтъ, лучше смерть!.. мгновенная... сейчасъ же,
Пока еще до князя не дошла
Лихая вѣсть.» Вздохнулъ старикъ глубóко,
Досталъ веревку, прицѣпилъ на крюкъ,
Висѣвшій у дверей, и сдѣлавъ петлю,
Надѣлъ ее на шею. Но предъ тѣмъ,
Чтобъ затянуть ее, въ мгновенье это
Въ немъ пробудилась совѣсть, захотѣлъ
Онъ испросить у Господа прощенье
Своимъ грѣхамъ минувшимъ и тому,
Ужаснѣйшему, на который нынѣ
Онъ посягалъ. Поднявъ высóко руки
И обративъ горѣ́ съ молитвой взоръ.
Тюремщикъ старый началъ передъ Богомъ
Въ своихъ великихъ каяться грѣхахъ.
Онъ каялся усердно, со слезами.
Припоминая все, что онъ творилъ,
Молилъ онъ Бога отпустить ему
Его вины и не отвергнуть нынѣ
Его раскаянья... Старикъ молился—
И эхо разносило вдаль по сводамъ
Его неясный шопотъ. Вдругъ почуялъ
Онъ чью-то руку на своемъ плечѣ.
—«Идутъ!.. узнали!..» промелькнуло быстро
Въ его умѣ — и онъ рванýлся сильно,

Чтобъ затянуть покрѣпче петлю разомъ
И порѣшить съ собой. Но чьи-то руки
Его остановили, и раздался
Во тьмѣ знакомый голосъ: — «Подожди,
Опомнись и не бойся... Ты рѣшился,
Изъ страха передъ княжескою местью
За мой побѣгъ, покончить съ жизнью разомъ
И жертвой ада сдѣлаться на-вѣкъ.
Остановись... не бойся — не ушелъ
Монахъ Порфирій. Здѣсь онъ — предъ тобой!
Сведи его обратно въ подземелье,
Запри на ключъ и, вмѣсто страшной смерти,
Сходи во храмъ, и тамъ смиренно кайся
Въ томъ, что ты здѣсь рѣшился совершить.»
Оторопѣлъ тюремщикъ. . «Сонъ? видѣнье?
Иль навожденье сатаны?..» Нѣтъ точно
Стоялъ предъ нимъ Порфирій. Осторожно
Онъ снялъ веревку съ шеи старика
И, взявъ его за плечи какъ ребенка,
Самъ подошелъ съ нимъ къ кельѣ, гдѣ томился,
Вошелъ туда и, затворивши дверь,
Сказалъ: — «Теперь ты подними замокъ,
Запри на ключъ—и возвращайся съ миромъ
Къ себѣ въ каморку.» . . . . . .

Не утерпѣлъ обрадованный сторожъ
И разсказалъ объ этомъ — и до князя
Молва людская донесла ту вѣсть.

И тронуло суроваго владыку
Извѣстье это; умилился деспотъ,
И отпустилъ опальнаго монаха
Онъ на свободу. Удалился инокъ
На Бѣлозерье, и въ служеньѣ Богу
Провелъ остатокъ дней своихъ, и мирно.
О Господѣ, въ пустынѣ опочилъ.

Великая княгиня Соломонія.

(въ иночествѣ Софія).

Келья Суздальскаго Покровскаго монастыря.

Безплодна я, вотъ въ чемъ обвинена
И вотъ за что ужъ столько лѣтъ одна
Я въ этой кельѣ плачу и томлюся;
Съ моей тюрьмой, съ моею долей злой,
Съ моей ужасной роковой судьбой —
До гроба съ ними я не примирюся.

Коварный мужъ, охолодѣвъ ко мнѣ
И къ монастырской осудивъ тюрьмѣ,
Онъ до конца скрывалъ свое рѣшенье;
Пришли гурьбой и повезли во храмъ,
Всѣ палачи ужъ были въ сборѣ тамъ,
И надо мной свершили постриженье.

Недобровольно чинъ я приняла,
И Господа въ свидѣтели звала,

Что не хочу отъ міра отрекаться;
Твердила я, что тяжкій грѣхъ творятъ
Они со мной, и что такой обрядъ
Лишь добровольно можетъ совершаться.

Когда надѣлъ чернецъ, потупя взоръ,
Мнѣ на главу монашескій уборъ,
Я сорвала, ногами истоптала,
И отшвырнувъ—въ безсиліи своемъ
Передъ отверстымъ павши алтаремъ,
Владычицу на помощь призывала.

Тогда Шигона, изъ дворцовыхъ слугъ.
Холопъ. готовый для такихъ услугъ,
Ногайской плетью до крови ударя,
Скрутилъ мнѣ руки, и на возгласъ мой:
—«Какъ смѣешь бить?»— отвѣтилъ съ похвальбой,
Что исполняетъ волю государя.

Дрожала я, горѣла, какъ въ огнѣ;
Что оставалось дѣлать бѣдной мнѣ?
Замолкнула—и только трепетала.
Пускай творятъ насилье надо мной,
Предъ Господомъ отвѣтятъ въ часъ иной;
Какъ въ забытьи во храмѣ я стояла.

Мелькалъ свѣчей зажженныхъ длинный рядъ...
Въ смущеніи окончили обрядъ.

Почти безъ чувствъ изъ храма потащили,
И въ тотъ же день, не давши отдохнуть,
Отправили меня въ далекій путь
И въ монастырь суровый заключили.

Тамъ, въ душной кельѣ, я занемогла,
И странною болѣзнь моя была,
Казалося, что съ глазу приключилось;
Порой тоска, порой болѣла грудь,
То все спала, то не могла уснуть—
Не понимала, что со мной случилось.

Въ ненастный день, въ передвечерній часъ
Дошло извѣстье страшное до насъ.
Что не безъ цѣли князь со мной разстался,
И съ Глинскою, разлучницей моей,
Въ надеждѣ отъ нея имѣть дѣтей,
Торжественно во храмѣ повѣнчался.

Узнала я — и чуть не умерла.
Едва дышать отъ горя я могла,
И предъ иконой съ воплемъ опустилась,
И въ этотъ мигъ, когда я, какъ въ огнѣ,
Горѣла вся и билася, во мнѣ
Подъ сердцемъ что-то вдругъ зашевелилось.

Испугъ и страхъ... схватилась я за грудь,
Но нѣтъ не тамъ, а ниже и чуть-чуть

Внутри меня какъ будто отрывалось.
Не можетъ быть? Нѣтъ такъ! сомнѣнья нѣтъ!
Мое дитя, желанье столькихъ лѣтъ,
На скорбь мою такъ нѣжно отзывалось.

Но поздно, поздно! Князь уже женатъ
И вѣсти этой будетъ онъ не радъ,
Хоть передъ нею духомъ не смутится;
Не дрогнетъ сердце отчее его,
Не пощадитъ ребенка своего,
И какъ съ врагомъ, онъ съ нимъ распорядится.

Настали дни заботы и тревогъ,
Надзоръ монахинь былъ пытливъ и строгъ,
Я тяготу свою скрывать старалась;
За жизнь свою, за нашу жизнь вдвоемъ,
И ночью въ чуткой дремотѣ, и днемъ,
Я каждый часъ, я каждый мигъ боялась.

Но срокъ пришелъ... Не въ теремномъ дворцѣ,
Съ улыбкою на радостномъ лицѣ,
Наслѣдника я Руси подарила;
Съ испугомъ всѣ глядѣли на меня,
Какъ на преступницу; недолго я
И грудью матери его кормила.

Тянулись дни и съ ними вѣчный страхъ —
Молчаніе царило на устахъ,

Всѣ изъ Москвы приказа ожидали:
Желанный сынъ помѣхой сталъ отцу,
Приказъ суровый отданъ былъ гонцу,
Съ надежной стражей къ намъ его прислали.

Не знала я, что̀ ожидаетъ насъ,
Меня страшилъ невѣдомый наказъ,
Гонецъ со мной не вымолвилъ ни слова:
И горько я рыдала по ночамъ,
Не довѣряя княжьимъ палачамъ,
Надъ головой малютки дорогого.

Стоялъ стрѣлецъ дозорный въ ночь и днемъ
Передъ моимъ рѣшетчатымъ окномъ,
И никого ко мнѣ не допускали,
И, наконецъ, молчаніе храня,
Снадобьемъ соннымъ опоивъ меня,
Они ребенка моего украли.

Гдѣ онъ теперь? Сторонятся... молчатъ...
Лишь на меня участливо глядятъ...
Убитъ навѣрно онъ гонцомъ суровымъ,
Любимцемъ князя—и въ дѣяньяхъ злыхъ,
Въ дѣлахъ убійствъ и казней потайныхъ,
Его приказъ всегда чинить готовымъ.

Убитъ, убитъ! задавленъ, какъ щенокъ!
Спасти его никто уже не могъ,

Не знаю даже, гдѣ его могила.
Бездушный мужъ! оставь ты мнѣ дитя,
Оставь мнѣ сына — и за это я
Тебѣ бы все и искренно простила.

Такъ я живу въ истомицѣ своей,
Вдова — при мужѣ, мать и безъ дѣтей,
Монахиня—безъ вольнаго обѣта,
Одна!... одна!... все прошлое ушло;
Лишь вѣрой въ воздаяніе за зло,
Да въ правосудье Божіе согрѣта.

Не долго ждать. Болѣзненно томитъ
Меня недугъ, и мнѣ онъ говоритъ,
Что близокъ часъ и жить я перестану.
Тамъ подожду—настанетъ твой чередъ,
И для тебя онъ скоро подойдетъ,
И я съ тобой на Божій судъ предстану.

И не одна! со мной предстанетъ сынъ,
И задрожишь ты, грозный властелинъ,
И примешь казнь за страшное дѣянье!
Тамъ нѣтъ князей! иной тамъ святъ вѣнецъ!
Тамъ власти всей земной твоей конецъ,
Тамъ за грѣхи отъ Бога воздаянье.

Иванъ Грозный подъ Псковомъ.

Давно уже ночь наступила надъ Псковомъ,
Но въ городѣ глаза никто не смыкалъ
И съ трепетомъ сердца, въ ужасномъ томленьи,
Расправы крутой побѣдителя ждалъ.

Тяжелая ночь... За стѣной городскою
Раскинулся станъ кровожадный Царя,
Готовый во градъ покоренный ворваться,
Едва заалѣетъ на небѣ заря.

И въ станѣ побѣдномъ немногіе спали,
Точили ножи, заостряли мечи,
И только разсвѣта желаннаго ждали—
Готовились къ тяжкимъ трудамъ палачи.

Знакомы они, какъ чинится расправа
Надъ буйной, кичливой толпой городской,
Не сыты еще Новгородскою кровью,
Сбирался нынѣ отвѣдать Псковской.

Но въ ставкѣ Ивана темно и спокойно,
Не слышно движенья, хотя онъ не спитъ,
Но плотно въ соболій тулупъ завернувшись,
Безмолвно на ложѣ спокойномъ сидитъ.

Вдругъ звонъ колокольный во Псковѣ раздался,
Ему отозвался другой — и во слѣдъ
Повсюду въ церквахъ зазвонили печально
Особеннымъ звономъ, предвѣстникомъ бѣдъ.

Гудѣли протяжно могучіе звуки,
Сзывая къ молитвѣ своихъ прихожанъ,
И быстро стекались на при́зывъ печальный
Толпы побѣжденныхъ Псковскихъ горожанъ.

И мѣрному звону дыханіе вѣтра
До слуха Царя долетѣть помогло,
И вздро̀гнулъ Иванъ, и минувшаго бремя,
Воспрянувъ, на душу его налегло.

Напомнилъ ли звонъ ему юность и время,
Когда онъ на русское царство вступалъ,
Когда непосильное юношѣ бремя
Съ мужами разумными онъ раздѣлялъ?

Напомнилъ ли время казанскихъ походовъ,
Когда онъ впервые враговъ побѣждалъ,
Когда, передъ мудростью царской склоняясь,
Народъ отъ него лишь добра ожидалъ?

Напомнилъ ли то пережитое утро,
Когда, обезумѣвъ предъ страшной бѣдой,
Стоялъ онъ во храмѣ надъ свѣжой могилой
Столь рано погибшей жены молодой?

Напомнилъ ли бездну кровавыхъ дѣяній,
И сына кончину отъ длани отца.
И близкую смерть, да отвѣтъ неизбѣжный
Раба передъ вѣчной державой Творца?

Извѣстно лишь Богу... но только глубòко
Вздохнулъ онъ и выслушалъ звонъ до конца,
И что̀-то. чего ужъ давно не видали,
Мелькнуло въ чертахъ испитого лица.

И вышелъ онъ къ войску. Вокругъ ужъ собрàлись
Сподвижники подвиговъ страшныхъ его,
И только призыва Царя дожидались.
Чтобъ казни начать, не щадя никого.

Но вмѣсто былого призыва къ убійству,
Къ расправѣ крутой, какъ твердила молва,
Къ рѣзнѣ безпощадной, къ кровавому пиру.
Услышали звѣри иныя слова.

— «Притупите мечи, ужъ довольно убійствъ,
И лежачаго бить не довлѣетъ.
Изрекаю пощаду я всѣмъ — и никто
Измѣнить мою волю не смѣетъ.

Никому никакого вреда не чинить,
Никого обижать не дерзайте,
Даже тѣхъ, кто надъ вами худое свершитъ,
Безъ суда моего не карайте.

Въ эту ночь по церквамъ, предъ святымъ алтаремъ,
Всю крамолу они искупили;
Божью волю всегда исполняя во всемъ,
Мы вины ихъ охотно простили.»

Изумленно глядѣли бойцы на Царя
И словамъ его, молча, внимали;
Но никто возразить не рѣшился ему —
Гнѣва царскаго всѣ избѣгали.

Хоть сурово онъ встрѣтилъ толпу горожанъ,
Что̀ предъ нимъ съ хлѣбомъ-солью склонились
И со страхомъ безмолвнымъ, предъ грознымъ царемъ,
Въ супротивныхъ дѣяньяхъ винились,

Но спокойно онъ въ городъ крамольный вошелъ,
И святынямъ Псковскимъ поклонился,
И безъ страшныхъ убійствъ, безъ расправы крутой,
Даже гроша не взявъ изъ казны городской,
Въ тотъ же день онъ къ Москвѣ удалился *).

*) См. Святыни и древности Пскова. Графа М. Толстого.

Ермакъ.

Онъ былъ казакъ. Брега родного Дона
Его взростили въ зелени полей;
Какъ вѣрный сынъ свободнаго притона,
Не признавалъ онъ ставленыхъ властей.

Гулялъ свободно, грабилъ караваны,
И ужасъ наводилъ онъ на купцовъ;
Не страшны были царскія охраны
Отборной шайкѣ вольныхъ удальцовъ.

Но надоѣло, для корысти чуждой,
Свой хороводъ разбойничій водить,
И захотѣлось честной, вѣрной службой
Свои грѣхи былые искупить.

Прослышалъ онъ, что кличутъ кличъ съ Урала,
Зовутъ на помощь съ камскихъ береговъ,
Гдѣ храбрыхъ горсть побѣдно охраняла
Обширный край отъ натиска враговъ.

И онъ пошелъ туда съ своей ватагой,
Вступилъ на службу къ воинамъ-купцамъ,
Тамъ вдоволь было тѣшиться отвагой
И разгуляться волжскимъ молодцамъ.

Но не могли потѣхи обороны
Его души отважной утолить;
Провѣдалъ онъ, что есть въ Сибири троны,
Которыхъ мощь возможно сокрушить.

Хоть много ихъ, язычниковъ безбожныхъ —
Разбойникъ волжскій, чудо-богатырь,
Онъ, во главѣ товарищей надежныхъ,
Низринулся въ далекую Сибирь.

Среди лѣсовъ и тундры многоводной
Онъ смѣло шелъ, встрѣчаяся съ врагомъ.
Непобѣдимъ порывъ души свободной,
Когда она сражается съ рабомъ.

Для нихъ война считалася забавой;
Противостать враги имъ не могли;
И шли они съ побѣдоносной славой
Все дальше въ глубь невѣдомой земли.

Тамъ Ермаку никто не прекословитъ,
Числу враговъ онъ не подводитъ счетъ.
Кто льва рукой въ пустынѣ остановитъ?
Кто, дерзкій, путь ему пересѣчетъ!

Настигъ царя на воинской ловитвѣ,
Повелъ своихъ, отвагою дыша,
И доканалъ враговъ въ кровавой битвѣ,
Смѣшавъ ихъ кровь съ водою Иртыша.

И снарядилъ онъ къ Грозному посольство,
Чтобъ разсказать — какъ справился съ врагомъ;
Просилъ забыть былое своевольство
И царствомъ билъ державному челомъ.

И царь пословъ съ привѣтомъ яснымъ встрѣтилъ,
И принялъ даръ донского казака,
На подчиненье милостью отвѣтилъ,
Не вспомянулъ былое Ермака.

Онъ одарилъ отважныхъ добровольцевъ,
И шубу выслалъ съ царскаго плеча
Тому, кто былъ, какъ вождь тѣхъ своевольцевъ,
Давно намѣченъ жертвой палача.

Но часъ насталъ... Его изъ сотворенныхъ
Не избѣжитъ никто и никогда!
На горсть бойцовъ, въ сонъ крѣпкій погруженныхъ,
Набросилась свирѣпая орда.

Для Ермака не страшны нападенья.
Онъ билъ ее, какъ бьютъ враговъ орлы;
Но, ослабѣвъ, въ рѣкѣ искалъ спасенья
И въ волны прыгнулъ съ каменной скалы.

Онъ утонулъ, подавленный убранствомъ,
И прахъ его восприняла рѣка...
Но подарилъ онъ Русь обширнымъ царствомъ,
И чтитъ она тотъ подвигъ Ермака.

Печальникъ русской земли.

1.

Смеркалось. Въ своей незатѣйливой кельѣ,
Подъ сѣнью развѣсистыхъ липъ,
Сидѣлъ у окна, во дворѣ монастырскомъ,
Опальный святитель Филиппъ.

Высокій, худой, величаво-спокойный.
Великій — въ смиреньи своемъ;
Хотя и въ одеждѣ простого монаха —
Всѣ чтили святителя въ немъ.

Филиппъ вспоминалъ то минувшее время,
Когда въ Соловецкой обители былъ
Игуменомъ онъ и Господнее стадо,
Какъ пастырь духовный, хранилъ.

---

*) Митрополитъ Филиппъ былъ изъ знатнаго и древняго рода Колычевыхъ. Сначала служилъ по ратному и земскому дѣлу, но тридцати лѣтъ отъ рода постригся въ Соловецкомъ монастырѣ.

На сѣверѣ дальнемъ, средь Бѣлаго моря,
Въ пустынной, холодной странѣ,
Въ снѣгахъ и во льду, гдѣ въ былыя годины
Лишь скалы торчали однѣ;

Создàли обитель отшельники міра —
Далъ добрую почву ихъ трудъ,
И сталъ монастырь родникомъ православья,
И нынѣ въ немъ память ихъ чтутъ.

И долго Филиппъ той обителью правилъ,
И святостью жизни своей
Давалъ онъ, достойный служителя Бога,
Примѣръ подражанія ей.

Народъ богомольный, подвижники вѣры,
Туда свое горе несли,
Стекаясь въ обитель на островъ пустынный
Со всей православной земли.

Печальныя вѣсти они приносили:
Въ Москвѣ. воспріявъ царскій санъ,
Что годъ, то свирѣпѣе все становился
Владыка Руси Іоаннъ.

Опричину страшную вдругъ учредилъ онъ,
И гнѣвомъ безмѣрнымъ объятъ,
Казнилъ онъ безъ счета бояръ сановитыхъ
И даже ихъ малыхъ ребятъ.

Въ крови захлебнувшись, что день то ужаснѣй
Онъ пытки придумывалъ имъ,
И только старался, чтобъ медленнѣй въ мукахъ
Они умирали предъ нимъ.

Святитель скорбѣлъ глубоко; неустанно
Онъ Господа слезно молилъ,
Чтобъ внялъ онъ мольбамъ неповинныхъ страдальцевъ
И сердце царя укротилъ.

И вспомнилъ Филиппъ, какъ однажды въ обитель
Монахи гонца привезли
Съ письмомъ отъ Ивана, за царской печатью —
Владыкой церковнымъ Москвы

Его величалъ государь, извѣщая,
Что онъ возведенъ въ этотъ санъ
И избранъ духовнымъ главой православныхъ
Всей царской земли христіанъ.

Въ Москвѣ поселившись, владыка не думалъ
О томъ, чтобъ въ довольствѣ пожить,
Не могъ онъ отречься отъ лучшаго права
Защитою слабымъ служить.

И долгомъ священнымъ считалъ предъ Иваномъ
Просить за опальныхъ людей,
За всѣхъ, кто былъ жертвою царскаго гнѣва,
Но не былъ ни воръ, ни злодѣй.

Иванъ не любилъ, чтобъ подвластные люди
Давали совѣты ему;
Съ тѣхъ поръ, какъ избавился онъ отъ Сильвестра,
Онъ воли не далъ никому.

—«Молчи — говорилъ онъ — молчи, не вступайся
Въ мою государскую власть;
Они заслужили коварной измѣной
И худшую даже напасть!»

Но видя въ дѣяньяхъ Ивана не кару,
А дикаго звѣрства печать,
Какъ пастырь Господняго стада, святитель
Считалъ преступленьемъ молчать.

Не разъ грозный царь угрожалъ даже гнѣвомъ
Владыкѣ, но твердъ какъ скала,
Филиппъ не страшился угрозы — и воля
Его непреклонна была.

И смѣло, и грозно корилъ онъ Ивана,
Твердилъ ему правду въ глаза,
И рѣчи владыки, подъ сводами храма,
Звучали, какъ Божья гроза.

Невольно внималъ имъ Иванъ — и въ раздумьи
Изъ храма къ себѣ приходилъ,
И даже случалось, что цѣлыми днями
Смиренъ и кротокъ онъ былъ.

Такое вліянье пришлось не по нраву
Опричникамъ злымъ, вѣдь для нихъ
Насталъ бы конецъ всѣмъ кровавымъ забавамъ,
Когда бы Иванъ пріутихъ.

Устроили живо, доносчиковъ много
Явилось, къ тому же Иванъ
И самъ тяготился рѣчами Филиппа,
Хотя уважалъ его санъ.

Собрàлися судьи, служители Бога,
Но страхъ оковалъ имъ уста,
Должно быть, они, преклоняясь предъ властью,
Забыли завѣты Христа.

И волѣ царя раболѣпно послушный,
Презрѣнья достойный соборъ
Изрекъ своему властелину Филиппу
Угодный царю приговоръ.

Во время обѣдни во храмѣ Успѣнья
Опричники съ шумомъ вошли,
Съ словами глумленья и съ смѣхомъ злорадным
Къ Филиппу они подошли,

Сорвали съ него облаченье, съ безчестьемъ
По цѣлой Москвѣ провезли,
И въ Отрочь-обитель въ опальную ссылку
На дровняхъ его отвезли.

Филиппъ не роптalъ; со смиреньемъ монаха,
Какъ волю Господню, пріялъ
Онъ гнѣвъ и опалу царя; не мѣняясь,
Онъ святостью жизни сіялъ

И ту же молитву твердилъ неустанно:
О Боже, стенаньямъ внемли —
И сердце царево, кишащее злобой.
Смягчи Ты для блага земли.

Стемнѣло — и ночь опустилась на землю,
Клонить сталъ святителя сонъ,
И всталъ на молитву, желая исполнить
Келейное правило онъ.

Вдругъ слышитъ—стучатъ... отворились ворота,
И кто-то проѣхалъ чрезъ мостъ,
Должно быть, не путникъ то былъ запоздалый,
А знатный, негаданный гость.

Обитель въ тревогѣ, сбѣгались монахи,
Поспѣшно игуменъ прошелъ,
И кто-то, въ доспѣхѣ, бряцая оружьемъ,
Съ коня боевого сошелъ.

Идутъ... Отворилась дверь кельи Филиппа,
Вошелъ, не крестяся, какъ воръ,
Невѣдомый ратникъ и, тьмою объятый,
Вперилъ онъ въ святителя взоръ.

—«Здорово, старикъ!» Этотъ голосъ ужасный
Давно былъ Филиппу знакомъ,
Злодѣя Малюту Скуратова тотчасъ
Призналъ онъ въ томъ гостѣ ночномъ.

—«Зачѣмъ ты пріѣхалъ?» — «Узнать, какъ содержатъ
Тебя въ заточеньи монахъ;
Тебѣ, какъ я вижу, живется не дурно
Въ тверскихъ монастырскихъ стѣнахъ,

Балуютъ изрядно! а впрочемъ позволятъ
И лучше понѣжить себя,
Когда ты исполнишь царево желанье,
Которымъ почтилъ онъ тебя.»

—«Какое желанье?» — «Ты знаешь, что нынѣ
Великій и грозный нашъ царь
Задумалъ смирить новгородцевъ мятежныхъ,
Какъ дѣдъ его дѣлывалъ встарь.

Онъ здѣсь недалеко и, вспомнивъ былое,
Желая тебя отличить,
Послалъ онъ меня, чтобы благословенье
На путь отъ тебя получить.»

—«Должно быть, въ забитой Москвѣ не нашелся
Никто, чтобъ царя остеречь;
Но здѣсь, отъ меня, отъ простого монаха
Иную услышитъ онъ рѣчь.

Лишь добрыхъ на доброе благословляю
Я именемъ Бога, а тѣхъ,
Кто въ гнѣвѣ безумномъ грядетъ на убійство,
Кто въ казняхъ лишь ищетъ утѣхъ,

Господь не велитъ осѣнять благодатью —
Она не для лютыхъ звѣрей...»
—«То воля царя!» — «Но есть воля Господня,
Та выше желаній царей.»

—«Филиппъ, не упрямься! Исполни, не медля,
Державную волю, не то,
Ты знаешь — противиться волѣ царевой
У насъ не дерзаетъ никто!»

—«Повѣдай царю, что когда онъ оставитъ
Пути, по которымъ идетъ,
Когда, со слезами, въ святомъ покаяньи
Душевный онъ миръ обрѣтетъ.

Тогда пусть пришлетъ... не тебя, иль въ обитель
Смиренно пожалуетъ самъ,
И именемъ Бога благословенье
Охотно ему преподамъ.»

—«А нынѣ... не дашь?»—«Не имѣю я власти...
Не дамъ.»—«Не упрямься, старикъ!
Ты знаешь, какъ царь расправляться ужасно
Съ рабомъ непослушнымъ привыкъ.»

—«Малюта, я знаю, чего тебѣ нужно,
Исполни желанье свое;
Не медли напрасно.»—«Такъ это ужъ будетъ
Послѣднее слово твое?»

—«Послѣднее? нѣтъ! Но послѣднее нынѣ
Къ тебѣ обратится оно;
Его ты достоинъ за всю твою жизнь,
Его заслужилъ ты давно.

Будь проклятъ, Малюта! Я именемъ Бога
И властью апостольской днесь
Тебя проклинаю за всѣ твои звѣрства,
Въ которыхъ ты вылился весь.

Будь проклятъ за то, что, въ угоду корысти,
Ты царскимъ наушникомъ сталъ;
За всѣхъ, у кого въ небываломъ признанье
Ты пыткой ужасной досталъ!

Будь проклятъ за самое страшное дѣло:
Что, тѣща себя самого,
Ты въ сердцѣ Ивана огнемъ разжигаешь
Ужасныя страсти его!

Вся кровь неповинныхъ, всѣ муки страдальцевъ.
Всѣ казни падутъ на тебя,
И будешь ты мучиться адскою мукой,
На вѣкъ свою душу сгубя!

Анаѳемѣ вѣчной тебя предаю я!
Да будетъ твой вѣчный удѣлъ...»
Какъ взвизгнетъ Малюта, какъ ястребъ на жертву
Онъ яростно вдругъ налетѣлъ,

За горло схватилъ неповиннаго старца.
Съ проклятьемъ его повалилъ
И, стиснувъ привычными къ дѣлу руками,
Святителя въ мигъ задушилъ.

Филиппъ не боролся. Недвижно лежалъ онъ,
Лишь слабо сжималась рука,
И сдавленный шопотъ послѣдней молитвы
Замолкнулъ въ устахъ старика.

Но очи его оставались открыты,
И стывшій святителя взоръ
Глядѣлъ на Малюту, и лютый опричникъ
Читалъ въ немъ себѣ приговоръ.

И въ ужасѣ дикомъ поспѣшно изъ кельи
Малюта вдругъ выбѣжалъ вонъ...
Дрожа, на убійцу взирали монахи,
И страшенъ казался имъ онъ.

Малюта весь трясся.—«Вина, дармоѣды!»
И тотчасъ явилось вино;
Онъ залпомъ стопу осушилъ, ободрился
И крикнулъ монахамъ въ окно:

—«Эй, вы, черноризцы! ступайте къ Филиппу!
Чего вы столпилися тутъ!
Надъ нимъ, по приказу царя, совершился
Послѣдній и праведный судъ.

Предайте землѣ, какъ простого монаха...
Безъ шума... не смѣйте звонить...
И въ храмъ не пускать никого изъ народа,
Какъ станутъ его хоронить.

Смотрите!»—И имъ пригрозивъ булавою,
Онъ въ мигъ очутился въ сѣдлѣ,
Помчался, какъ волкъ, по пустынной дорогѣ
И скрылся въ полуночной мглѣ.

2.

На голой равнинѣ, опричниковъ лютыхъ
Широко раскинулся станъ;
Средь нихъ, на пригоркѣ, въ шатрѣ златотканномъ
Сидѣлъ неподвижно Иванъ.

Невольно искалъ онъ порой оправданья
Въ своемъ безпощадномъ трудѣ,
И думалъ прикрыться рукою Филиппа
На страшномъ Господнемъ судѣ.

Вдругъ входитъ Малюта. Иванъ оглянулся.
—«Привезъ?»—«Отказалъ.»—«И онъ живъ?»
—«Исполнилъ я точно твое приказанье,
Своею рукой задушивъ.»

—«Уйди!» Опустилъ свою голову Грозный
И очи сомкнулъ... Вдругъ предъ нимъ
Предсталъ, какъ живой, свѣтлый образъ Филиппа,
За правду казненнаго имъ.

Святитель, въ сіяющей бѣлой одеждѣ,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Стоялъ, озаренный невиданнымъ свѣтомъ,
Съ суровымъ и строгимъ лицомъ.

И грозно десницу поднявши высоко,
На небо указывалъ онъ,
Туда, гдѣ ничто не спасетъ отъ отвѣта —
Ни власть, ни богатство, ни тронъ.

Воспрянулъ Иванъ, и сомкнутыя очи
Открылъ широко, и дрожа,
Творилъ заклинанья, прибѣгнулъ къ молитвѣ,
Хватался за ручку ножа...

Но образъ Филиппа стоялъ неподвижно
И также сурово глядѣлъ,
И холодъ могильный вдругъ объялъ Ивана,
И ужасъ душой овладѣлъ.

Онъ сталъ отступать шагъ за шагомъ, споткнулся
И выбѣжалъ вонъ... Тамъ, кругомъ
Все было объято безмолвьемъ и мракомъ,
Все спало живительнымъ сномъ.

И царь позавидовалъ этому люду;
Онъ дорого далъ бы тому,
Кто могъ бы избавить его отъ видѣній,
Кто сонъ возвратилъ бы ему.

И въ гнѣвѣ на всѣхъ, на природу, на Бога
За то, что не можетъ уснуть,
Онъ поднялъ тревогу и далъ приказанье
Немедленно двинуться въ путь.

—

Туманъ разстилался вокругъ надъ землею,
Едва занималась заря,
И двигалось мѣрно по грязной дорогѣ
Отборное войско царя.

И молча, среди своихъ слугъ кровожадныхъ,
Царь ѣхалъ на статномъ конѣ,
И тяжкія думы его волновали,
И были ужасны онѣ.

Вдругъ, гдѣ-то, вдали, въ сторонѣ, за пригоркомъ
Печальный послышался звонъ,
Какъ-будто сзывалъ прихожанъ на молитву
За душу усопшаго онъ.

И Грозному вдругъ показалось, что будто
То Отрочь-обитель была,
Что это молиться надъ прахомъ Филиппа
Она богомольцевъ звала.

Иванъ обезумѣлъ. Въ чаду изступленья,
Желая свой гнѣвъ утолить,
Онъ, молча, рукой указалъ на пригорокъ
И вымолвилъ слово: — спалить!

Опричники рады. Почуявъ наживу,
Помчались они, какъ стрѣла;
Люба и привычна для этого стада
Такая расправа была.

И вотъ показалось зловѣщее пламя,
Затихли и крики, и звонъ —
И храмъ, и строенья несчастной деревни
Со всѣхъ занялися сторонъ.

То были Ивана обычныя свѣчи,
Надъ грудами труповъ ихъ жгли,
То были поминки надъ прахомъ Филиппа,
Печальника русской земли.

Юрьевъ день.

Было времячко, время давнее,
Время давнее, время славное,
На Руси жила воля-матушка,
Никого она не боялася,
И никто не смѣлъ обижать ее.
Какъ по сёламъ, по богатымъ городамъ
Безъ боязни всѣ расхаживали,
Передъ Юрьевымъ, предъ славнымъ вольнымъ днемъ
Отъ лихихъ бояръ да перехаживали,
Выбирали, кто кого хотѣлъ,
И служили, кому вздумалось.
Не понравится — и не нудятся,
Годъ промаятся, годъ потрудятся,
А придетъ пора — не останутся:
Волѣ-матушкѣ всякъ поклонится
И пойдетъ туда, куда хочется.
Было времячко, время вольное,
Время вольное, переходное.

Но пришла на волюшку невзгодушка.
Юрьевъ день у бѣдной воли отняли,
И дѣтей ея, людей свободныихъ,
Въ кабалу по смерть боярамъ отдали.
Съ той поры лихой воля-матушка
Отъ бояръ ушла во дремучій лѣсъ,
Во сыромъ бору схоронилася,
Съ темной ноченькой породнилася.
Ходитъ по лѣсу, по глухимъ мѣстамъ,
Съ бурей грозною потѣшается,
Съ частымъ дождичкомъ по корня́мъ стучитъ,
А въ осенній день, въ непогодушку
Тянетъ пѣсенку про невзгодушку.
Или по́-полю съ вихремъ кружится,
Или по́-небу, съ вѣтромъ буйнымъ,
Тучи черныя разгонять учнетъ —
Не мѣшали бы, непроглядныя,
Красну солнышку свѣтить на землю.
А иной порой, залетитъ въ село,
Зашумитъ въ трубѣ, застучитъ въ окно
И шепнетъ тому, кому надобно,
Кто на барщинѣ отъ работы мретъ:
— «Аль забылъ меня, крѣпостной народъ?
Позови, смотри, коль понадоблюсь,
Коль пора придетъ старый счетъ свести.»
Ходитъ много лѣтъ, не старѣется
И давно ужъ ждетъ, не пришла-ль пора,
Не отыщется-ль богатырь какой,
И забытую, и заглохшую,

Пустить волюшку на крещеный свѣтъ.
И дождàлася! Съ Дона тихаго
Атаманъ Степанъ Тимофеевичъ
Кликнулъ грозный кличъ! гаркнулъ съ посвистомъ!
И сошлись къ нему добры мòлодцы,
Слуги вѣрные воли-матушки!
А за ними вслѣдъ и сама она
Долго ждать себя не заставила.
Лишь заслышала — встрепенулася!
Птицей вольною обернулася!
Прилетѣла къ нимъ, поселилася,
Добрымъ мòлодцамъ полюбилася!
Атаманъ ее принялъ съ почестью.
Погулялъ онъ съ ней, понатѣшился,
Перемолвился и условился,
Съ того времени вмѣстѣ путь держать.
Гдѣ пройдетъ атаманъ, тамъ и волѣ быть!

Царевна Ксенія.

(въ иночествѣ Ольга).

Келья Суздальскаго монастыря.

Господи-Владыко! Сжалься надо мною!
Тяжко мнѣ на свѣтѣ, нѣтъ душѣ покоя.
Жизнь моя — страданье, годы скорбной муки;
Смерти, какъ отрады, жду я терпѣливо.
Помнится мнѣ дѣтство, дѣтство золотое...
Какъ меня любили, какъ меня ласкали,
Какъ меня лелѣялъ дорогой родитель.
О моемъ заботясь дѣвическомъ счастьи.
Мнѣ искалъ родимый жениха по сердцу,
Равнаго цареву званью иноземца.
Но женихъ мой первый, королевичъ свейскій,
Породниться съ нами не хотѣлъ по чести,
А второй, желанный, горячо любимый,
Королевичъ датскій умеръ, не дождавшись
Нашего вѣнчанья; умеръ онъ въ расцвѣтѣ
Красоты и силы—умерло съ нимъ вмѣстѣ
И мое дѣвичье холеное счастье.
Скоро мой родитель, въ думахъ и заботахъ

О своей державѣ, не болѣвъ, скончался.
На престолъ Московскій посадили Ѳедю,
Брата дорогого; но не долго, бѣдный,
Онъ царемъ всей Руси на Москвѣ считался.
На шестой недѣлѣ, въ часъ передъ вечерней,
Нашъ слуга надежный къ намъ вбѣжалъ въ испугѣ,
Съ криками: — «спасайтесь! во дворецъ ворвались
Слуги Самозванца, ищутъ васъ на гибель!»
Бросились мы въ страхѣ въ царскую палату,
На престолъ священный сѣлъ, поспѣшно, Ѳедя,
Я же и родная, въ руки взявъ иконы
И творя молитву, окрестъ брата стали.
Не спасла насъ грѣшныхъ Пресвятая Матерь!
Ворвались гурьбою наглые злодѣи
И съ престола Ѳедю силою стащили,
На позорныхъ клячахъ отвезли насъ вмѣстѣ
Въ прежнее жилище, гдѣ мы родилися,
Гдѣ прошло въ забавахъ дорогое дѣтство.
Тамъ, во страхѣ вѣчномъ, въ строгомъ заточеньи
День за днемъ мы скорбно время проводили,
Плакали, молились — и, готовясь къ смерти,
Участи рѣшенья нашей ожидали.
Помню день ужасный, страшный день невзгоды,
День насильной смерти дорогого брата
И моей несчастной матери родимой.
Ворвались стрѣльцы къ намъ пьяные и злые,
Развели съ глумленьемъ по покоямъ разнымъ,
Страшно стало, жутко — и съ мольбой упала
Я передъ иконой, простирая руки.

Плачу и молюся... Вдругъ раздáлись стоны,
Стоны и хрипѣнье — то въ опочивальнѣ
Пьяные злодѣи мать мою душили.
И съ конца другого крики доносились,
Шла борьба глухая гдѣ-то близко, близко,
Стихла на минуту — и затѣмъ раздался
Вопль ужасный, дикій, все собой покрывшій.
То былъ голосъ Ѳеди — и въ изнеможеньи
У порога двери я безъ чувствъ упала...
Долго я лежала; наконецъ, очнулась;
Слушаю — ни звука; въ домѣ было тихо,
Тихо какъ въ могилѣ, какъ въ тюрьмѣ подземной.
Съ того дня лихого я осиротѣла
И ждала покорно, что̀ со мною будетъ.
Но къ моимъ сиротскимъ скорбнымъ днямъ печали,
Новое въ грядущемъ горе надвигалось;
Тотъ, кто былъ убійцей дорогихъ и близкихъ,
Вздумалъ надо мною страшно надсмѣяться.
О, какъ онъ искусно добрымъ притворился!
Помню, ясно помню первое свиданье
Съ тѣмъ, кто былъ виною моего сиротства.
Ласково, смиренно онъ повелъ бесѣду;
Жалостью, казалось, былъ онъ весь проникнутъ;
Говорилъ такъ мягко и глядѣлъ такъ нѣжно,
Такъ меня старался лаской успокоить.
Видѣлись мы часто—и въ сиротской долѣ
Ласку я впервые отъ него узнала;
Сердце наболѣло, сердце изстрадалось,
Тяжко мнѣ на свѣтѣ было одинокой.

Онъ былъ молодъ, нѣженъ, ласковъ и привѣтливъ;
Такъ со мной былъ скроменъ, такъ глядѣлъ любовно,
Такъ умѣлъ проникнуть въ страждущую душу
И согрѣть словами нѣжнаго участья.
Вѣрилось охотно кроткимъ увѣреньямъ,
Что не онъ виною нашихъ всѣхъ страданій,
И невольно сердце на привѣтъ душевный,
На мужскую ласку робко отзывалось.
Онъ, меня лаская, говорилъ, что нынѣ
Хочетъ дѣло злое онъ вѣнцомъ поправить,
Хочетъ, чтобы Руси я была царицей,
И его женою, горячо любимой.
Вѣрила я слѣпо тѣмъ рѣчамъ коварнымъ.
Почести, богатства, были мнѣ не нужны;
Что̀ мнѣ было царство? что̀ мнѣ были люди?
Лаской я сердечной только дорожила.
Но не долго длилось это заблужденье.
Взявъ меня обманомъ, только для потѣхи
Мной онъ забавлялся, до пріѣзда польки,
Избранной давно имъ въ жены и царицы.
Скоро онъ наскучилъ мною какъ забавой,
Сталъ ходить все рѣже, сталъ суровъ и рѣзокъ,
Молчаливъ и мраченъ, все мной недоволенъ...
А затѣмъ, послушны царскому приказу,
Челядинцы злые въ ночь меня схватили,
Отвезли въ Владиміръ, въ монастырь убогій,
Подъ угрозой смерти тамъ меня постригли,
Отняли и имя и назвали Ольгой.

. . . . . .

Сколько лѣтъ томлюся на землѣ я тяжко
Съ той поры печальной въ кельѣ монастырской,
Страшное былое позабыть не въ силахъ;
Нѣту мнѣ отрады, нѣтъ душѣ покоя,
Выплаканы слезы и разбито сердце.
Мати Пресвятая! Сжалься надо мною!
Сжалься надъ моею долею земною! *)

*) Царевна Ксенія умерла въ Суздальскомъ женскомъ монастырѣ въ 1622 году. Передъ смертью она просила похоронить ее рядомъ съ могилами ея родителей въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, что и было исполнено.

Козьма Мининъ.

Царство распадалось. Вѣковые корни
Обрубилъ безумно царь самодержавный;
Налетѣли вѣтры вражьей непогоды,
Расшатали древо Руси православной.

Какъ безъ матки пчелы, разбрелись бояре;
О радѣньѣ царству не было помину;
Кто стоялъ за вора, кто склонялся къ шведу,
Кто чинилъ присягу Сигизмунда сыну.

Ляхи и казаки, сброды лиходѣевъ,
Какъ зимою волки, рыскали повсюду,
Грабя, выжигая города и села,
Не чиня пощады и простому люду.

Царство распадалось... Грѣхъ княжеубійства
Искупали тяжко не одни лишь дѣти
Хитраго Бориса; но вся Русь страдала,
Путаясь въ искусно настланныя сѣти.

Все вокругъ кишѣло смутой и раздоромъ,
И въ Кремлѣ Московскомъ потѣшались ляхи;
Лишь въ одной священной Сергіевской Лаврѣ
Все еще держались воины-монахи.

Разсылали письма, убѣждали слезно
Не губить державу во пору лихую,
А смиренно каясь во грѣхахъ великихъ,
Ополчиться дружно за страну родную.

Разлетались всюду вѣщія посланья.
Гдѣ не всѣхъ сгубила страшная невзгода,
Тамъ онѣ читались съ паперти, съ амвона,
Западая въ душу русскаго народа.

Той порой лихою въ Нижнемъ-Новоградѣ.
Посреди потомковъ смолкнувшаго вѣча,
Жилъ, во страхѣ Божьемъ, гражданинъ смиренный,
Соблюдая душу, душу человѣчью.

Къ родинѣ любовью сердце въ немъ горѣло,
Тяжко отзывалось на родное горе;
Жгли его — безправье, рознь, междоусобье,
Вопли раззоренныхъ, слезъ народныхъ море.

Слушалъ онъ посланья Сергіевской Лавры,
И увѣтъ духовный старца Гермогена,
Кто звучалъ глаголомъ смѣлымъ и призывнымъ,
Не боясь мученій вражескаго плѣна.

Изстрадалась тяжко въ немъ душа живая —
И свои, и вражьи всюду супостаты.
И въ дневной работѣ, и въ тиши покоя
Думою одною были въ немъ объяты

Голова и сердце. Горячо и слезно
Дома и во храмѣ день и ночь молился
Онъ за Русь родную; наконецъ, надумалъ —
Сергіемъ подъятый возбудить уснувшихъ,
На великій подвигъ помощи рѣшился.

За обѣдней ранней, вознесяся къ Богу
Всей своей душою чистой и смиренной,
Отстоявъ молебенъ, вышелъ онъ на паперть,
Обратясь къ народу съ рѣчью вдохновенной.

Развернувъ печальный, полный мукъ и горя,
Полный оскудѣнья свитокъ всѣхъ страданій,
Дикаго разгула сброда лиходѣевъ,
Распрей — и крамолы страшныхъ злодѣяній,

— «Братья — молвилъ Мининъ — вспомнимъ Божье слово.
Что̀ сегодня въ храмѣ слушали съ амвона,
Чтобы наше сердце было ежечасно
Все отдать на пользу ближняго готово;

Не жалѣть достатка, не жалѣть и жизни,
Ближняго отъ смерти, отъ нужды спасая,
За святую вѣру, за родную землю,
За родное царство душу полагая.

Соберемся дружно всѣ подъ стягъ единый,
Кликнемъ кличъ призывный на святое дѣло
Родины спасенья, встанемъ поголовно —
И пойдемъ на битву мы съ врагами смѣло!

Сила супостата только въ нашей розни;
А сберемся въ кучу, съ волею единой,
И не страшны будутъ вражескія рати,
Расточатся живо передъ нашей силой.

Съ вѣрой въ Божью милость, не кичась гордыней,
А съ молитвой жаркой на устахъ смиренныхъ,
Призовемъ на помощь нашихъ страстотерпцевъ.
Благостью Господней дивно вдохновенныхъ.

Неужéли, други, намъ смотрѣть не стыдно
На достатки наши, когда Русь родная,
Въ судорогахъ смертныхъ, словно птица, бьется,
Въ заревахъ пожаровъ кровью истекая?

Въ этакое время стыдно хорониться
Отъ мірского дѣла, дорожа казною,
Дорожа прибыткомъ для своей утробы,
Дорожа стяжаньемъ, да корыстью злою.

Для почина, братья, все, что я имѣю,
Все я полагаю въ складчину мірскую
И молю смиренно — не оставьте, други,
Вы въ годину бѣдствій нашу Русь родную.

Все сюда несите — деньги и товары.
О священной жертвѣ да никто не тужитъ,
Все — и крестъ натѣльный, и окладъ съ иконы,
Все добро земное дѣлу да послужитъ!

Соберемъ достатки, снарядимся сами,
Выберемъ по сердцу рати воеводу,
И пойдемъ на помощь гибнущему царству.
Гибнущему въ мукахъ русскому народу.

Братья! сестры! други! не останьтесь глухи,
Не замкните сердца на мои призывы,
Или Русь ужъ больше намъ не мать родная?
Или человѣчьи души въ насъ не живы?

Мати Пресвятая, помоги намъ грѣшнымъ
Не забыть и нынѣ Божіи завѣты,
Да любовью чистой къ родинѣ и къ ближнимъ
Будемъ мы повиты, будемъ мы согрѣты!»

И дошла до сердца рѣчь его простая.
Несъ свои достатки бѣдный и богатый;
Покрывалась паперть жертвою народной,
Высился горою даръ ихъ тароватый.

Все, съ поклономъ низкимъ, принималъ Захарычъ;
Всѣ одушевлялись мыслію одною;
Зачиналось дѣло общее, святое,
Загорался свѣточъ надъ страной родною.

Собрали́сь въ дружину, отписали письма
Въ города и вѣси, слезно призывая
Бросить всѣ раздоры и идти поспѣшно
На защиту Руси и родного края.

Выбрали по сердцу рати воеводу.
Кто въ годину бѣдствій не знался съ измѣной,
Не служилъ корысти, не дружилъ съ врагами,
Пользуясь искусно самозванцевъ мѣной.

Двинулись съ молитвой, съ причтами, съ крестами,
Порѣшивъ:—постыдно вспять не возвращаться.
Или всѣмъ погибнуть, иль въ отважныхъ битвахъ,
Черезъ вражьи трупы до Москвы добраться.

Рати всей душою Мининъ оставался.
Вѣдая казною, всюду поспѣвая,
Умирялъ онъ страсти, споры и раздоры,
Власть, мольбы, совѣты мудро расточая.

И Господь склонился на святое дѣло,
Долетѣлъ до неба стонъ многострадальный,
Долетѣли звоны храмовъ и погостовъ,
Звонъ скончанья Руси тяжкій, погребальный.

Какъ зимой комъ снѣга, рать все возрастала;
Шли къ ней отовсюду вольныя дружины;
Все къ ней устремлялось, какъ стремятся къ морю
По рѣкамъ весною тающія льдины.

Грозной русской силой смѣлой и отважной,
Рать къ Москвѣ священной тихо подходила.
Подошла — широкимъ станомъ развернулась
И кольцомъ желѣзнымъ городъ окружила.

Шагъ за шагомъ, мѣрно, дружно надвигалась;
Ужъ Кремля предъ нею высились твердыни;
Ужъ была готова, съ вѣрою въ побѣду,
Ринуться на приступъ занятой святыни...

И сдался предъ нею ляшскій воевода,
Въ Кремль Московскій стройно Божья рать вступила;
Съ мудростью исконной русскаго народа
Лихолѣтье злое скоро прекратила.

Выгнали поляковъ, справились съ ворами —
И въ Кремлѣ собравшись, выборная сила
На престолъ Московскій избрала, съ молитвой,
Доблестнаго рода отпрыскъ — Михаила.

Кончилъ свое государское дѣло,
Кончилъ почетно Захарычъ Козьма.
Передъ великой народною силой
Скоро исчезла налетная тьма.

Тамъ, въ своемъ Нижнемъ, въ Кремлевскомъ соборѣ,
Въ церкви подземной лежитъ его прахъ;
Часто тамъ молятся русскіе люди
Жаркой молитвой на скромныхъ устахъ.

Съ чувствомъ священнымъ предъ этой могилой.
Тамъ, далекò отъ мірской суеты.
Передъ родною почившею силой
Клонятъ главу до холодной плиты.

Спи, гражданинъ — почивай безпробудно;
Дѣло великое ты совершилъ,
Дѣло народное, дѣло святое,
Дѣло любви ты во-очью свершилъ.

Святъ и великъ твой прославленный подвигъ,
Вѣрилъ ты въ жизненность русской земли,
И предъ твоею великою мощью
Прахомъ крамолы и смуты легли.

Русское сердце тебя не забудетъ,
Ты наша гордость, нашъ кровный, родной!
И безъ конца притекать къ тебѣ будетъ
Русскій народъ перекатной волной.

Сумраченъ храмъ, гдѣ лежатъ твои кости,
Въ скромной могилѣ сокрыты они;
Слабо мерцая, святыя иконы
Свѣта лампадъ озаряютъ огни.

Но величава, въ сказаньяхъ правдивыхъ
Славы народной, былина о томъ,
Какъ своей мощной разумною силой
Ты прекратилъ нашей Руси погромъ.

Свѣтомъ любви она свѣтитъ и грѣетъ
Русское сердце въ теченьи вѣковъ,
Изъ-за могилы его охраняя
Отъ себялюбія страшныхъ оковъ.

И не умретъ твоя слава, въ народѣ
Подвигъ любви твой запалъ глубоко.
Спи, гражданинъ! Въ судный часъ воздаянья
Будетъ тебѣ благодатно легко.

. . . . . .

Въ ожерельѣ дивномъ дѣятелей правды
Изъ среды народной, славою покрытый,
Свѣтится алмазомъ — Руси православной
Сынъ Козьма Захарычъ Мининъ именитый! *).

*) Мининъ былъ нижегородскимъ выборнымъ земскимъ старостой, а ремесломъ «говядарь», т. е. торговецъ или мясомъ, или скотиной (гуртовщикъ). Царь Михаилъ Ѳедоровичъ возвелъ его въ званіе думнаго дворянина. Онъ умеръ въ 1616 году, оставивъ одного сына Нефеда, умершаго бездѣтнымъ.

Царица Марья.

(въ иночествѣ Марѳа).

Келья Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ.

Грѣшна, грѣшна въ одномъ я предъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Я въ томъ грѣхѣ и каюсь, и молюсь.

Зачѣмъ меня властитель кровожадный,
Старикъ безумный, въ похотѣ страстей,
Избралъ женой послѣднею своей?
Я не могла любить его; дрожала
Въ его объятьяхъ, когда такъ гадливо
Ласкался онъ, какъ хищный звѣрь, ко мнѣ.
Недолго я была ему забавой;
Жениться вздумалъ онъ на иноземкѣ,
И помня участь прежнихъ женъ его,
Ждала я смерти. Но, по волѣ Божьей,
И для него насталъ земной предѣлъ.
Скончался царь, истерзанный страстями,

Изгнившій тѣломъ въ похоти своей.
Хотѣли было наши доброхоты
Царемъ московскимъ выбрать сына, Митю;
Но злой Борисъ взялъ верхъ и насъ сослалъ,
Подальше отъ Москвы, на Волгу, въ Угличъ.
Тамъ отдохнула тѣломъ и душой
Я во вдовствѣ отъ нашей горькой жизни.
Тамъ жили мы спокойно, вдалекѣ
Отъ своевластья хитраго Бориса.
Мой Митя росъ. Наслѣдникомъ престола
Считался онъ; народныя надежды
Покоились увѣренно на немъ.
Но втайнѣ посягалъ на тронъ московскій
Другой наслѣдникъ, соправитель царства,
Всевластный, хитрый, злобный временщикъ.
Онъ ловко велъ задуманное дѣло
И расчищалъ себѣ къ престолу путь.
Одинъ лишь сынъ мой былъ ему помѣхой
Въ коварныхъ, тайныхъ замыслахъ его,
И подослалъ онъ къ намъ убійцъ наемныхъ,
Чтобъ разомъ съ нимъ покончить навсегда.
О, страшный день, день скорби и печали!
Зарѣзанъ былъ мой сынъ средь бѣла дня,
Когда онъ шелъ молиться въ храмъ Господень.
Ужасный часъ! Въ крови, въ предсмертныхъ корчахъ
Онъ бился страшно на моихъ рукахъ,
И взоръ его, прощаяся со мною,
Мнѣ скорбью жгучей сердце обжигалъ.
Все тише, тише... замирали стоны...

Смыкались очи... вытянулась длань...
Послѣдній вздохъ... еще одно движенье...
И онъ затихъ въ объятіяхъ моихъ.
Съ слезой моей мѣшалась кровь родная,
Стекавшая широкою струей.
Застыла я... но вдругъ заклокотало
Въ моей груди, и съ ношей дорогой
Я ринулася, съ воплемъ, призывая
Ко мнѣ народъ, мнѣ близкихъ угличанъ.
Звонилъ набатъ, сбѣгались горожане,
Схвативъ убійцъ и сотворивъ надъ ними
Народный судъ, ихъ жалкіе остатки
Они на площадь злобно повлекли.
Дитя мое! Моя надежда, радость!
Погибло ты въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ
За то, что жизнь твоя была помѣхой
Вступить Борису на желанный тронъ.
И онъ же насъ дерзнулъ всѣхъ обвинить
Въ народномъ бунтѣ противъ царской власти
И въ гибели напрасной слугъ его.
Моихъ родныхъ, народъ, со мной рыдавшій
И палачей наемныхъ растерзавшихъ,
Онъ, какъ мятежниковъ, кого казнилъ,
Кого сослалъ; меня же, мать родную
Убитаго невиннаго младенца,
Съ его могилой даже разлучилъ,
Постригъ насильно и сослалъ на Выксу
Въ убогій, дальній, женскій монастырь.
Грѣшна, грѣшна! Не думала я тамъ

Ни о грѣхахъ моей минувшей жизни,
Ни о трудахъ въ молитвѣ и постѣ,
Но лишь о мщеньи. Всѣ Господни кары
Я день и ночь, въ тиши уединенья,
Все призывала на главу того,
Кто былъ убійцей сына дорогого,
Единой въ жизни радости моей.
Съ какимъ злорадствомъ и съ какой усладой
Я слушала извѣстія о томъ,
Что сына тѣнь въ народѣ воскресала,
Что самъ Борисъ трепещетъ передъ ней.
Въ глухую ночь, въ нашъ дальній монастырь
Его гонцы явилися за мною
И повезли меня къ нему въ Москву,
Въ его дворецъ, въ Кремлѣ имъ возведенный.
Тамъ самъ Борисъ, съ участіемъ притворнымъ,
Въ ночную тишь допрашивалъ меня—
Убитъ ли сынъ мой? Умеръ или живъ?
И почему народная молва
Его живымъ до этихъ поръ считаетъ?
Хоть знала я, что сынъ мой былъ зарѣзанъ,
Что умеръ онъ въ объятіяхъ моихъ,
Но не хотѣла истины повѣдать
Передъ моимъ трепещущимъ врагомъ.
«Не знаю» — отвѣчала я и злобно,
И радостно глядѣла, какъ Борисъ
Отъ словъ моихъ позеленѣлъ, затрясся
И голову безсильно опустилъ.
Его жена, исчадіе Малюты,

Достойная позорнаго отца,
Рванулась съ мѣста и въ безумной злобѣ,
Схвативъ съ стола горящую свѣчу,
Швырнула мнѣ съ проклятіемъ въ лицо.
Вздрогнула я; но медленно и твердо
Промолвила на новый ихъ допросъ,
Что сына мертвымъ я ужъ не видала,
Но слышала отъ близкихъ мнѣ людей,
Что онъ спасенъ, и гдѣ теперь — не знаю.
О, какъ довольна я была тогда!
Какъ месть моя во мнѣ торжествовала.
Не вѣдала въ грѣховной слѣпотѣ,
На комъ та месть сторицей отзовется.
Хотя меня, вернувши въ монастырь,
Тяжелому подвергли заточенью,
Но я воскресла. Месть моя достигла
Желанной цѣли. О, съ какой отрадой
Я слушала всѣ радостныя вѣсти:
Что здохъ Борисъ, сраженный грозной тѣнью;
Что сынъ его погибъ ужасной смертью;
Что мать его, какъ кошку, задушили.
А дочь родная, ихъ краса и радость,
Въ любовницахъ потѣшныхъ состоитъ.
Но часъ насталъ и для меня тяжелый,
Когда ко мнѣ явилися послы
И звали съ честью на свиданье съ сыномъ.
Съ какимъ? Мой сынъ? Вѣдь помню твердо я,
Что сынъ мой Дмитрій много лѣтъ назадъ
Убитъ, зарѣзанъ, на моихъ рукахъ

Тогда скончался. Кто же этоть дерзкій,
Который смѣлъ то имя дорогое
Взять изъ могилы и, прикрывшись имъ,
Отнять престолъ московскій у Бориса?
Смущенная сидѣла въ кельѣ я
Въ монастырѣ Покровскомъ, подъ Москвою,
И ожидала тайнаго свиданья
Съ невѣдомымъ мнѣ мстителемъ моимъ.
Онъ ловокъ былъ. Не сталъ онъ притворяться,
И надо мной глумиться не дерзнулъ.
Онъ истину повѣдалъ откровенно
И предложилъ: или признать его
За Дмитрія, спасеннаго отъ смерти,
И окруженной нѣжною заботой,
Какъ матери московскаго царя,
Въ довольствѣ провести остатокъ жизни —
Или не выйти болѣе живой
Изъ этой кельи. Онъ же, огорченный,
Повѣдаетъ народу своему,
Что умерла я въ радости внезапной
Свиданья съ сыномъ. И грѣшна, грѣшна —
Я согласилась. Послѣ, всенародно,
Когда мы свидѣлись въ селѣ Тайнинскомъ,
Онъ бросился при всѣхъ въ мои объятья
И зарыдалъ. Заплакала и я —
Но не о немъ, мнѣ чуждомъ, а о сынѣ,
Давно зарытомъ Дмитріѣ моемъ.
Онъ былъ почтителенъ, и добръ, и нѣженъ,
Онъ ежедневно посѣщалъ меня,

Онъ дорожилъ моимъ благословеньемъ —
И примирилась съ жизнью я своей.
Потомъ... потомъ онъ, радостный, привезъ
И помѣстилъ со мной въ монастырѣ
Свою невѣсту, польку-иновѣрку.
Потомъ женился... пировалъ... гулялъ...
Поцарствовалъ — и, наконецъ, жестоко
За свой обманъ недолгій поплатился.
Не позабыть мнѣ тотъ весенній день.
Набатъ... пальба... тревога... бунтъ... смятенье...
Пришли за мной и вызвали къ воротамъ.
Тамъ предо мной среди толпы въ грязи,
Въ лохмотьяхъ рваныхъ, съ дудкою во рту.
Истерзанный, обвязанный веревкой,
Лежалъ его похолодѣвшій трупъ.
Тамъ, на вопросъ передъ судомъ народнымъ,
Я не могла скрыть правды роковой
И отвѣчала, осѣнясь крестомъ:
— «Не мой.» — Не мой... Зачѣмъ объ этомъ раньше
Я не сказала тамъ, когда Борисъ
Чинилъ допросъ мнѣ во дворцѣ кремлевскомъ?
Зачѣмъ? зачѣмъ? О, сколько слезъ и крови
Не пролилось тогда бы на Руси!

. . . . . .

Теперь во мнѣ давно затихла злоба;
Теперь давно готовлюсь къ смерти я.
Но страшныя минувшаго дѣянья:
Крамолы, смуты, поруганья храмовъ,
Пожары, казни, море слезъ и крови,

Родной страны губительный разгромъ—
Все помню я! — и въ глубинѣ души
Мнѣ совѣсть неустанно повторяетъ:
«Вотъ твои жертвы, вотъ на комъ твой гнѣвъ
И мщеніе твое отозвалися!»

Грѣшна, грѣшна я въ томъ передъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Въ грѣхѣ томъ тяжкомъ каюсь и молюсь *).

*) Царица Марья, изъ рода Нагихъ, была пострижена насильно подъ именемъ Марѳы и сослана въ Никольскій женскій монастырь на р. Выксѣ въ Череповецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Дмитрій Самозванецъ помѣстилъ ее въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ она умерла и погребена.

Иванъ Сусанинъ.

Боръ непроглядный, трущоба лѣсная,
Въ дебряхъ болотныхъ Заволжскаго края;

Мѣсяцъ сквозь тучи неясно глядитъ.
Старецъ подъ вѣтвями дуба сидитъ.

Неподалеку костеръ догораетъ,
Кучка людей вкругъ его отдыхаетъ,

Шлемы, кольчуги — бывалый народъ,
Ляшскаго племени буйственный сбродъ.

Тихо, морозно. Подъ снѣжнымъ покровомъ
Все притаилось въ объятьѣ суровомъ;

Старецъ задумчивъ, поникъ головой,
Думой тяжелой охваченъ одной.

Мирно свой вѣкъ доживалъ онъ безвѣстно
Съ внукомъ-подросткомъ; хоть бѣдно, но честно

Жизни свершая невѣдомый путь,
Многое вынесъ, пора отдохнуть.

Думалъ сложить свои старыя кости
Рядомъ съ женой на родимомъ погостѣ.

Выйдетъ инàче, знать Божія власть,
Каждому ей предназначена часть.

Въ ночь, до разсвѣта, къ нему постучалась
Вражья дружина; давно ужъ шаталась

Въ этихъ краяхъ она тучею злой,
Селъ беззащитныхъ ужасной грозой.

Нуженъ имъ спѣшно надежный водитель:
—«Гдѣ тутъ вашъ избранный царь-повелитель?

Важное дѣло, поспѣть надо въ срокъ.»
Знатный съ Москвы, вишь, получатъ оброкъ,

Если поможетъ нечистая сила
Въ плѣнъ захватить имъ царя Михаила.

Понялъ Сусанинъ ихъ замыселъ злой,
Понялъ и долгъ передъ родиной свой.

Съ внукомъ прощаясь, шепнулъ, чтобы тотъ
Птицей летѣлъ бы въ село, гдѣ живетъ

Царь молодой, упредивши во-врéмя.
Что̀ тутъ задумало вражее племя.

Самъ же повелъ ихъ звѣриной тропой
Въ глубь непроглядной трущобы лѣсной —

Ближе, молъ, будетъ идти на прямикъ,
Знаю дорогу я, съ дѣтства привыкъ.

Сильно умаялись, спятъ безпробудно;
Изъ лѣсу выбраться будетъ имъ трудно;

Скоро проснутся и скоро узнаютъ,
Какъ на измѣну у насъ подкупаютъ.

Смаялся самъ, стерегутъ его строго;
Дремой охваченъ, забылся немного,

Вдругъ его кто-то толкнулъ, разбудилъ.
Старецъ съ трудомъ свои очи открылъ,

Видитъ — стоятъ передъ нимъ супостаты,
Гнѣвомъ и страхомъ ихъ лица объяты.

Тѣсно смыкается вражескій кругъ,
Брань да угрозы лишь слышны вокругъ.

—«Въ путь поскорѣе!—кричатъ—надоѣло
Мерзнуть въ лѣсу! неотложное дѣло!

И ужъ давно намъ пора бы дойти,
Чтобы въ норѣ еще звѣря найти.»

—«Въ путь?»—«Да, скорѣй, въ монастырь!»—«Погодите—
И хорошенько вокругъ поглядите,

Гдѣ тутъ дорога? лишь птица одна
Здѣсь вамъ отыщетъ ее, а не я.»

—«Ты же насъ велъ!»—«Да, повелъ, заблудился,
Ишь вѣдь въ трущобѣ какой очутился.»

—«Такъ ты нарочно завелъ насъ? Смотри:
Смерть надъ твоей головой! Говори!»

—«Впрямь иль нарочно — то вѣдомо Богу.
Онъ вамъ поможетъ найти и дорогу,

Если еще не забылъ, не отвыкъ
Богу молитвы творить вашъ языкъ.

А за посулы спасибо большое;
Ишь вы задумали дѣло какое...»

—«Вотъ твое золото! Любо? взирай!
Смерть или деньги—скорѣй выбирай!»

—«Злато даете; но золото ваше
Съ вами въ трущобѣ останется нашей;

Богъ мнѣ судья, а не вы! Онъ одинъ
Жизни и смерти моей властелинъ.»

—«Сгинь же, проклятый!» раздàлось вокругъ.
Разомъ мечи обнажилися вдругъ,

Гнѣвомъ безмѣрнымъ черты исказились,
Разомъ надъ старцемъ мечи опустились,

Палъ, бездыханенъ, къ ногамъ палачей
Старецъ Сусанинъ отъ вражьихъ мечей...

Стихло въ лѣсу. На полянѣ волнистой
Сильно притоптанный снѣгъ серебристый

Алою кровью людской оросился;
Шорохъ шаговъ издали доносился...

Стихло въ лѣсу—но откликнулось тамъ,
Гдѣ все завѣтное, близкое намъ,

Въ свѣтлыхъ преданьяхъ дѣяній былого
Сонма избранниковъ края родного.

И не заглохнетъ сказанье о томъ,
Какъ въ этомъ сердцѣ крестьянскомъ, простомъ,

Чувство любви къ своей родинѣ билось,
Какъ человѣчно оно разрѣшилось,

Какъ своей жизнью отъ умысла злого
Спасъ онъ избранника Руси младого *).

*) У Сусанина была одна дочь Антонида, замужемъ за крестьяниномъ Богданомъ Сабининымъ. Ей и дѣтямъ ея, Даніилѣ и Константину, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, за терпѣніе и за кровь Ивана Сусанина, была дана въ родовую отчину въ Костромскомъ уѣздѣ пустошь Коробово, съ обѣленіемъ ихъ съ потомствомъ отъ всякихъ податей и повинностей. Потомство ихъ, родъ Коробовскихъ бѣлопашцевъ, и донынѣ состоитъ подъ попечительствомъ Министерства Императорскаго Двора.

Патріархъ Гермогенъ.

То были ужасные, грозные годы
Для русской несчастной земли,
Когда, какъ громо̀выя тучи, невзгоды
Свинцомъ ей на грудь налегли.

Земля расшаталась. Порва́лися узы,
Скрѣплявшія съ властью народъ.
Погибли отъ Грознаго древніе ро̀ды,
И ихъ замѣнилъ всякій сбродъ

Холоповъ кабальныхъ, безъ правды, безъ чести,
Забывшихъ и совѣсть, и стыдъ,
И жившихъ плодами коварства и лести,
И мнившихъ — счастливъ, коли сытъ.

Борисъ Годуновъ, самозванецъ Димитрій,
И Шуйскій, и Тушинскій воръ,
Смѣняли другъ друга, какъ Божія ка̀ра,
Какъ грозный судьбы приговоръ.

Повсюду, какъ волки, бродили поля́ки;
Какъ рой саранчи казаки́
Носились по селамъ, и жгли, и терзали
Несчастную Русь ихъ полки.

И много своихъ въ тѣ года измѣнило,
И радуясь общей бѣдѣ,
Лишь рыбу ловить, для поганой корысти,
Старалися въ мутной водѣ.

Но все же и въ эти ужасные годы
Въ конецъ не покинулъ насъ Богъ,
И грозно карая за грѣхъ и неправду,
Собраться землѣ онъ помогъ.

Подня́лися въ Нижнемъ. Козьма Сухорукій,
Старикъ, ремесломъ говяда́рь,
Должно быть потомокъ сыновъ Новограда,
Припомнилъ, какъ дѣлывалъ встарь

Свободный народъ, когда дѣло касалось
Защиты родныхъ очаговъ,
Когда приближались союзныя рати
Исконныхъ и храбрыхъ враговъ.

Какъ вдругъ создавалася мощная сила
Коль вѣче рѣшало возстать
Во славу великой, премудрой Софіи
И родину всѣмъ защищать.

Припомнило Минина сердце былое,
И кликнулъ могучій онъ кличъ,
И сильной, простой, задушевною рѣчью
Съумѣлъ своей цѣли достичь.

Нашлися и деньги, и люди, съумѣли
Себѣ воеводу избрать,
И двинулась къ бѣдной Москвѣ полоненной
Великая русская рать.

Стеклись на подмогу другіе. Съ Заруцкимъ
Не мало пришло казаковъ;
Привелъ и свою боевую дружину
Рязанецъ Прокопъ Ляпуновъ.

Москву, словно туча, они обложили,
И бились съ врагами земли,
И много и ихъ, и своихъ положили,
Но всѣхъ одолѣть не могли.

Поляки, какъ львы, защищались задорно
И крѣпко въ Кремлѣ заперлись,
И тамъ продолжали держаться упорно,
И биться на смерть поклялись.

Они не боялись бояръ, ни казаковъ —
Все это продажный народъ,
Все это корысти послушное стадо
Изъ хищныхъ и алчныхъ породъ.

Ихъ можно купить; вѣдь они признавали
Царемъ, кто захватывалъ власть,
А послѣ охотно ему измѣняли
И родину грабили всласть.

Страшила поляковъ лишь земская сила;
Страшилъ ихъ тотъ русскій народъ,
Который лишь гнулся, но все не ломился
Отъ страшныхъ и долгихъ невзгодъ;

Который, ни правъ, ни законовъ не зная,
Татарскую свергнувъ напасть,
Трудился незримо, Москвѣ помогая
Упрочить единую власть.

Народъ ужъ не вѣрилъ князьямъ и боярамъ;
Но вѣрили всѣ въ одного,
Кто въ тяжкіе годы лихаго безправья
Не тѣшилъ себя самого.

Служилъ не корысти, служилъ государству,
И крѣпко стоялъ за своихъ,
И въ сдѣлку съ врагомъ не вступалъ, и дарами
Не льстился коварными ихъ.

И слалъ вдохновенныя всюду посланья:
Чтобъ всѣ поголовно легли,
Но только-бъ латинца избрать не посмѣли
Царемъ православной земли.

И знали поляки, что всѣ ихъ посулы
И льготы, и сила, и власть,
Останутся втунѣ; что ими не сманишь
Всю Русь; что грозитъ имъ напасть.

Пока не удастся сломить Гермогена,
И волю монаха склонить,
Хотя бы надеждой спастися изъ плѣна,
Отчизнѣ своей измѣнить.

Но праведный старецъ, какъ Божій подвижникъ,
Какъ сынъ православной земли,
Былъ твердъ неизмѣнно—и сладкія рѣчи
Его искусить не могли.

И ляхи рѣшили святого владыку
Еще разъ съ угрозой просить,
А если откажетъ, голодною смертью
Въ темницѣ его уморить.

Ужъ третія сутки владыку держали
Прикованнымъ цѣпью, во тьмѣ,
И пищи ему никакой не давали,
И жаждой томили въ тюрьмѣ.

Но доблестный старецъ, себя забывая,
Страданья свои отженя,
Молился и ждалъ, какъ предвѣстника рая,
Послѣдняго, смертнаго дня.

На утро пришли, застучали запоры,
Дробясь, засверкали огни,
Вошли палачи — и зловѣщіе взоры
Вперили на старца они.

За ними, на блюдахъ и въ мисѣ узорной,
Какія-то яства внесли,
И сняли съ нихъ крыши, покрытыя паромъ.
И близко къ нему поднесли.

— «Послушай, старикъ, не упрямься! смирися!
Взгляни ты на этотъ обѣдъ,
Такимъ ты давно не упитывалъ чрева
Въ годину неволи и бѣдъ.

Вдохни—какъ пріятно; попробуй—какъ вкусно;
Оставимъ его мы тебѣ,
А ты подпиши только эту бумагу
И ѣшь на здоровье себѣ.

Пора положить, къ обоюдному миру,
Конецъ этой тяжкой борьбѣ;
Смирись! Объяви своему ты народу,
Чтобъ онъ покорился судьбѣ;

Чтобъ онъ государемъ призналъ Владислава,
Что ты признаешь его самъ,
И, вмѣстѣ съ другими, посломъ сановитымъ
За нимъ отправляйся ты къ намъ.»

Но старецъ былъ твердъ, и напрасно поляки
Надѣялись этимъ путемъ
Сломить его силу, смирить непокорность,
И встрѣтить союзника въ немъ.

— «Молчи—отвѣчалъ онъ—неужли ты думалъ,
Что я, какъ Исавъ за обѣдъ,
За эту земную, ничтожную пищу,
Рѣшуся служить вамъ. О, нѣтъ!

Сулите мнѣ царства, сулите мнѣ страны,
Сулите всѣ блага земли,
Давайте весь міръ—и тогда бы, безумцы,
Меня вы купить не могли!

Кичитесь, злодѣи! Недолго придется
Въ Москвѣ вамъ теперь пировать!
По волѣ Господней, ужъ скоро прольется
Святая надъ ней благодать.

Смететъ васъ, какъ вѣтеръ мететъ паутину,
Какъ соръ она выброситъ васъ;
Найдутся, повѣрьте, въ лихую годину
Избранники Бога у насъ.

Пируйте, бѣснуйтесь себѣ на погибель,
Кощунствуйте въ храмахъ святыхъ —
Безславную, злую и страшную гибель
Готовитъ Господь вамъ за нихъ!...»

— «Довольно болтать! Ишь тебя разобрало!
Опомнись, проклятый старикъ!
Неужели па́ромъ тебя не пробрало,
И онъ въ твою пасть не проникъ?

Должно быть, что нѣтъ! Такъ оставимте яства,
Пускай передъ нимъ постоятъ,
Пускай передъ носомъ его подымятся
И вдоволь его потомятъ.

Пусть ноздри его этотъ паръ пощекочетъ,
Тогда, въ непосильной борьбѣ,
Авось, наконецъ, онъ отвѣдать захочетъ,
И самъ позоветъ насъ къ себѣ.»

Ушли — но оставили мису съ ухою,
И рыбу. и хлѣбъ, и вино,
И многія яства, которыхъ владыка
Въ тюрьмѣ не видалъ ужъ давно.

Но въ тѣлѣ больномъ, изможденномъ владыки
Былъ доблестный духъ, не могли
Заставить его, для спасенія жизни,
Прельститься дарами земли.

Что день, то все новыя яства мѣняли,
Все ближе ихъ ставя къ нему,
И даже скоромью уста оскверняли,
И все говорили ему,

Чтобъ онъ покорился, заставя примѣромъ
Съ собой покориться народъ;
Что и́наче онъ неминуемо скоро
Голодною смертью умретъ.

Молчалъ Гермогенъ. Со смиреньемъ сносилъ онъ
Пору испытаній и бѣдъ;
На всѣ ихъ посулы, на всѣ ихъ глумленья
Ни слова не молвилъ въ отвѣтъ.

Но дни проходили — и властное время
Свое понемногу взяло.
И жажды, и голода тяжкое бремя
Его и томило. и жгло.

Мученія голода могъ перенесть онъ,
Но жить безъ питанья не могъ.
И бренность ничтожнаго нашего тѣла
Сломила его, и онъ слегъ.

На пятыя сутки забылся владыка
И впалъ въ лихорадочный бредъ.
Но все призывалъ милосердіе Бога
Спасти отъ ужаснѣйшихъ бѣдъ

Родную страну, и не дать ей погибнуть
Отъ тяжкихъ раздоровъ вождей.
И строго, и гнѣвно ее наказуя,
Явить свою милость надъ ней.

Ему представлялась народная сила,
Могучая сила земли,
Которой дружины, какъ грозныя тучи,
Кольцомъ вражій станъ облегли.

Онъ видѣлъ, какъ въ яростной битвѣ мѣшались
И вражьи, и русскихъ полки,
Какъ ближе и ближе они надвигались,
Какъ стойко дрались поляки.

И долго та битва кипѣла, и долго
Сломить вражій станъ не могла,
И быстро рѣдѣла народная сила,
И большею частью легла.

Но вотъ, наконецъ, одолѣли поля́ковъ,
Пощады не дали врагамъ.
Прогнали злодѣевъ и въ Кремль златоверхій
Стеклись на молитву во храмъ.

Смиренно народъ предъ святыней Господней
Добычу побѣды сложилъ,
И онъ, патріархъ Гермогенъ, на амвонѣ
Соборне молебенъ служилъ.

Съ какою отрадой свершалъ онъ служенье,
И всѣ повторяли за нимъ:
И вѣчную память усопшимъ собратьямъ,
И многая лѣта живымъ.

Окончивъ молебенъ соборне, владыка
На Красное вышелъ крыльцо,
И было свѣтло, и сіяло, какъ солнце,
Его испитóе лицо.

И пала толпа передъ нимъ на колѣни,
И онъ осѣнилъ ихъ крестомъ...
О, какъ онъ гордился такого народа
Духовнымъ считаться отцомъ!

А вотъ и потомокъ державнаго рода,
Избранникъ всей русской земли,
Кого, по свободному міромъ желанью,
Всѣ дружно царемъ нарекли,

Стоитъ передъ нимъ... вотъ склонился смиренно,
Крестомъ свою грудь осѣнилъ
И ждетъ, чтобы онъ, Гермогенъ, всенародно
Тотъ выборъ вѣнцомъ утвердилъ.

Какою-то чудною силой подъятый,
Страдалецъ поднялся съ земли,
Въ такое мгновенье ни голодъ, ни муки
Его одолѣть не могли.

Подъявъ ослабѣвшія руки, владыка
Какъ будто вѣнецъ возложилъ,
Вздрогнýлъ... пошатнулся... и грохнулся нá земь,
И очи на вѣки смежилъ *).

*) Ранняя жизнь патріарха Гермогена, а также его происхожденіе и мѣсто рожденія неизвѣстны.

Архимандритъ Діонисій.

Въ городѣ Ржевѣ, въ семьѣ горожанина скромной
Мальчикъ родился, и былъ нареченъ онъ Давидомъ;
Мальчикъ способный, къ ученью ретивъ и прилеженъ,
Богобоязненъ, смиренъ и кроткаго нрава.
Выросъ большой — и священнослужителемъ церкви
Былъ онъ въ селѣ монастырскомъ поставленъ владыкой.
Честно свершалъ онъ служенье свое и доволенъ
Участью пастыря былъ, почитаемъ народомъ.
Но не въ безвѣстномъ селѣ ему жить предстояло.
Только шесть лѣтъ протекло, овдовѣлъ онъ внезапно—
И по обычаю древнему, санъ сохраняя,
Инока чинъ воспріялъ онъ въ обители скромной
И Діонисіемъ былъ нареченъ въ постриженьи.
Мудрости книжной смиренно себя посвятившій,
Строго монашескій подвигъ во всемъ соблюдая,
Былъ отличенъ онъ владыкой и въ скорое время
Архимандритомъ обители той же назначенъ.
Часто бывая въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ,
Болѣе всѣхъ онъ сошелся съ владыкой казанскимъ

Строгимъ, суровымъ къ себѣ и къ другимъ, Гермогеномъ.
Въ дружбѣ сердечной они находились другъ съ другомъ,
Въ дружбѣ годами окрѣпшей, зане были оба
Благочестивы и чисты душою и жизнью,
И горячо свою родину оба любили.
Въ тяжкую пору постигшаго Русь лихолѣтья
Онъ находился въ Москвѣ и, вдвоемъ съ Гермогеномъ
Смѣло народъ увѣщалъ — не ввѣряться поля́камъ,
Бросить крамолы, изгнать самозванцевъ безбожныхъ
И водворить благочестно исконный порядокъ.
Послѣ-жъ кончины защитника Троицкой Лавры
Іоасафа, въ преемники славному старцу,
Архимандритомъ обители этой священной
Былъ Діонисій назначенъ, и тутъ-то смиренный
Инокъ Господень вполнѣ свою чистую душу,
Доброе сердце и нравъ свой въ дѣлахъ обнаружилъ.
Бѣдныхъ страдальцевъ, отъ звѣрства бродячихъ злодѣевъ
Пытками страшными полузамученныхъ тяжко,
Онъ подбиралъ по дорогамъ и селамъ окрестнымъ,
Всѣхъ въ монастырь привозилъ, и кормилъ, и лечилъ ихъ;
Тѣлу — пріютъ. а душѣ — утѣшеніе словомъ
Съ братіей самъ подавая, напутствовалъ кротко
Тѣхъ. кто не въ силахъ ужъ былъ одолѣть свою немощь
И, разставаясь въ страданіяхъ съ плотью грѣховной,
Словомъ любви утѣшался и взоромъ участья.
Ночью и днемъ не зналъ Діонисій покоя.
Не о живыхъ онъ заботился лишь, но и мертвыхъ
Братьи приказывалъ тоже сбирать по дорогамъ,
И христіанскому ихъ предавать погребенью.

Все, что имѣлося въ Лаврѣ въ казнѣ монастырской,
Вклады на душъ поминанье, съѣстные запасы —
Все отдавалъ онъ убогимъ, больнымъ и страдальцамъ,
Въ Лавру святую съ окрестныхъ сторонъ привозимымъ.
Но отдаваясь, какъ инокъ, великому дѣлу
Помощи ближнему, не забывалъ Діонисій
И неурядицы тяжкой надъ Русью царившей.
Въ кельяхъ особенныхъ Лавры писцы-черноризцы
Денно и нощно писали, посмѣнно и спѣшно,
Вѣщія грамоты, съ коими доблестный инокъ,
Купно вдвоемъ съ Авраамiемъ, келаремъ Лавры
Къ русской землѣ обращались, народъ призывая
Подвигъ любви возложить на себя и въ благомъ единеньи.
Бросивъ раздоры, къ Москвѣ поспѣшать неотложно,
Бога смиренно моля, да не дастъ онъ погибнуть
Русскому царству и съ нимъ роднику православья.
Въ Новгородъ, въ Псковъ, на востокъ, и на югъ, и на сѣверъ
Люди надежные, часто платясь головами,
Вѣщія грамоты эти тайкомъ развозили.
Вѣруя въ милость Господню, въ Святыхъ заступленье,
Въ силы живыя, сокрытыя въ нѣдрахъ народа.
Былъ убѣжденъ Діонисій въ спасеніи Руси.
Минина звалъ онъ скорѣе къ Москвѣ подвигаться,
Чтобы не дать въ ней окрѣпнуть врагу-супостату.
Съ скорбной душой принималъ онъ недобрыя вѣсти.
Что неуряды пошли въ ополченіяхъ земскихъ;
Къ нимъ Авраамія выслалъ утишить раздоры
И водворить среди нихъ добрый миръ и согласье.
Въ день же, когда подъ стѣнами избитыми Лавры

Земскую силу народа узрѣли монахи.
Съ радостью сердца великой встрѣчалъ Діонисій
Этотъ послѣдній оплотъ и надежду всей Руси.
Выйдя торжественнымъ ходомъ церковнымъ изъ Лавры,
Предъ ополченьемъ молебенъ онъ справилъ соборне
И, окропляя святою водой, со слезами
Всѣхъ горячо умолялъ: не бросать свое дѣло,
Не возвращаться домой малодушно. доколѣ
Кремль оскверненный и русскую землю родную
Богъ отъ враговъ и крамолъ имъ избавить сподобитъ.
Съ страхомъ великимъ онъ вѣсть услыхалъ роковую,
Что казаки не хотятъ подъ Москвой оставаться.
Требуя денегъ. Въ казнѣ монастырской въ то время
Не было ихъ; но нашелся и тутъ Діонисій.
Долго не думая, взялъ онъ церковную утварь,
Все, что еще оставалося въ ризницѣ Лавры,
Вмѣстѣ съ иконой Спасителя въ цѣнномъ окладѣ,
Все казакамъ отослалъ, какъ залогъ несомнѣнный,
Впредь до уплаты имъ денегъ за вѣрную службу.
Тронуло сердце казачье такая присылка—
Взять не дерзнули; но всѣ, какъ одинъ, поклялися
Передъ иконой, изъ Лавры въ залогъ привезенной,
Не отходить отъ Москвы, пока Богъ не сподобитъ
Кремль и страну отъ враговъ иноземныхъ очистить.
Кончилось тяжкое время, и гнѣвъ Свой на милость
Богъ претворилъ. Отъ враговъ и своихъ лиходѣевъ
Русь Онъ избавилъ. Царя всѣмъ соборомъ избравши,
Стала въ порядокъ она приходить постепенно.
Но не окончилъ служенье свое Діонисій.

Новое дѣло ему предстояло. Печатный
Дворъ былъ въ Москвѣ возстановленъ, и требникъ
церковный
Вновь Діонисію велѣно было печатать.
Въ дѣлѣ церковномъ зѣло умудренъ и начитанъ,
Онъ, повѣряя, замѣтилъ, что въ требникѣ этомъ
Много ошибокъ, описокъ и вставокъ невѣрныхъ
Было допущено. Въ новомъ печатномъ изданьи
Съ точностью полной, по греческимъ книгамъ служеб-
нымъ,
Онъ тѣ ошибки исправилъ. Но темные люди,
Буквѣ — не духу послушные слѣпо и рьяно,
И во главѣ ихъ Іона, владыка крутицкій.
Дружно возстали на новшества въ книгѣ церковной,
Мудрый, смиренный и родинѣ столь послужившій
Архимандритъ Діонисій къ отвѣту былъ призванъ,
Еретикомъ оглашенъ и къ значительной пенѣ
Былъ присужденъ. Но у инока не было денегъ.
Все онъ пожертвовалъ родинѣ, отдалъ въ годину
Тяжкаго бѣдствія и, какъ должникъ неоплатный,
Былъ на правежъ осужденъ во дворѣ патріаршемъ.
Въ тяжкихъ оковахъ стоялъ онъ — и нагло глумились
Люди надъ нимъ, и плевали въ него, и въ ланиты
Уличной грязью бросали. Терпѣлъ Діонисій —
И на глумленье, на брань отвѣчалъ добродушно:
Что свою милость Господь ему днесь посылаетъ;
Что лишь добро ему люди творятъ, истязуя;
Что не страшна ему ссылка; напротивъ, въ Соловкахъ
Въ тяжкой тюрьмѣ для него. какъ отверженца міра,

Лишь и начнется дѣйствительный инока подвигъ.
Нѣсколько дней на правежъ его такъ приводили,
Мучали зло, издѣвались, глумилися въ волю —
И, наконецъ, въ монастырь Новоспасскій за ересь
На заточенье въ оковахъ по смерть осудили.
Кротко, съ смиреніемъ все выносилъ Діонисій,
Бога за милость къ нему и любовь святословилъ,
Зная, что Онъ, судія неподкупный и правый,
За испытанья земныя воздастъ всѣмъ сторицей.
Но не надолго онъ былъ заточенъ. Возвратился изъ Польши
Митрополитъ Филаретъ; патріархомъ московскимъ
Избранный тотчасъ соборне, онъ въ санъ сей верховный
Былъ посвященъ патріархомъ іерусалимскимъ,
Бывшимъ въ то время въ Москвѣ по дѣламъ патріаршимъ.
Вмѣстѣ, вдвоемъ, разобрали они Діонисія дѣло,
Правымъ признали страдальца — и съ честью особой
Въ Лавру на прежнее мѣсто его возвратили.
Тамъ еще долго онъ прожилъ все такъ же незлобивъ,
Кротокъ душою и къ ближнимъ любовью обиленъ.
Много сносилъ онъ нападокъ отъ дерзкихъ монаховъ,
Слабостью нравъ его кроткій считавшихъ и даже
Въ храмѣ священномъ дерзавшихъ ему прекословить.
Чистый, смиренный, въ служеніи Богу и ближнимъ
Въ духѣ любви и обидъ наносимыхъ прощенья,
Прожилъ онъ жизнь — и въ назначенный часъ неизбѣжный
Богу преставился въ старости честной и мудрой.

Честью особою прахъ его люди почтили.
Самъ патріархъ Филаретъ со священнымъ соборомъ
Въ храмѣ Успенскомъ, въ Москвѣ, отпѣвалъ всенародно
Старца почившаго. Вспомнили русскіе люди,
Что̀ сотворилъ онъ для нихъ и. сознавши заслуги,
Въ Лавру святую съ почетомъ его проводили.
Въ ней и покоится мирно незлобивый. мудрый,
Строгій къ себѣ, но любви преисполненный къ ближ-
нимъ,
Правды поборникъ и родины свѣточъ великій,
Этотъ родной, благодатный и истинный инокъ *).

Архимандритъ Діонисій умеръ въ 1633 году.

Инокъ Авраамій Палицынъ, во время осады Троицко-Сергіевской Лавры Сапѣгою, былъ келаремъ, то есть завѣдующимъ монастырскими дѣлами. Онъ, по порученію Діонисія, ѣздилъ въ Ярославль къ русскому ополченію подзорять согласіе и убѣждалъ Пожарскаго спѣшить къ Москвѣ. Вмѣстѣ съ Пожарскимъ онъ находился и въ станѣ подъ Москвою, уговаривая казаковъ не бросать осады. Онъ же привезъ казакамъ отъ Діонисія, въ видѣ залога, церковную утварь. Его имя упоминается и въ составѣ посольства, отправленнаго въ Кострому для приглашенія царя Михаила Ѳедоровича на престолъ. Въ 1620 году, онъ, неизвѣстно за что, былъ сосланъ подъ особый надзоръ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1627 году.

Утесъ Стеньки Разина *).

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ;
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

*) Утесъ или бугоръ Стеньки Разина находится на правомъ берегу Волги, въ Саратовской губерніи, недалеко отъ деревни Банной.

Къ этому стихотворенію написана авторомъ въ 1896 году музыка, которая и издана въ томъ же году подъ названіемъ: «Утесъ на Волгѣ», музыкальная дума А. А. Навроцкаго.

И хотя каждый годъ, по церквамъ, на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.

И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,
И задумалъ пойти по другому пути.
И идти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю.
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечомъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачемъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана,
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но за то, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Патріархъ Никонъ.

1.

Въ воскресный день, въ Москвѣ, въ Успенскомъ храмѣ
Шла поздняя обѣдня, а служилъ
Митрополитъ новгородскій Никонъ.
И благолѣпно совершалась служба; чинно
Вдоль алтаря стояли іереи,
Торжественно звучалъ согласный хоръ,
И всѣ съ почтеньемъ великимъ взирали
На строгаго владыку. Не любилъ
Онъ потакать небрежности обычной
Въ служеньи Богу, и въ великомъ страхѣ
Держалъ весь клиръ, столь падкій до стяжанья
И превращавшій храмъ въ вертепъ корысти,
Иль въ торжище святынями земли.
То было время переходное. Іосифъ,
Великій патріархъ всея Руси,
Недавно въ Бозѣ опочилъ, оставивъ
Осиротѣвшей паству. Ожидали
Съ великимъ нетерпѣніемъ въ Москвѣ,
Кого соборъ, по Божьему внушенью

И волѣ царской, изберетъ на мѣсто
Усопшаго владыки. Толковали,
Что будто будетъ непремѣнно избранъ
Суровый Никонъ. Вѣдь не даромъ царь
Его такъ чтилъ и даже величалъ
Своимъ «собиннымъ» другомъ, и къ тому же
Его избралъ своимъ духовникомъ.
Ходили вѣсти, будто государь
Уже не разъ просилъ митрополита,
Чтобъ, покорясь всеобщему желанью
И волѣ царской, онъ пріялъ смиренно
Великій санъ духовный патріарха
И замѣнилъ осиротѣвшей паствѣ
Усопшаго владыку. Но напрасны
Остались всѣ старанья государя.
Честолюбивый Никонъ отклонялъ
И уговоръ, и просьбы. Непреклонно
Онъ отвѣчалъ отказомъ; не могли
Поколебать его ни убѣжденья.
Ни даже просьбы друга и царя.
И слухъ прошелъ, что кроткій Алексѣй
Вдругъ осердился на его упрямство,
И даже не пожаловалъ къ обѣднѣ,
Въ воскресный день, въ святой Успенскій храмъ,
А слушалъ службу въ теремномъ дворцѣ,
У Спаса за рѣшеткой золотою.
Окончилась обѣдня. Сталъ народъ
Изъ храма выходить. Разоблачился
Порядкомъ установленнымъ владыка

И, мантію одѣвъ, благословенье
Послѣднее преподалъ на амвонѣ,
И къ выходу направился... Вдругъ, видитъ—
Въ соборъ вошелъ царь Алексѣй, держа
Въ рукахъ икону, а за нимъ толпою
Текли во слѣдъ служители Христа.
Остановился Никонъ. Государь,
Подъявъ икону Спаса, подошелъ
Къ собинному пріятелю и громко
Сталъ именемъ Господнимъ заклинать
Чтобъ онъ не смѣлъ противиться велѣнью
Премудрости Господней и пріялъ
Великій санъ духовный патріарха.
Но Никонъ былъ неколебимъ. Смиренно,
Но твердо отвѣчалъ онъ государю,
Что самъ себя считаетъ недостойнымъ
Занять престолъ святительскій и проситъ
Избрать изъ сонма пастырей благихъ
Другого, болѣе достойнаго владыку.
Царь Алексѣй смутился. Передавъ
Икону іерею, опустилъ онъ
Свое чело державное и въ думу,
Какъ въ мрачную пучину, погрузился.
И воцарилося безмолвіе. Стояли
Всѣ неподвижно, ожидая въ страхѣ.
Чѣмъ разрѣшится дума Государя...
И вдругъ случилось зрѣлище, какого
Еще никто не видѣлъ на Руси.
Царь Алексѣй, преемникъ Іоанна,

Самодержавный деспотъ всей Руси,
Передъ крестьянскимъ сыномъ опустился
Вдругъ на колѣни и, главу склонивши,
Сталъ со слезами умолять, чтобъ Никонъ
Ужъ больше не противился и далъ бы
Свое согласье; что предъ нимъ теперь,
Въ лицѣ царя, помазанника Бога,
Вся Русь склонилась и смиренно проситъ
Ее почтить согласіемъ своимъ.
Вслѣдъ за царемъ и весь соборъ духовный
Безмолвно преклонился и внималъ
Его словамъ. При видѣ Государя,
Стоявшаго предъ нимъ въ такомъ смиреньи,
У Никона ужъ не хватило силы
Упорствовать въ отказѣ. Согласился
Онъ патріаршій санъ пріять; любовно
Облобызался съ государемъ; низко,
Но величаво поклонился всѣмъ,
Съ царемъ во храмъ пришедшимъ, прослезился
Какъ патріархъ, ихъ всѣхъ благословилъ,
Со всѣми ими вкупѣ помолился
И по домамъ ихъ съ миромъ отпустилъ.*)

*) Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ крестьянина Нижегородской области, села Вильдеманова.

2.

Прошли года, и вновь въ Успенскомъ храмѣ
Служилъ обѣдню Никонъ патріархъ.
Все также чинно совершалась служба,
Торжественно звучалъ согласный хоръ.
Но на челѣ суроваго владыки
Глубокія виднѣлися морщины,
Слѣды заботъ и думы роковой.
Не праздникъ и излюбленнымъ покоемъ
Былъ для него святительскій престолъ.
Онъ не мирился съ властью, какъ съ почетомъ,
Онъ жаждалъ дѣла. Въ глубинѣ души,
Еще въ давно минувшія годины.
Въ немъ зародились мысли: какъ помочь,
Какъ пособить лихому нестроенью,
Въ которомъ обрѣтались духовенство
И Божья служба въ храмахъ на Руси?
Онъ принялся за дѣло круто, строго:
Онъ безпощадно изгонялъ всѣхъ тѣхъ,
Которые безумно обращали
Въ постыдный торгъ—служеніе Христу.
Онъ обратилъ вниманье и на книги,
И на молитвы. Все что исказили.
Неграмотные, грубые писцы,
Онъ захотѣлъ исправить разомъ, вдругъ.
Но онъ забылъ, что то, что накоплялось

Десятками и сотнями годовъ.
Того нельзя вдругъ измѣнить; къ тому же
Онъ былъ строптивъ, и гнѣвенъ непомѣрно,
И мстителенъ. Волною поднялось
Вокругъ его негодованье всѣхъ,
Кого касались эти перемѣны.
Оно росло и даже добралось
До слуха самодержца Алексѣя.
Но гордый Никонъ охранялъ ревниво
Свои права по власти патріарха.
Онъ твердо вѣрилъ въ заповѣдь Христа,
Чтобъ не мѣшать власть кесареву съ Божьей
И церкви власть не подчинять царю.
И онъ стремился такъ себя поставить,
Чтобъ, по примѣру папы, почитаться
Не подданнымъ, а братомъ, и къ тому же
Отцомъ духовнымъ русскаго царя.
И онъ достигъ желанной цѣли. Кроткій.
Благочестивый Алексѣй призналъ
Его права, и титуломъ Великимъ
Его пожаловалъ, и съ нимъ всегда
Во всѣхъ дѣлахъ совѣтъ держалъ, и даже,
Въ походъ отъѣхавъ къ войску, поручилъ
Ему дѣлами государства править.
Но вскорѣ царь замѣтилъ, что надъ нимъ
Власть патріарха слишкомъ тяготѣла.
Какъ ни казался онъ благочестивъ,
Но санъ свой царскій зорко охраняя,
Онъ недовѣрчивъ сдѣлался. Къ тому-жъ

Его бояре, Никона враги,
Ему твердили неустанно, дружно,
Что патріархъ дерзаетъ власть царя
Себѣ присвоить; что такая дерзость
Для всѣхъ прискорбна, и что царь всегда
Былъ самодержцемъ полнымъ и единымъ
Надъ всею Русью. Льстивыя слова
Царю пришлись по сердцу, и онъ началъ
Охладѣвать къ любимцу своему,
Къ собинному пріятелю и другу.
Замѣтилъ Никонъ это охлажденье
И понялъ разомъ, что ему возвратъ
Назадъ ужъ труденъ; что онъ такъ далéко
Зашелъ впередъ, что нужно или снова
Вернуть, что̀ было, иль однимъ ударомъ
Разрушить все. Онъ совершилъ попытку,
Чтобы вернуться къ прежнему, но это
Ужъ стало невозможнымъ. Государь
Подпалъ вліянью сильному бояръ,
Его враговъ, и онъ, чтобы не впасть
Въ обычныя зависимость и рабство,
Рѣшился самъ сложить съ себя свой санъ.
Окончивъ службу, приложившись къ лику
Святителя Филиппа, помолившись
Передъ иконой чудотворной Спаса,
Онъ вышелъ на амвонъ и тамъ. сказавъ
Народу поученье, объявилъ,
Что онъ слагаетъ патріаршій санъ
По недостоинству и по навѣтамъ злобы

Своихъ враговъ. Затѣмъ разоблачился,
Снялъ панагію и отбылъ смиренно,
Безъ звона, въ Воскресенскій монастырь.
Казалось бы, что не зачѣмъ ужъ было
Его тревожить больше; но должно быть,
Онъ все-таки казался страшнымъ всѣмъ
Своимъ врагамъ, и вотъ они рѣшились,
Помимо отрѣченья, осудить
Его судомъ церковнымъ и, лишивъ
Его свободы, заточить на вѣки
Куда-нибудь въ далекій монастырь.
Коварными навѣтами смущали
Они царя; но тотъ все колебался,
Все Никона боялся—и сперва
Его отправилъ въ Крестный монастырь,
На Бѣломорьѣ имъ сооруженный.
Повиновался Никонъ. Безъ него
Его погибель было ужъ нетрудно
Его врагамъ устроить; собрался
Соборъ духовный. и рѣшили дружно
Не только замѣстить престолъ свободный
Но и лишить и сана, и священства
Опальнаго владыку. Царь, однако,
Смутился духомъ сильно и рѣшилъ
Къ вселенскимъ патріархамъ обратиться,
И ихъ рѣшенью мудрому подвергнуть
Сомнительный соборный приговоръ.
Онъ пригласилъ въ Москву ихъ; но явились
На зовъ его лишь двое, остальные

Имъ полномочье дали. Собрался
Соборъ великій духовенства, только
То былъ соборъ не истинный, а лживый,
Подкупленный заранѣе врагами
Владыки Никона. Какъ патріархъ,
Въ предшествіи креста, вошелъ онъ чинно
И, прочитавъ молитву, поклонился
И патріархамъ, и царю... Судили
Его два дня и, наконецъ, лишили
И сана, и священства. Утромъ рано
Въ одномъ изъ храмовъ Чудовскихъ собрался
Соборъ духовный; привели изъ кельи
Туда и Никона. Спокойно, гордо,
Вошелъ онъ въ храмъ и, сотворивъ молитву,
Всталъ передъ ними молча... Не дерзали
Взглянуть на осужденнаго монаха
Рѣшители его судьбы; средь нихъ,
Въ торжественныя ризы облеченныхъ,
Лишь онъ одинъ, хотя въ одеждѣ скромной,
Былъ истинный владыка. Наконецъ,
Дрожавшими устами приговоръ
Ему прочелъ митрополитъ рязанскій.
Спокойно слушалъ Никонъ, а затѣмъ
Отвѣтилъ такъ:—«Зачѣмъ меня позвали
Вы въ эту церковь? Если я достоинъ
Лишенья сана, такъ должны меня
Лишить его не здѣсь, не въ этомъ храмѣ,
Но тамъ, гдѣ я пріялъ верховный санъ.
Въ Успенскій храмъ ведите! тамъ вѣдь я,

По слезному моленію царя,
Пріялъ свой санъ, и тамъ съ меня лишь можно
И снять его.» Но подкупные судьи,
Конечно, не внимали этой рѣчи
И лишь спѣшили поскорѣй окончить
Обрядъ тяжелый. Сняли панагію,
Клобукъ съ крестомъ и. выведя скорѣй
Изъ храма Никона, поспѣшно въ келью
Его свели, а на другое утро
Подъ тяжкую опалу удалили
Въ далекій Ѳерапонтовъ манастырь.

3.

Прошло еще годовъ не мало. Никонъ
Все былъ въ опалѣ и въ далекой ссылкѣ
Томился подъ надзоромъ неуклоннымъ
Безчувственныхъ, бездушныхъ палачей.
Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ, суровымъ, строгимъ,
Какимъ онъ былъ въ минувшія годины,
Во оны дни величья своего.
Какъ Божій инокъ, какъ служитель церкви,
Какъ ратникъ воинства безкровнаго Христа,
Онъ такъ же строго относился къ людямъ,

Отрекшимся отъ суеты мірской
И посвятившимъ жизнь служенью Богу,
Да подвигамъ смиренья и добра.
Онъ продолжалъ держать себя далеко
Отъ монастырской братьи. Недоступенъ,
Великъ, суровъ онъ былъ всегда средь нихъ;
И не сломился духъ его гордыни
Подъ бременемъ изгнанья и тоски.
Но и его томилъ недугъ тяжелый.
Онъ изнывалъ отъ вѣчнаго бездѣлья,
Онъ жаждалъ власти, жаждалъ прежнихъ дней.
Не для почета только иль покоя
Онъ жаждалъ ихъ; онъ сознавалъ въ себѣ
И твердость духа, и привычку къ власти,
И знаніе, и просвѣщенный умъ...
И онъ все ждалъ посланца изъ Москвы
Съ почетнымъ зовомъ. О, тогда настанетъ
И день отмщенья всѣмъ его врагамъ!
Онъ приметъ власть—и всѣхъ покорно склонитъ
Къ своимъ ногамъ, и отплатитъ сторицей
Тому собору жалкому, который
Постановилъ постыдный приговоръ.
И вотъ, однажды, ночью, въ монастырь
Дѣйствительно пріѣхали посланцы
И привезли съ собой такую вѣсть:
Царь Алексѣй скончался, царь Ѳеодоръ
Вступилъ на прародительскій престолъ
Царей московскихъ и, согласно волѣ
Усопшаго отца и государя,

Онъ снялъ опалу съ Никона, дозволивъ
Въ свой монастырь любимый Воскресенскій
Ему изъ ссылки возвратиться днесь.
Опальный Никонъ выслушалъ посланца
Спокойно, гордо... Не сказавъ ни слова,
Направился онъ къ храму и велѣлъ
Ударить въ колоколъ поліелейный.
Раздался погребальный звонъ, стеклися
Монахи и народъ въ соборный храмъ,
И тамъ смущенный Никонъ совершилъ,
Соборне съ монастырскимъ духовенствомъ,
Поминовенье по усопшемъ. а затѣмъ
Вознесъ молитвы къ Господу о здравьи
И долголѣтьи новаго царя.

4.

Была пора весенняя. По Волгѣ,
На баркѣ скромной, возвращался Никонъ
Изъ ссылки въ Воскресенскій монастырь.
Года прошли не даромъ, расшатало
Они здоровье Никона и тяжко
На бодрости его отозвалйсь.
Его томилъ мучительный недугъ,
Подарокъ той болотистой рѣки,
По берегамъ которой онъ, бывало,

По цѣлымъ днямъ задумчиво бродилъ.
Смерть Алексѣя повліяла также
На черствую натуру старика.
Со смертью государя обрывалась
Послѣдняя надежда. Значитъ, втуне
Онъ столько лѣтъ все думалъ и мечталъ,
Что если царь при жизни не рѣшится
Его вернуть, то на одрѣ болѣзни,
Предъ смертнымъ часомъ, ужъ захочетъ вѣрно
Увидѣться съ своимъ собиннымъ другомъ
И отъ него прощенье получить.
Но Алексѣй скончался... Что-жъ? Остался
Для распри ихъ еще послѣдній судъ.
Не долго ждать! Онъ чувствовалъ, что скоро
И для него наступитъ смертный часъ,
Когда и онъ предстанетъ передъ Богомъ,
Чтобъ дать отчетъ въ грѣхахъ своихъ, а также
Позвать на судъ Его нелицемѣрный
Своихъ враговъ, своихъ позорныхъ судей,
И въ ихъ главѣ — усопшаго царя.
Ужъ время приближалося къ разсвѣту,
Но Никонъ не ложился. Много лѣтъ
Онъ мучился безсонницей. Не зная,
Чѣмъ скоротать томительную ночь,
Покинулъ онъ страдальческое ложе
И, сотворивъ молитву, осторожно
Пошелъ наверхъ. На палубѣ просторной
Все было тихо; спали мертвымъ сномъ
Уставшіе рабочіе на доскахъ,

И только на кормѣ стоялъ бурлакъ,
И твердою, испытанной рукою
Онъ правилъ баркой. Никонъ помолился
И тихо опустился на скамью,
Стоявшую подъ парусомъ у мачты.
Гонимая попутнымъ вѣтромъ, барка
Неслась по Волгѣ быстро, оставляя
Вслѣдъ за собой журчащія струи.
Широкими и мутными волнами
Текла рѣка; вдали, изъ-за пригорка
Всходило солнце, прогоняя быстро
По берегамъ сгустившійся туманъ.
Все оживало. Начиналось утро.
Повсюду чуялась волшебница-весна —
И сладостное чувство овладѣло
Озлобленной душою старика.
Весенній воздухъ вѣялъ благодатно
На утомленный мозгъ и вызывалъ
Въ его душѣ минувшаго картины...
И вспомнилось ему былое время,
И вспомнилъ онъ минувшіе года.
Вотъ онъ ребенокъ. Сколько испытаній
Онъ перенесъ отъ мачихи. Она,
Какъ дикій звѣрь, его терзала, даже
Чуть не убила разъ; но все сносилъ
Онъ, бѣдный мальчикъ, хилый и больной...
А вотъ и монастырь, гдѣ такъ прилежно
Онъ занимался чтеніемъ священныхъ
Церковныхъ книгъ. Вотъ величавый старецъ,

Священный инокъ, просвѣтившій мудро
Его познаньемъ возбужденный умъ.
Затѣмъ — Москва... священство... бракъ... семья...
Потеря всѣхъ своихъ дѣтей... потомъ,
Влекомый жаждой подвиговъ священныхъ,
Ушелъ онъ къ морю Бѣлому и тамъ
Въ скиту Анзерскомъ принялъ постриженье.
Какъ онъ любилъ безмолвіе природы;
Какъ горячо молился онъ, мечтая
Всю жизнь свою въ обители священной
Провесть въ трудахъ, молитвѣ и тиши.
Какъ былъ тогда онъ чистъ душой... а послѣ:
Гордыня... суета... и жажда власти...
Желанье мести... самолюбье... злость...
И тутъ впервые, гордый, непреклонный,
Развѣнчанный владыка вдругъ почуялъ
Потребность всепрощенья. Предъ природой,
Подъ благотворными лучами солнца,
Подъ мѣрный шумъ рокочущей волны,
Вдыхая воздухъ благодатный утра,
Съ благоговѣніемъ смотря на бурлака,
Котораго мозолистыя руки
Всю жизнь трудились тяжко лишь затѣмъ,
Чтобы на хлѣбъ насущный заработать —
Сознàлъ тутъ Никонъ, какъ глубòко онъ
Погрязъ душой въ грѣховной суетѣ.
Сознàлъ и то, что судъ надъ нимъ былъ правый;
Что этотъ судъ, хотя лицепріятный,
Былъ справедливъ — зане, по волѣ Бога,

Онъ за гордыню покаралъ его.
Смягчилось сердце, подступили слезы
Къ его очамъ—и полились свободно
По изможденнымъ старческимъ щекамъ.
Палъ на колѣни Никонъ и склонивши
Свою сѣдую гордую главу,
Онъ сталъ молить у Господа прощенья
Своимъ грѣхамъ, и самъ тогда невольно,
Отъ всей души, отъ искренняго сердца,
Простилъ впервые всѣмъ своимъ врагамъ.
Какъ хорошо онъ чувствовалъ на сердцѣ
Въ тотъ сладкій мигъ, въ тотъ примиренья часъ.
И долго онъ молился умиленно,
И долго плакалъ... наконецъ, поднялся,
Съ улыбкой обернулся къ бурлаку,
Хотѣлъ къ нему приблизиться, чтобъ братски
Облобызаться съ нимъ отъ всей души—
Но вдругъ почуялъ, что въ его груди
Какъ будто что-то лопнуло у сердца,
И кровь изъ горла хлынула струей.
Онъ пошатнулся... слабыми руками
За грудь схватился и, склонившись тихо,
Упалъ на доски. Поднялась тревога,
Сбѣжались всѣ, хотѣли поскорѣе
Его снести въ каюту на постель;
Но онъ открылъ глаза и улыбнулся,
И слабою рукою указалъ,
Чтобы его перенесли на берегъ,
На луговую сторону рѣки.

Остановили барку. Осторожно
Его на берегъ на рукахъ снесли
И положили на лугу зеленомъ,
Подъ старою, развѣсистой березой,
На молодую, свѣжую траву.
Владыка былъ недвижимъ. Тонкой струйкой
Изъ устъ его слегка сочилась кровь;
Но очи были ясны, и съ улыбкой,
Еще невиданной на сумрачномъ лицѣ,
Онъ обводилъ всѣхъ взоромъ. Вдругъ. надъ нимъ,
Въ вѣтвяхъ березы, невысоко, близко.
Запѣла пташка. О, съ какой отрадой
Онъ ей внималъ, какъ вѣстнику спасенья,
Какъ вѣстнику небесъ! Казалось, въ нихъ,
Въ тѣхъ звукахъ мимолетныхъ заключались
Невѣдомыя, дивныя слова,
Слова прощенья... Вдругъ, вспорхнула пташка
И полетѣла кверху, и пока
Не утонула въ яркой синевѣ
Весенняго, безоблачнаго неба,
Слѣдилъ за нею Никонъ; а затѣмъ
Вдругъ застоналъ... хотѣлъ перекреститься...
Шепнулъ, но что̀... понять ужъ не могли...
И умеръ онъ, сынъ пахаря и жницы,
На лонѣ чистомъ матери-земли.

Разбойничья пѣсня.

То не на небѣ туча черная собиралася,
То не на морѣ буря грозная разыгралася,
То на «Соколѣ» атаманъ Степанъ потѣшается,
Съ эсаулами его храбрыми забавляется.
Эхъ, гуляй душа, душа вольная!
Душа вольная, молодецкая!
Эхъ, ты, жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай!
Разступись народъ, хороводъ идетъ,
Хороводъ ведетъ Волга-матушка,
Съ вѣтромъ буйнымъ, съ ночкой темною,
Съ нашей удалью молодецкою!
Какъ пойдемъ плясать, разыграемся,
Не мѣшай никто, съ кѣмъ не знаемся!
Начинай Кузьма, ждать намъ некого,
Начинай живѣй, ноги чешутся!
Эхъ, ходи, гуляй, разговаривай,
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Поднимайтеся вѣтры буйные,

Надвигайтеся тучи черныя,
Расходись сама Волга-матушка,
Покачай ты насъ ради праздничка!
Ну, ходи живѣй, разговаривай!
Не робѣй, Косой, знай наяривай!
Расходись рука, ну живѣй еще!
Разступись народъ, мѣста надобно!
Эхъ, ты жги, говори, да на мѣстѣ не сиди!
Да на мѣстѣ не сиди, знай отплясывай! *)

*) «Соколъ» былъ большой стругъ Стеньки Разина, роскошно изукрашенный.

Пустынникъ.

Пещера въ Жигулевскихъ горахъ на Волгѣ.

О, Господи! будь милостивъ надъ нами
И гнѣвъ Твой праведный на милость претвори.
Для православной, бѣдной Руси снова
Тяжелыя настали времена.
За тяжкій грѣхъ, за оскудѣнье вѣры,
За вѣчное служенье сатанѣ
Господь послалъ народу испытанье
И отвратилъ отъ насъ свое лицо.
Давно-ли насъ избавилъ Вседержитель
Отъ злыхъ татаръ? Давно-ли отъ раздора
Русь распадалась, и кичливый ляхъ
Чуть не вступилъ, нечистою ногою,
На освященный Господомъ престолъ.
Господь помиловалъ. Молитвами святыхъ,
Владычицы Пречистой заступленьемъ
Господь не попустилъ погибнуть царству
И отвратилъ грозящую напасть.
Но Божій гнѣвъ безумцы не прозрѣли,

И милость Бога позабыть успѣли,
И снова Онъ, заслуженною карой,
Напоминать имъ долженъ о Себѣ.
Повсюду смута! Города, селенья,
Обители, святые Божьи храмы
Повыжжены злодѣйскими руками,
Пограблены, разорены до тла
И залиты кровавою рукою.
По волѣ Господа, изъ нѣдра казаковъ
Злодѣй неслыханный на Волгѣ появился.
Какъ грозный бичъ, какъ злой степной буранъ
Онъ, гдѣ пройдетъ, повсюду слѣдъ оставитъ,
Ужасный слѣдъ, слѣдъ крови да огня. *)
Какъ въ тихую погоду, на рѣкѣ,
Отъ одного лишь брошеннаго камня
Встаютъ круги, волненье возбуждая
И расширяясь вслѣдъ одни другимъ—
Такъ и теперь, повсюду, въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ лишь пройдетъ злодѣйскій атаманъ,
Вокругъ его встаетъ мятежъ кровавый
И заливаетъ все своей волной.
По городамъ, по селамъ, по дорогамъ
Несетъ онъ вѣсть, что будто-бы насталъ
Желанный часъ разнузданной свободы.
И отуманенные смутными рѣчами
Встаютъ крестьяне на своихъ властей,

---

*) Стенька Разинъ.

И обагряются въ крови людскія руки,
И предаютъ они своихъ господъ на муки,
И тѣшатся, какъ травленные псы,
Надъ беззащитными, безгрѣшными дѣтьми,
И думаютъ, путемъ огня да казни,
Желанную свободу получить.
Безумцы! Иль не вѣдаютъ они.
Что нѣту власти, аще не отъ Бога,
Что не легко мятежъ имъ обойдется,
Что дѣло крови кровью отзовется,
И зломъ за зло, и казнями за казнь,
Сторицею имъ послѣ возвратятъ.
Безумствуютъ, служа земной корысти,
Не вѣдая, что все богатство здѣсь. (указываетъ на Евангеліе).
Вотъ въ этой книгѣ всѣ богатства міра,
Всѣ были собраны божественной рукой.
И если кто, глаголу Бога внемля,
Оставитъ грѣхъ и станетъ жить впередъ,
Какъ заповѣдалъ жить намъ самъ Господь,
То будетъ онъ богатъ такимъ богатствомъ,
Какого не отнимутъ отъ него
Ни алчность сильныхъ, ни коварство злыхъ,
Ни грозныя явленія природы. (беретъ Евангеліе).
Сокровища для жизни человѣка...
Хоть многіе достигнуть ихъ берутся,
Но не легко богатства тѣ даются,
И многотруденъ къ нимъ тернистый путь. (цѣлуетъ Евангеліе и кладетъ его на мѣсто).

И мнѣ извѣстны бѣдствія народа,
И я видалъ страданія людей;
Но не путемъ кроваваго возмездья
Желаю имъ свободу получить.
Все на землѣ свершается отъ Бога,
И потому намъ надобно просить
Его, Отца, да призритъ Онъ надъ нами
И миромъ нашу жизнь благословитъ.
И я просилъ, и цѣлыми ночами
Я плакалъ и молился передъ Нимъ,
Чтобъ Онъ народу милость возвратилъ;
И внялъ Господь моимъ мольбамъ грѣховнымъ,
И свѣтомъ правды умъ мой просвѣтилъ.
Не съ обагренными въ людской крови руками.
Не съ бою, не кровавымъ мятежемъ
Народу русскому достанется свобода,
Другимъ путемъ придетъ къ нему она.
То Божій путь! Его избралъ Христосъ,
Когда онъ шелъ на жертву искупленья
И перенесъ и брань, и заушенья,
И смѣхъ убійцъ. и казни всей позоръ,
И только къ Богу обращая взоръ,
Лишь отъ Него надѣялся спасенья.
Тяжелый путь, но вѣрный и святой—
И имъ народъ своей достигнетъ цѣли.
Придетъ пора... пробъетъ урочный часъ...
И выйдетъ сѣятель... На плодородной нивѣ
Его рукой посѣянная правда
Зазеленѣетъ быстро и взойдетъ.

И просвѣтленный разумомъ народъ
Сторицею ту жатву соберетъ.
Но жертвой искупительной за всѣхъ,
Своею властью злоупотреблявшихъ
И человѣка со скотомъ равнявшихъ,
За ихъ грѣхи, кровь одного прольется.
Святая кровь!...*) И жалокъ человѣкъ,
Кого Господь не просвѣтитъ познаньемъ
Премудрости Его великихъ дѣлъ.
Онъ думаетъ о нуждахъ лишь одной
Частицы жалкой цѣлаго созданья;
Но онъ не мнитъ, что были до него
И будутъ послѣ нашей краткой жизни
Милліоны жить; и что для пользы міра,
Извѣстной только одному Творцу,
Необходимы — ровное теченье
И медленный, но безконечный ходъ,
Которымъ міръ къ спасенію идетъ.
Предъ этимъ ходомъ все должно склониться,
И недоступной тайнѣ покориться,
И всѣ невзгоды жизни принимать
Какъ Божій гнѣвъ, иль Божью благодать,
Которыхъ пользу людямъ не понять,
Хотя она для нихъ необходима.
Любовь Творца къ творенью своему
Такъ велика и такъ неизмѣрима,

*) Царя-Освободителя, Императора Александра II.

Что намъ ее ни съ чѣмъ нельзя сравнить;
И мы должны для общей пользы міра,
Въ которомъ мы ничтожное звено,
Отъ себялюбія на вѣки отрѣшиться,
Терпѣть, страдать, да Господу молиться
И все принять, что Имъ намъ суждено.
. . . . . .
О, Господи! прости имъ и помилуй:
Не вѣдаютъ бо сами, что̀ творятъ.

Голытьба.

Слушай меня, голытьба,
Разудалые, вольный народъ!
Было время и время недавнее,
Какъ у насъ на Дону было весело,
По домамъ проживать было некогда
Съ басурманами мы потѣшалися,
Отъ проклятыхъ казной разживалися,
Величалися мы нашей славою,
И дивилися всѣ нашимъ подвигамъ.
А теперь времена измѣнилися;
Нѣтъ у насъ вожаковъ, нѣтъ и волюшки.
Атаманы у насъ съ эсаулами
Разжирѣли, какъ свиньи, отъ лѣности.
Поглупѣли, какъ бабы, отъ старости,
Какъ жиды занялися торговлею,
Сами сыты, а намъ, голытьбѣ,
Не даютъ удалымъ позабавиться.
Нѣтъ не то казакомъ называется!
Тотъ казакъ, кто съ избою не знается

И съ конемъ, пока живъ, не разстанется.
Казаку изба — поле чистое!
Казаку жена — сабля острая!
Казаку торговать не товарами,
А лихимъ мечемъ, алой кровію!
Что добудетъ войной, тѣмъ и кормится;
А пропьетъ до-гола — не заботится:
Соберетъ удалыхъ, соберется и самъ
И добудетъ добра, сколько надобно.
Безъ кровавой потѣхи и жизнь не красна,
Отъ бездѣлья — хвороба заводится,
А въ болѣсти лихой, да въ поганой избѣ,
Казаку умирать не приходится!
Такъ-ли, братцы?..

Бояринъ.

Темно и безмолвно въ боярскихъ хоромахъ.
Лишь слышенъ собакъ надрывающій вой,
Да сторожъ сидитъ у воротъ, ожидая,
Когда возвратится бояринъ домой.

Пріѣхалъ... Сошелъ онъ съ повозки угрюмо
Взобрался съ трудомъ на крутое крыльцо
И, встрѣтивъ слугу съ фонаремъ на подъѣздѣ,
Прошелъ, закрывая отъ свѣта лицо.

— «Сердитъ, или хмѣль разбирать начинаетъ—
Подумалъ дворецкій—должно быть, хлебнулъ;»
Вошелъ за бояриномъ слѣдомъ въ хоромы
И вскрикнулъ, едва на него лишь взглянулъ.

— «Чего испугался? Гляди, да любуйся!
Вотъ чѣмъ награжденъ я за службу мою!

Вотъ царская ласка, подарокъ нежданный,
Вотъ какъ проявляетъ онъ милость свою!

Ступай!..» Опустился онъ грузно на лавку,
Взглянулъ на себя съ безъисходной тоской,
И долу челомъ наклонился печально,
И голову подперъ дрожавшей рукой.

—«Ты молодъ, ретивъ, но жестокъ безъ причины —
Пепталъ онъ – жестокость въ тебѣ велика;»
И тяжкое горе нежданной кручины
Туманило взоры и мозгъ старика.

— «Обычай заморскій во всемъ возлюбивши,
Рѣшился ты насъ по заморски обрить;
Ты думалъ, что божескій ликъ измѣнивши,
Заставишь легко старину позабыть.

Что станетъ не трудно сойтись намъ поближе
Съ заморскою стаей любимцевъ твоихъ;
Но ты позабылъ, что ты молодъ, а мы же
Всю жизнь провели при обычьяхъ своихъ.

Еще твою мать и царицей не звали,
А мы ужъ служили отцу твоему,
Прямили по чести, въ опалѣ бывали,
Но бороды стричь не пришлось никому.

Служилъ и тебѣ я по правдѣ исконной,
По древнимъ завѣтамъ покойныхъ отцовъ,
И отдалъ тебѣ для науки заморской
Я въ царскую службу родныхъ молодцовъ.

За чтожъ ты меня такъ жестоко обидѣлъ?
За что ты рукой своего дурака
Нанесъ мнѣ безчестье? Иль ты не предвидѣлъ,
Какъ страшно унизилъ ты тѣмъ старика?

Моя борода никому не мѣшала,
Росла она вмѣстѣ со службой моей
И вѣрную русскую грудь прикрывала,
Питали враги уваженіе къ ней.

Отвѣтишь ты Богу за наше увѣчье,
За то, что нанесъ мнѣ позорный изъянъ,
За то, что подобишь лице человѣчье
Ты харямъ заморскихъ твоихъ обезьянъ;

За то, что забывши завѣтъ христіанскій,
Ты бороды стричь безъ нужды приказалъ,
И скоблишь лицо ты ножомъ басурманскимъ,
Гдѣ волосу быть самъ Господь указалъ.

Жена?.. Какъ теперь передъ ней показаться?
Какъ встрѣчу я дворню, какъ выйду на свѣтъ?

Повсюду насмѣшки я долженъ бояться,
И мнѣ отъ позора спасенія нѣтъ!..»

И долго сидѣлъ онъ въ раздумьи тяжеломъ,
И часто къ лицу поднималась рука,
Но, словно коснувшись огня, упадала,
И капали слезы изъ глазъ старика.*)

*) Привязанность ко всему, что перешло къ намъ отъ предковъ, было, какъ извѣстно, предметомъ глубокаго уваженія между русскими. Когда, во время поѣздки Петра Великаго за границу, боярин Головинъ рѣшился сбрить бороду, надѣть завитой парикъ и нарядиться во французскій кафтанъ, и объ этомъ узнали въ Москвѣ, то старые бояре и духовенство ужаснулись, потому что борода считалась почти священною принадлежностью мужчины. По возвращеніи Петра въ Москву, когда къ нему стали пріѣзжать на поклонъ знатнѣйшіе сановники, онъ быстро отхватывалъ имъ бороды ножницами и хохоталъ ихъ смущенію. Такъ остригъ онъ старика Шеина, кесаря Ромодановскаго и другихъ. Кому не успѣвалъ онъ отрѣзать бороды самъ, надъ тѣмъ совершалъ эту операцію придворный шутъ—и присутствующіе хохотали сквозь слезы. (Чтен. изъ Русск. Ист. Шебальскаго. Вып. втор. 58).

Иванъ разбойникъ.

1.

Разъ, давно, въ пору Петровскую
Привели въ Преображенское
Десять молодцовъ,
Люду вольнаго, разбойничковъ,
На большой дорогѣ пойманныхъ
Съ кистенемъ бойцовъ.

Самъ бояринъ Ромодановскій
Удостоилъ ихъ отличіемъ—
Сталъ снимать допросъ,
Въ той палатѣ, что̀ пропитана
Моремъ крови человѣческой
И ручьями слезъ.

Долго князь надъ ними тѣшился,
Палачей лишь понукаючи,

Многихъ заморилъ.
Знали всѣ натуру княжую,
И никто изъ нихъ не бабился.
Жизни не просилъ.

Наступилъ чередъ послѣднему,
И предъ княжьи очи грозныя
Парня подвели,
Чтобъ расправою мучительной
Передать его въ объятія
Матери-земли.

Былъ красивъ онъ, такъ и бросилась
Его удаль молодецкая
Въ очи старику,
Хоть видалъ онъ много истинныхъ
Распрекрасныхъ добрыхъ молодцевъ
На своемъ вѣку.

Ростъ — сажень, спина могучая,
Красотой — подобенъ солнышку,
Богатырь на взглядъ;
Борода и кудри русые,
А глаза — какъ уголь черные,
Какъ огонь горятъ.

— «Ну, повѣдай, добрый молодецъ,
Какъ по имени, по отчеству

Намъ тебя назвать,
Чтобы знать, кого доподлинно,
По указу государеву,
Будемъ мы пытать?»

— «Звать — Иванъ, отца покойнаго
Звали тѣмъ-же русскимъ именемъ,
Прозвище — Капралъ;
Былъ ямщикъ, а сталъ разбойничать,
Съ кистенемъ въ рукахъ хозяйничалъ,
Подать собиралъ.»

— «Не прогнѣвайся, Ивановичъ —
Молвилъ князь съ усмѣшкой лютою —
Надо попытать;
Погулялъ ты, парень, въ волюшку,
Такъ съумѣй съ такой-же удалью
И отвѣтъ держать.»

— «Не боюсь я казни медленной,
Не страшусь я пытокъ лютыхъ,
Одного мнѣ жаль;
Объ одномъ томитъ головушку,
И одна лежитъ колодою
На сердцѣ печаль.

Жаль, бояринъ, что ужъ болѣе
Нѣтъ надежды мнѣ родимаго

Сына увидать,
И предъ смертью неминучею,
Ко груди своей отеческой
Милаго прижать.»

— «Гдѣ онъ?»—«Былъ въ утробѣ матери,
Какъ меня схватили приставы,
Повели въ тюрьму;
Какъ бѣжалъ я къ людямъ вольнымъ,
Отъ твоей расправы княжеской.
Слишкомъ годъ тому.

А теперь родился пе́рвенецъ—
И хотѣлось бы на милаго
Хоть разокъ взглянуть
Передъ тѣмъ, какъ снимуть голову,
Какъ сомкнутся очи ясныя
И застынетъ грудь.»

—«Далекò онъ?»—«Нѣтъ, по близости...
Можно ходомъ молодецкіимъ
Къ вечеру дойти.
Вѣдь къ семьѣ своей возлюбленной,
Хоть куда ни собираешься,
Всюду по пути.»

Опустилъ бояринъ голову
И, браду свою уставивши,

Долго такъ сидѣлъ...
Вскинулъ очи свои ясныя,
Съ головы до ногъ онъ медленно
Парня оглядѣлъ,

И спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ
Обратился онъ къ разбойничку:—
«Хочешь — отпущу?
Хотя знай, что за провинности
Долженъ ты разстаться съ жизнію,
Я вѣдь не прощу.»

— «Не глумись, бояринъ, по̀-пусту!
Хотя я разбойникъ вѣдомый,
Все же человѣкъ;
Не томи-жъ меня посулами,
А порядкомъ установленнымъ
Погуби на вѣкъ!»

— «Не глумлюсь я! Слушай, мо̀лодецъ,
Отпущу тебя я истинно,
Только дай зарокъ —
Поклянись мнѣ жизнью пе́рвенца
Предъ Владычицой Пречистою,
Что вернешься въ срокъ.

Поклянись, что завтра къ по̀лудню
Ты предъ наши очи ясныя

Самъ собой придешь,
И головушку повинную
На расправу государеву
Волей принесешь.

Поклянись, что коль промѣшкаешь,
Соблазнясь свиданьемъ радостнымъ,
Хотя часъ одинъ,
То да будетъ проклятъ Господомъ
На землѣ и въ жизни будущей
Твой малютка сынъ.»

Призадумался разбойничекъ.
Видитъ: князь шутить не думаетъ,
Дѣло говоритъ,
И довѣрчиво, не съ хитростью,
Не съ потѣхой окаянною
На него глядитъ.

Постоялъ, подумалъ малостью,
Очи ясныя съ молитвою
Къ Господу вознесъ —
И предъ образомъ Владычицы,
Три раза́ склонившись до́-земли,
Клятву произнесъ.

— «Ну, теперь не мѣшкай, мо̀лодецъ,
До полудня дамъ я волюшку —

Больше не проси;
Да возьми вотъ эту гривенку,
На зубокъ отъ нашей милости
Сыну отнеси.»

2.

Вечерѣло. Возвратилася
Съ поля, сжатаго до колоса,
Ванина жена;
Покормила сына милаго.
Что съ собою съ поля дальняго
Принесла она.

Поласкала сиротиночку
У груди своей изсякнувшей
Молодая мать,
Уложила спать родимаго,
Стала люльку незатѣйную
Съ пѣсенкой качать.

Хоть проста была та пѣсенка,
За то многое напомнила
Матери она;
Какъ бываетъ тяжко на сердцѣ,

Коль работаешь безъ устали
Каждый день одна.

Вѣдь безъ мужа-то, хозяина,
Нѣтъ ни въ полѣ ей, ни въ горницѣ
Отдыха рукамъ;
И туманилась головушка,
И лилися слезы горькія
По ея щекамъ.

Вспоминались дни веселые.
Какъ она съ Ванюшей милымъ
Видѣлась тайкомъ;
Какъ они, бывало, крадучись,
Уходили въ поле дальнее
Поздно вечеркомъ.

Какъ потомъ честною свадебкой
Въ Божьемъ храмѣ повѣнчалися—
Все покрылъ вѣнецъ,
И попрекамъ да судачеству.
Да усмѣшкамъ ядовитымъ
Наступилъ конецъ.

Но не долго миловалися,
Своей участью довольные,
Бѣдные они;
Посѣтило ихъ несчастіе,

Наступило время горькое
И лихіе дни.

Былъ у нихъ надъ ямомъ староста,
Ей по мужу дальній родственникъ,
По годамъ — старикъ;
Но отъ слабости грѣховныя,
Отъ охоты къ полу женскому,
Видно не отвыкъ.

Приглянулася, проклятому,
Красота ея замѣтная,
Сталъ онъ къ ней ходить;
Сталъ, какъ котъ, порою ластиться
И съ молодкой рѣчь зазорную
Началъ заводить.

Тяжело ей было, мучали
Ее явныя, безстыжія
Рѣчи старика;
Но боялася ихъ сказывать,
Знала вѣдь, какъ съ нимъ расправится
Ванина рука.

Разъ пришелъ онъ поздно вечеромъ —
Зналъ, что мужъ вернется къ солнышку —
Сталъ къ ней приставать,
И, схвативъ руками гадкими,

Повалилъ ее онъ на̀ землю,
Началъ цѣловать.

Испугалась она до̀ смерти,
Закричала, что есть моченьки,
Дрожь ее взяла,
И толкая силой женскою
Образину непотребную,
Милаго звала.

Душитъ старый, мнетъ неистово,
Чуетъ, что ей съ нимъ не справиться...
Вдругъ слетѣла дверь,
И ворвался мужъ, какъ бѣшеный,
И на стараго развратника
Бросился, какъ звѣрь.

Ухватилъ топоръ доро̀гою,
Размахнулъ рукой могучею
Гнѣвъ прибавилъ силъ,
И лихому грѣховоднику,
Какъ медвѣдю разъяренному,
Черепъ раскроилъ.

Собрался̀ народъ тѣмъ временемъ,
Ухватили мужа подъ руки,
Повели въ тюрьму —
Да вернулись съ вѣстью радостной:

Говорятъ — ушелъ дорогою,
Видно, парни-то знакомые
Помогли ему.

Съ той поры пропалъ Ивановичъ,
И куда ушелъ — невѣдомо,
Видно, въ темный лѣсъ,
На житье къ народу вольному;
Говорятъ, что сталъ разбойничать —
Знать, попуталъ бѣсъ.

Скучно уточкѣ безъ селезня,
Горько жить безъ мужа милаго
Молодой женѣ;
Нѣтъ утѣхи ей безъ мо́лодца,
Нѣтъ ей отдыха желаннаго
Даже и во снѣ.

Не сладка́ для бѣдной думушка,
Одолѣла неотвязная
Голову совсѣмъ;
Видно — радость гостья рѣдкая,
Видно — счастье-то семейное
Не дается всѣмъ.

Пригорюнилась родимая,
Опустила руки бѣлыя
И сидитъ одна;
И лишь мѣсяцъ съ неба яснаго

На ея кручину горькую
Смотритъ изъ окна.

Тихо стало въ бѣдной горенкѣ...
Вдругъ рукою молодецкою
Кто-то стукнулъ въ дверь.
—Кто тамъ?—Я!—Ванюша?!—Милая,
Отворяй скорѣй!

3.

Успокоились... Натѣшился
Нашъ Иванъ съ подругой радостной —
Что за благодать!
И поужинавши хлѣбушкомъ,
Помолился вмѣстѣ Господу
И залегъ съ ней спать.

И заснула, улыбаючись,
Его руку прижимаючи,
Крѣпкимъ сномъ жена;
Знать, отъ радости негаданной,
Да отъ ласокъ мужа милаго,
Такъ спала она.

Въ молодые годы женскіе,
Возлѣ мужа непостылаго

Сладко такъ уснуть;
Разгорѣлись щеки алыя,
Разметались руки бѣлыя,
И вздымалась грудь.

А Иванъ не спалъ, все тѣшился,
Все жену свою любимую
Миловалъ, шутя...
Наконецъ, забылся малостью;
Вдругъ изъ люльки слабымъ голосомъ
Крикнуло дитя.

Приподнявшись съ осторожностью,
Чтобы, крѣпко такъ уснувшую,
Не будить жену,
Слѣзъ онъ съ печки, шагомъ медленнымъ.
Да потягиваясь сладостно,
Подошелъ къ окну.

Посмотрѣлъ — высоко на̀ небѣ
Надъ деревнею уснувшею
Выплыла луна,
И напомнила разбойнику,
Страшной клятвой лишь отсроченный,
Смертный часъ она.

Подошелъ онъ къ сыну-пе́рвенцу,
На его головку милую

Долго такъ глядѣлъ,
И боярскую, дареную,
Онъ на шею, ненаглядному,
Гривенку надѣлъ.

Пробудился тутъ ребеночекъ,
Потянулся вдругъ рученками
И открылъ глаза...
И на лобъ его скатилася
Изъ очей отца-разбойника
Горькая слеза.

Наклоняся надъ малюткою
Онъ припалъ къ нему съ молитвою
И перекрестилъ—
И въ тотъ мигъ за чувство отчее
Самъ Господь ему по благости
Многое простилъ.

О, какую безъисходную
Онъ тогда почуялъ на сердцѣ
Страшную тоску...
И надломленный, надорванный,
Онъ тихонько вышелъ изъ дому
И пошелъ въ Москву.

4.

Разсвѣтало. Надъ равниною,
Изъ земли, росою вспоенной,
Поднялся туманъ,
И покрытый имъ, какъ дымкою,
По пути́ въ Москву обратному
Двигался Иванъ.

Обездоленный кручиною,
Шелъ онъ медленно, понуривши́сь
Буйной головой;
Тихо было все въ окрестности...
Вдругъ — далеко грянулъ колоколъ,
А за нимъ другой.

Перервалъ онъ думу тяжкую
И напомнилъ горемычному,
Что́ его тамъ ждетъ;
Что сегодня, доброй волею,
Отъ семьи своей возлюбленной
Онъ на смерть идетъ.

Снялъ онъ шапку, тихимъ голосомъ
Сотворилъ молитву краткую,
Прослезился вдругъ,
И поднявъ невольно голову,

Подъ лучами солнца краснаго
Онъ взглянулъ вокругъ.

На поляхъ ужъ колыхалися,
Наливаясь спѣлымъ колосомъ,
Рожь и яровой,
А съ луговъ по вѣтру вѣяло,
Наканунѣ только скошенной,
Свѣжею травой.

Старый боръ, шумя вершинами,
Въ свое царство необъятное
Такъ къ себѣ манилъ.
И завѣтную, бывалую,
Незнакомую съ кручинами,
Волюшку сулилъ.

Хоть Иванъ и былъ разбойникомъ,
Но семью свою родимую
Не отвыкъ любить;
И за жизнь многогрѣховную
Не хотѣлъ онъ страшной клятвою
Сына погубить.

Оглянулся онъ на родину,
Гдѣ оставилъ все, что́ дорого,
Кудрями встряхнулъ,
Грудью полной, молодецкою

Деревенскимъ чистымъ воздухомъ
Глубокò вздохнулъ,

И хоть вѣдалъ, что тамъ, въ городѣ
Для него разстаться съ жизнію
Время настаетъ;
Но спасая душу первенца,
Опустивъ на грудь головушку,
Онъ пошелъ впередъ.

5.

Ужъ окончилась заутреня;
Старый князь на службу царскую
Во-время пришелъ,
И ужъ всѣхъ своихъ помощниковъ,
Палачей жестокосердыихъ,
На мѣстахъ нашелъ.

Сталъ творить расправу лютую
И допытываться истины
Отъ лихихъ людей;
Вѣдь предъ нимъ, въ застѣнкѣ пыточномъ,

Каждый день въ грѣхахъ винилися
Воръ или злодѣй.

Время шло—и стала думушка
Его голову боярскую
Сильно донимать,
Хоть старался всѣми силами
Онъ ту думу неотвязную
Отъ себя прогнать.

«Быть не можетъ—князю думалось—
Чтобы онъ, на срокъ отпущенный,
Нынче не пришелъ,
Чтобъ съ соблазномъ не управился
И, нарушивъ слово вольное,
Отъ меня ушелъ.

Знаю я натуру русскую,
Не подъячую, а вольную,
Такова она—
Что на слово ея честное
Можетъ слѣпо ей довѣриться
Даже сатана.

Коли далъ онъ клятву страшную,
Коль на дѣтище родимое
Положилъ зарокъ.
Не обманетъ—не осмѣлится,

БИБЛІОТЕКА ОФИЦЕРСКАГО СОБРАНІЯ
5го
ФИНЛЯНДСКАГО
СТРѢЛКОВАГО ПОЛКА.

Если только жи[illegible]рное
Возвратится въ срокъ.

Отошли обѣдни позднія,
Время старому боярину
На обѣдъ идти;
Наступаетъ полдень на небѣ,
Наступило и разбойничку
Времячко придти.

Горько стало князю старому,
И тоскливо закручинилось
Сердце у него,
И глядѣлъ онъ безъ участія,
Какъ передъ нимъ пытали медленно
Парня одного.

— «Обманулся! Взялъ охотою
На свою сѣдую голову
Эдакій позоръ,
Что, разжалобивши сказкою,
Одурачилъ Ромодановскаго
Здѣсь, въ застѣнкѣ, воръ.»

Парень смолкъ... Вдругъ громкимъ голосомъ
Со двора въ окно открытое
Крикнули: —пришелъ!
Отворилась дверь дубовая,

И разбойникъ мѣрной поступью
Къ князю подошелъ;

Шапку снялъ, поправилъ волосы
И, поклонъ ему отвѣсивши,
Твердо произнесъ:
—«Князь, спасибо тебѣ русское
Отъ жены и сына-первенца
Я съ собой принесъ.»

И взглянувъ на всѣхъ привѣтливо,
Старый князь довольнымъ голосомъ
Ваньку похвалилъ—
И за то его головушку,
Не томивъ напрасно пытками,
Разомъ отрубилъ.

Царевна Софья.

(въ иночествѣ Сусанна).

Ночь. Келья Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ.

Какіе дни ужасные настали,
Какъ долго-долго тянутся они,
И нѣтъ конца имъ! Тишина вокругъ,
Въ обычный часъ лишь звономъ колокольнымъ
Тоскливо нарушаемая. Словно тѣни,
Скользятъ монахини изъ келій въ храмъ
И снова въ кельи. Я же не могу
Искать въ молитвѣ только утѣшенья.
Я жить хочу! Я царствовать могла бы
Надъ нашимъ. собраннымъ вѣками, царствомъ
И раздѣлять заботы власти съ нимъ.
Съ моимъ Васильемъ ненаглядным *). Да,
Я жить хочу! Зачѣмъ меня здѣсь, въ кельѣ,
Въ темницѣ душной держатъ взаперти.
Я не могу здѣсь жить! Мнѣ душно, тяжко!
Меня томитъ безвременный покой
И тишина. подобная могилѣ.

*) Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Я предпочла бы смерть. Одна надежда
Безумная, ничтожная, пустая,
Но все-таки возможная, въ меня
Вселяетъ бодрость и даетъ мнѣ силы
Терпѣть и ждать, а не кончать скорѣй
Съ такой безплодной монастырской жизнью.
Вѣдь жизнь царя, какъ жизнь созданья праха
Отъ воли Господа вполнѣ зависитъ...

. . . . . .

Онъ побѣдилъ! Какъ стадо безсловесныхъ,
Предъ нимъ народъ склонился, а стрѣльцы,
Что вздумали противиться, посмѣли
Его права оспаривать, за то
И жизнью поплатились. Въ страшныхъ мукахъ
Истерзанные пыткою, сложили
Они головушки свои и кровью
Смочили землю. Или вонъ какъ тѣ, (указываетъ на окно)
Висятъ высоко надъ землей и птицы
Клюютъ ихъ очи, да холодный вѣтеръ
Имъ сушитъ мозгъ и медленно, какъ червь,
Ихъ тѣло обращаетъ въ прахъ ничтожный,
Которымъ все кончается. *) Ты думалъ

---

*) По окончаніи розыскнаго дѣла о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ числѣ множества казненныхъ, 230 стрѣльцовъ было повѣшено на Дѣвичьемъ полѣ передъ Новодѣвичьемъ монастыремъ, а три стрѣльца были, по приказанію Петра, повѣшены передъ самымъ окномъ кельи Софьи, причемъ въ руки ихъ были вложены челобитныя, которыя они намѣревались подать Софьѣ. Тѣла этихъ стрѣльцовъ были сняты съ висѣлицы только черезъ пять мѣсяцевъ (Ист. Рос. Соловьева Т. 14).

Ихъ видомъ страшнымъ запугать меня
И тѣмъ, какъ вновь придуманною пыткой,
Въ конецъ измучить, и скорѣй свести
Меня въ могилу, чтобъ затѣмъ ужъ могъ
Ты успокоиться. Ты не посмѣлъ
Меня казнить, какъ русскую царевну,
Но выдумалъ иное. Ты хотѣлъ
Меня замучить страхомъ тѣхъ видѣній,
Который, мнилъ ты, вызвать и развить
Въ моей душѣ, какъ плодъ воображенья,
Ночей безсонныхъ, праздности, тоски,
Безсильной ярости, да вѣчнаго качанья
На висѣлицахъ вѣрныхъ слугъ моихъ.
Ты челобитныя вложилъ имъ въ руки
И протянулъ ихъ къ моему окну...
Напрасенъ трудъ! Меня не истомишь
Подобной шуткой дьявольской; довольно
Я видѣла ихъ на своемъ вѣку.
Когда еще ты былъ ребенкомъ малымъ,
А я дѣвицей юной, ужъ тогда
Лилася кровь предъ нашими глазами
И казнь за казнью слѣдовала. Мы,
Мы дѣти одного отца — и ровно
Господь насъ силой воли одѣлилъ. (смотритъ въ окно)
Мнѣ жалко ихъ. Но, сознаюсь, порой,
Въ ночную тишь, при обликѣ луны
Они меня пугаютъ. Ихъ тѣла
Со скрипомъ висѣлицъ качаясь мѣрно,
Движенья рукъ, бумаги шелестъ, все —

Наводитъ ужасъ! Отвернешь лицо,
Засядешь въ уголъ дальній и закроешь
Платкомъ глаза, но чей-то голосъ тайный
Все шепчетъ неустанно: «оглянись...
Смотри... взгляни..» и взглянешь—и невольно
Отъ ужаса похолодѣетъ кровь,
Застынетъ въ жилахъ, но затѣмъ мгновенно
Ударитъ въ сердце; хочется бѣжать,
Но головы не слушаются ноги,
И дыбомъ волосъ встанетъ, и на лбу
Холодный потъ вдругъ выступитъ. Ужасно!... (задумывается).
За отрѣченіе отъ замысловъ моихъ,
Мнѣ говоритъ тюремщица моя,
Я получу прощенье и свободу.
Свободное житье! Да развѣ можно,
Да развѣ мыслимо когда-нибудь оно
Подъ черною повязкою отшельницъ,
Отъ міра отказавшихся на вѣкъ?
Нѣтъ, мнѣ не нужно этакой свободы!
Я иначе привыкла жить, и то,
Что мнѣ сулятъ, меня не успокоитъ.
Мнѣ монастырь останется тюрьмой
Такъ пусть же будетъ для меня могилой,
Чѣмъ теремнымъ, затворничьимъ дворцомъ.
Промаюсь съ годъ иль, можетъ быть, и больше,
Но все-таки не долго; а затѣмъ
И въ царство вѣчное, гдѣ всѣ равны предъ Богомъ,
Гдѣ нѣтъ ни власти царской, ни борьбы,

Гдѣ всѣмъ отвѣтъ отдать въ дѣлахъ придется. (садится на кровать).
Недужится мнѣ что-то... Не могу
Привыкнуть къ одиночеству, да къ этимъ
Безмолвнымъ собесѣдникамъ моимъ,
Которыхъ видъ въ меня вселяетъ ужасъ.
Вы измѣнили мнѣ; вы не рѣшились
Меня во время дружно поддержать
Въ борьбѣ съ Петромъ. Не догадались видно,
Что вмѣстѣ съ страшной гибелью моей
И вашъ конецъ наступитъ неизбѣжно.
Вы спохватились поздно и напрасно!
Вамъ стало жаль покинутыхъ домовъ;
Вы вспомнили былое, порѣшили
Въ Москву за мной вернуться — и вернулись
Лишь для того, чтобы задать работу
На цѣлый годъ московскимъ палачамъ.
Васъ раздавили разомъ — и въ грядущемъ
Ужъ никогда Москвы колокола
Не призовутъ стрѣлецкіе полки
На избавленье ихъ царевны Софьи.
Все и для васъ окончено. На вѣкъ
Замолкли ваши вѣщія уста,
Которыхъ рѣчь, какъ молотъ, отдавалась
Въ испуганныхъ, трепещущихъ сердцахъ
Сторонниковъ Нарышкинской породы. (ложится).
Опять пойдетъ тянуться безконечно
Безмолвная, убійственная ночь,
И станутъ думы думами смѣняться,

И прежнее, былое, возрождаться
Въ моей душѣ свободной... теремъ... тронъ...
Волненія народныя... походы...
Пріемъ пословъ... и сыпанье наградъ...

(Раздается бой часовъ. Софья поспѣшно приподнимается).

Что это?! Звуки прежнія?! Набатъ? (прислушивается).
Нѣтъ, мѣрный бой часовъ... О, Боже, Боже!
Какія грезы, нѣтъ душѣ покоя...
Пошли мнѣ сонъ, будь милостивъ Господь *). (ложится).

(Продолжается мѣрный бой часовъ. Слышенъ скрипъ висѣлицъ).

*) Царевна Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь въ 1689 году, пострижена тамъ-же подъ именемъ Суссаны въ 1698 году и умерла въ 1704 году на 47 году жизни.

Бояринъ Кикинъ.

Порѣшили, присудили къ казни,
Утвердилъ царь Петръ приговоръ;
То извѣстье встрѣтилъ безъ боязни
Старый Кикинъ — бунтовщикъ, не боръ.

Было жаль послать его на плаху;
Вѣкъ нуждаясь въ умныхъ головахъ,
Русскій Царь рубилъ ихъ неохотно —
Умъ цѣнилъ онъ даже во врагахъ.

Много винъ прощалъ ему Великій,
Все надѣясь въ немъ найти слугу;
Говоря, что старую березу
Не согнешь, какъ надобно, въ дугу.

Наконецъ, за колебанье трона
Долженъ былъ онъ приказать отсѣчь
Для поддержки власти и закона,
Хоть и здравый умъ, но съ буйныхъ плечъ.

Но и тутъ, ужъ наканунѣ казни
Захотѣлъ услышать Царь отвѣтъ
На одинъ вопросъ неразрѣшенный —
Уважалъ онъ Кикина совѣтъ.

Привели. Вошелъ старикъ свободно
И поклономъ отдалъ честь Царю,
Хотя зналъ, что встрѣтитъ онъ заутра
Въ разъ послѣдній Божію зарю.

—«Слушай. Кикинъ! объясни по правдѣ,
Отчего, при всемъ твоемъ умѣ,
Не смотря на всѣ мои поблажки,
Лишь врага я пріобрѣлъ въ тебѣ?»

—«Отчего! Скажу, коль неизвѣстно,
Коли самъ не понялъ, хоть востеръ:
При тебѣ уму не въ мѣру тѣсно,
А ему необходимъ просторъ.»

Смерть Петра Великаго.

Настала и ему пора.
Въ глухую ночь, въ послѣдній разъ,
Въ торжественно грядущій часъ
Стеклись сподвижники Петра
Къ его одру. Ихъ грозный царь,
Великій русскій государь,
Лежалъ недвижимъ, лишь порой
Державной шевеля рукой.
Неясный взоръ его блуждалъ
По лицамъ ихъ — онъ умиралъ.
Давно запущенный недугъ
Путемъ невыносимыхъ мукъ
Его томилъ, его терзалъ,
Но памяти еще не взялъ,
И рой предсмертныхъ, тяжкихъ думъ
Давилъ Петра великій умъ.

Онъ сознавалъ, что наступалъ
Ему конецъ. Какъ человѣкъ,

Онъ отживалъ свой краткій вѣкъ
И долженъ былъ, хоть исполинъ,
Хотя титанъ, но праха сынъ,
Съ печатью смерти на челѣ
Вернуться къ матери-землѣ.
Но онъ былъ царь. Смявъ старину,
Онъ оставлялъ свою страну
Въ тяжелый часъ, когда она
Отъ одуряющаго сна
Была имъ по̀днята — и съ нимъ
Вдругъ ринулась путемъ инымъ
Къ развитью мощныхъ, грозныхъ силъ.
Хотя онъ круто измѣнилъ
Дряхлѣвшій строй и произвелъ
Разладъ въ странѣ, но твердо велъ
Ее впередъ. Онъ правилъ ей
И не щадилъ головъ людей,
Ему перечившихъ; какъ звѣрь
Онъ рвалъ на части ихъ. Теперь
Насталъ ему чередъ. Кому-жъ,
Обманутый отецъ и мужъ,
Онъ передастъ свой тяжкій трудъ?
Кого въ Россіи назовутъ
Его наслѣдникомъ? Кому,
По силѣ воли и уму
Оставить царство?
Въ этотъ мигъ
Возсталъ предъ нимъ тотъ смертный ликъ,
Кого онъ самъ считать привыкъ

Врагомъ всего, что онъ сверхъ силъ
Для пользы царства совершилъ.
И вспомнилъ Петръ тотъ страшный часъ,
Когда, одинъ, въ послѣдній разъ,
Въ глухомъ застѣнкѣ крѣпостномъ
Стоялъ предъ мертвымъ онъ лицомъ
Того, кому онъ былъ отцомъ;
Когда полузастывшій взоръ
Ему послалъ нѣмой укоръ
За заточенье, за обманъ,
За кровь, зіявшую отъ ранъ,
И за страдальческую смерть.
— «Я долженъ былъ его стереть
Съ лица земли; не даромъ онъ
Упорно ждалъ, взойдя на тронъ,
Вернуться къ прежней старинѣ,
Предавъ проклятью все, что мнѣ
Пришлось сломать. Нѣтъ, не слуга
Онъ былъ Россіи!..»
Но предъ нимъ.
Какъ предъ мучителемъ своимъ,
Прошла вся жизнь его врага.
Дитя отвергнутой жены,
Онъ росъ въ преданьяхъ старины,
Среди прадѣдовскихъ утѣхъ,
Служа надеждою для всѣхъ,
Кто не погибъ еще въ борьбѣ
Съ твоею властью. Онъ тебѣ
Всегда былъ чуждъ; ты ничего

Для воспитанія его
Не сдѣлалъ самъ, хотя и зналъ
Что въ немъ Господь ниспосылалъ
Тебѣ наслѣдника. Зачѣмъ,
Не воспрепятствовавъ ничѣмъ,
Ты далъ вполнѣ окрѣпнуть въ немъ
Понятьямъ прежнимъ и потомъ
Его казнилъ, за то, что въ немъ
Былъ тотъ же непокорный нравъ,
Какъ и въ тебѣ?.. — «Да, я не правъ—
Сознался Петръ: — но я не могъ
Его помиловать, пусть Богъ
Разсудитъ насъ...» Исчезнулъ ликъ,
Схватилъ недугъ—и страшный крикъ
Вдругъ огласилъ нѣмой покой,
И всѣ вздрогнули.
Мигъ... другой...
Ослабла боль, и царскій умъ
Напрягся вновь отъ тяжкихъ думъ.
—«Кого избрать? О, если-бъ я,
Не для себя, клянуся, нѣтъ!
Прожилъ еще хоть столько лѣтъ,
Чтобъ возрастить его дитя
И чтобы внуку передать
Все, что онъ долженъ будетъ знать,
Чтобы возсѣвъ на царскій тронъ,
Моимъ путемъ пошелъ бы онъ...
Я крѣпокъ былъ. Во мнѣ родникъ
Кипучихъ силъ былъ такъ великъ

И такъ могучъ, что жизни срокъ
Я отдалить надолго могъ,
Когда бы...» И предъ нимъ возникъ
Его конклавъ, его соборъ,
. . . . . .
. . . . . .
Которымъ былъ порою радъ
Онъ предаваться, чтобы въ нихъ,
Хоть презирая ихъ самихъ,
Потратить тотъ избытокъ силъ,
Которымъ онъ, здоровый, мнилъ
Конца не будетъ.
—«Кто-жъ? Жена?
Подругой вѣрною она
Была мнѣ долго; но не ей,
Рабѣ-избранницѣ моей,
Меня на царствѣ замѣнить!
Когда дерзнула измѣнить
Ты даже мнѣ...» И вспомнилъ онъ,
Какъ, до безумія взбѣшонъ
И скоръ въ рѣшеніи своемъ,
Повезъ ее въ саняхъ, вдвоемъ,
На мѣсто лобное, и тамъ,
Страшася волю дать словамъ,
Взглянувъ, какъ звѣрь, въ глаза жены,
При свѣтѣ трепетномъ луны,
Но сотворивъ невольно крестъ,
Ей молча указалъ на шестъ,
Гдѣ выдѣлялась на концѣ,

Съ улыбкой мертвыхъ на лицѣ,
И виновата, и права,
Отрубленная голова
Красавца Монса.—«О, когда
Не побоялась ты Петра!
То безъ меня, увѣренъ я,
Ты не управишься одна
Ни съ государствомъ, ни съ собой,
И не царицей, а рабой
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Нѣтъ, не тебѣ отдамъ!..»
И взоръ
Его скользнулъ по лицамъ всѣхъ
Вокругъ стоявшихъ.—«Вотъ они,
Рабы-сподвижники мои!
Вы хороши въ моихъ рукахъ,
Пока царитъ надъ вами страхъ,
Да гнѣвъ Петра; а безъ меня
Не уживетесь вы и дня
Въ согласьи нужномъ и, какъ псы,
Какъ нищіе изъ-за кисы,
Перегрызетесь межъ собой
За то, кому владѣть рукой,

Держащей власть... Какъ грошъ попы,
Я бралъ васъ всюду: изъ толпы,
Изъ юношей, изъ стариковъ,
Изъ знати прежней, изъ враговъ,
Въ комъ подмѣчалъ лишь здравый умъ,
Слугу моихъ завѣтныхъ думъ.
Я васъ старался отличить;
Но все-таки васъ отъучить
Отъ старой язвы не съумѣлъ,
И если-бъ только захотѣлъ,
Для назиданія страны,
Я въ васъ карать воровъ казны,
То отыскалъ бы столько винъ,
Что не остался-бъ ни одинъ
Изъ васъ въ живыхъ. Вы всѣ рабы,
Хотя и баловни судьбы;
Для васъ была завидна власть
Лишь для того, чтобъ больше красть,
И даже страхъ передо мной
Васъ не удерживалъ порой
Отъ грабежа!..
Вотъ и они,
Пришельцы чуждой стороны.
Я въ нихъ цѣнилъ развитый взглядъ
И знанья силу; я былъ радъ
Ввѣрять имъ часть моихъ заботъ,
Будить страну, учить народъ,
И хоть охотно принималъ,
Но никогда имъ не давалъ

Такого дѣла, гдѣ-бъ они
Могли рѣшать судьбу страны.
Полезны вы — но чужды ей,
Великой родинѣ моей!
И никогда вамъ не понять
Того, что мы привыкли звать
Любовью къ родинѣ. У насъ.
Какъ это вѣдали не разъ,
Вдругъ закипаетъ все въ груди,
Когда отечества враги
Дерзаютъ нагло посягать
На нашу дорогую мать,
На честь Россіи! О, въ тотъ мигъ
Меня послѣдній мой мужикъ
Пойметъ легко, и все проснется,
И вмѣстѣ сердце въ насъ забьется,
И дружно, разомъ отзовется
На громкій кличъ, не для наживъ,
А на священнѣйшій призывъ
Въ защиту родины!.. А вамъ.
Лишь выгодъ алчущимъ умамъ,
Насъ не понять; и горе ей.
Великой родинѣ моей,
Когда, какъ Божія напасть,
Съумѣетъ захватить въ ней власть
Пришлецъ изъ чуждой стороны,
Хотя бы дружеской страны.»

. . . . . .

— «Вонъ сколько ихъ!.. Кому-жъ отдать

Тебя Россія? Кто, какъ я,
Страна великая моя,
Тебя одну любить лишь станетъ
И не споткнется, не устанетъ
Тебя вести, какъ водитъ мать
Свое дитя? Кого избрать?
Ужъ смерть близка. Пока назвать
Еще могу... ее... его...
Или изъ этихъ одного?..
Рѣшить не мнѣ... Пусть изберетъ
Себѣ владыку самъ народъ,
Какъ было встарь... но только онъ
Ужъ слишкомъ мною пріученъ
Къ безмолвью рабства...»
Въ этотъ мигъ
Часъ роковой его настигъ
И обратилъ въ неслышный бредъ
Его мышленья. Вздрогнулъ онъ,
Дыханьемъ смерти опаленъ,
Вдругъ приподнялся, поманилъ
Къ себѣ кого-то... осѣнилъ
Въ послѣдній разъ родную Русь,
Шепнулъ:—«Впередъ!.. не спи!.. не трусь!..»
И опустивъ къ себѣ на грудь
Ту руку, что привыкла гнуть
Враговъ земли... вздрогнулъ... вздохнулъ...
И очи грозныя сомкнулъ.

Княжья могила.

Не горюй! ободрись! на судьбу не гнѣвись!
Слушай лучше ты стараго дѣда,
Да прилежнѣй внимай и на усъ намотай—
Не вредна съ стариками бесѣда.

Ты завидуешь счастью людскому,
Ты завидуешь тѣмъ, кто богатъ;
Но повѣрь—наша скромная доля
Позавиднѣй роскошныхъ палатъ.

Разскажу я тебѣ то, что слышалъ
Я отъ дѣда о князѣ одномъ;
А и дѣда могилы не сыщешь
Ты на нашемъ кладбищѣ родномъ.

— Ужъ прошло много лѣтъ, такъ разсказывалъ дѣдъ,
Какъ случилося странное дѣло:
Привезли къ намъ въ Услонъ, для простыхъ похоронъ,
Чье-то женское мертвое тѣло.

Три подводы биткомъ, и солдаты кругомъ,
На четвертой, покрыто тулупомъ,
Это мертвое тѣло лежало пластомъ...
Вился коршунъ высоко надъ трупомъ.

Разбудили попа, привели столяра,
Тотчасъ гробъ сколотить приказали
И во храмъ отнесли, но затѣмъ никого
Изъ народа туда не пускали.

Только слѣдомъ одинъ привезенный вошелъ.
Былъ онъ худъ отъ тяжелой невзгоды,
Хоть въ тулупѣ простомъ, но съ надменнымъ лицомъ,
И по виду боярской породы.

Слышно было, какъ въ церкви бояринъ читалъ
По усопшей псалтырь черезъ силу;
А начальникъ, согнавъ мужиковъ, приказалъ,
Чтобы рыли скорѣе могилу.

Снѣгъ глубокій сгребли, добрались до земли
И едва за рытье принялися,
Да взглянули—изъ церкви бояринъ идетъ,
Ну всѣ разомъ за шапки взялися.

Молча онъ подошелъ и боярской рукой
Взялъ лопату у старосты Силы,

И одинъ, въ полчаса, безъ подмоги людской,
Вырылъ самъ для усопшей могилу.

Разсвѣло — приказали попу отпѣвать,
Сталъ онъ спрашивать имя покойной,
Чтобы знать, какъ въ молитвахъ ее поминать,
Но отвѣтъ услыхалъ непристойный.

— «Не твое дѣло знать, какъ ее надо звать.
Безъ тебя про то вѣдомо Богу;
Поскорѣй отпѣвай, да какъ хошъ называй —
Ужъ пора собираться въ дорогу.»

Ну, отпѣлъ, понесли, на могилу снесли.
Опустили, и спорый въ работѣ
Князь могилу зарылъ, никого не пустилъ
Помогать ему въ этой работѣ.

Лишь сравнялъ, какъ тотчасъ былъ ужъ отданъ приказъ
Чтобы всѣ по подводамъ садились;
Подошли и къ нему, и зовутъ — только онъ
Такъ взглянулъ, что они отступились.

Поглядѣлъ, постоялъ, на колѣни упалъ,
До земли надъ могилой склонился
И надъ прахомъ жены, съ обнаженной главой,
Долго плакалъ и долго молился.

— «Охъ, прости — говорилъ — я тебя погубилъ,
Я за гордость свою вѣдь наказанъ,
Ну а ты-то за что изстрадалася вся?..
Видно жребій намъ свыше указанъ.»

Всталъ. сурово глядитъ, а кругомъ все молчитъ,
Горсть земли захватилъ онъ съ могилы,
И въ платокъ завязалъ, и, крестяся, сказалъ:
— «Эта горсть мнѣ придастъ много силы.

Буду я вспоминать, буду молча страдать,
Буду ждать я свиданья съ тобою,
И настанетъ пора, и зароютъ меня
Подъ холодной Сибирской землею.»

И уѣхалъ... А мы получили наказъ,
Чтобы зорко стеречь ту могилу,
Никого чтобы къ ней не пускать, а не то,
Чтобы горя себѣ не добыли.

— «Кто же былъ этотъ князь?»—Погоди, не спѣши,
До конца дожидай — и узнаешь;
Коли будешь ты рѣчь безъ пути прерывать,
Такъ не скоро разумнѣе станешь.

Послѣ къ намъ пріѣзжалъ пономарь изъ Москвы,
Приходился попу онъ племянникъ,

Ну такъ онъ разсказалъ, потому что слыхалъ,
Кто былъ этотъ опальный изгнанникъ.

Родомъ онъ изъ Москвы, съ раннихъ лѣтъ сирота,
Былъ, какъ мы, изъ простого народа,
Пироги продавалъ, послѣ въ милость попалъ,
Сталъ большой на Руси воевода.

Сталъ онъ первый бояринъ и такъ ужъ богатъ,
Что не зналъ даже деньгамъ и счету;
Говорятъ, при строеніи княжьихъ палатъ
Крыли золотомъ все безъ расчету.

Былъ въ почетѣ большомъ, царствомъ всѣмъ заправлялъ,
Все имѣлъ, что имѣть лишь возможно,
Только Бога забылъ — и его обуялъ
Духъ гордыни, суѣтности ложной.

Захотѣлось ему, какъ въ былую пору,
Съ царскимъ родомъ чрезъ дочь породниться;
Только дѣло повелъ не добромъ и Царя
Захотѣлъ, вишь, принудить жениться.

Ну, вѣстимо, что Царь осерчалъ и велѣлъ,
Чтобъ у князя, для пущей охраны,
Все добро отобрать, самого же сослать
И съ семьею въ далекія страны.

Какъ везли, такъ женѣ, послѣ прежнихъ затѣй,
Тяжела показалась дорога;
Захворала, да съ горя ослѣпла отъ слезъ
И преставилась въ Царствіе Бога.

Изъ чухонской земли многихъ такъ провезли,
Многихъ послѣ назадъ воротили,
Ну а князь не прощенъ былъ Царицей — и онъ
Умеръ гдѣ-то далеко въ Сибири. *)

*) Могилу княгини Меньшиковой показываютъ въ селѣ Верхній Услонъ, Казанской губерніи, на священническомъ погостѣ. Старожилы, разсказывая объ этомъ преданіи, говорятъ, что надъ могилой была построена церковь, но она сгорѣла. Надгробный камень почти разрушился и изъ бывшей надписи едва можно разобрать слова: «здѣсь погребено тѣло рабы Божіи Д».

Двѣ жертвы.

Въ Москвѣ, въ княженье третьяго Ивана,
Въ воскресный день, въ морозную зиму,
Толпы людей волною заливали
Обширный Кремль. Тамъ совершалось чинно
Въ Успенскомъ храмѣ новое, дотолѣ
Невиданное торжество въ Москвѣ.
Великій князь, разгнѣвавшись на сына
И на жену-гречанку, объявилъ
Наслѣдникомъ своимъ родного внука,
Димитрія, и самъ въ Успенскомъ храмѣ
Его вѣнчалъ на царство, возложивъ
На голову его корону-шапку,
А на рамена—бармы Мономаха.
И отрока наслѣдникомъ престола
Всѣ величали, и на эктеньяхъ
Съ тѣхъ поръ повсюду такъ же поминали
Во храмахъ іереи; но судьба
Готовила ему иную долю,
Иной удѣлъ. Едва прошла зима,
Опальная, но хитрая гречанка

Съумѣла снова овладѣть искусно
Довѣрьемъ мужа. И капризный деспотъ,
Послушный въ жизни только произволу
Своихъ страстей, вдругъ наложилъ опалу
На вѣнчаннаго внука и велѣлъ
Его держать въ суровомъ заточеньи,
Въ неволѣ тяжкой. Мать его, Елену,
Не пощадили также; заточили
Ее отдѣльно въ смрадную тюрьму,
Не допуская до свиданья съ сыномъ.
Два года мучилась молдавская княжна,
Привыкшая къ иному обращенью
На дальней родинѣ. Какъ ледъ весной,
Какъ свѣчка, таяла она въ неволѣ,
Въ разлукѣ тяжкой съ сыномъ. Подъ конецъ
Она, несчастная, ужъ не просила
Себѣ свободы; нѣтъ, лишь одного
Она желала страстно — лишь увидѣть
Страдальца-сына и не разставаться
Съ нимъ до кончины скорой, чтобъ въ часы
Предсмертнаго страданья не остаться
Совсѣмъ одной, и даже не одной,
А окруженной чуждыми и злыми
Прислужницами, но въ объятьяхъ сына,
Въ прощаніи послѣднемъ съ тѣмъ, кто такъ же
Какъ и она, въ неволѣ изнываетъ,
Разстаться съ жизнью. Донесли Ивану
О просьбѣ умирающей, но онъ,
Но этотъ деспотъ безсердечный, молча

Ту просьбу выслушалъ и не сказалъ
Въ отвѣтъ ни слова, и не смѣли больше
Предъ нимъ ту просьбу повторить. Скончалась
Въ тяжелыхъ мукахъ бѣдная княгиня,
И вздохъ ея послѣдній услыхалъ
Не сынъ ея, страдалецъ неповинный,
А лишь суровый духовникъ-монахъ,
Привыкшій равнодушно принимать
И муки горя, и слова признанья
Въ своихъ грѣхахъ, и вздохъ послѣдній, тяжкій
Несчастныхъ узниковъ. И схоронили
Опальную княгиню; но и къ мертвой
Не допустили сына. Сообщилъ
Ему тихонько добрый человѣкъ
О смерти матери тогда, когда ужъ
Ее зарыли въ землю. Горько плакалъ
Несчастный отрокъ. Умерла, родная!
Одна... въ тюрьмѣ... и не пришлось ему
Сказать—прости. и передъ страшной смертью
Хоть разъ взглянуть, хоть разъ прижать къ себѣ
Страдалицу, и взглядъ ея послѣдній
Въ своей душѣ, какъ нѣкую святыню,
Хранить до смерти.

Семь тяжелыхъ лѣтъ
Провелъ несчастный вѣнчанный князь-отрокъ
Въ своей тюрьмѣ и тщетно ждалъ свободы
Сперва отъ дѣда, а съ его кончиной
Отъ брата своего отца. Напрасно
Онъ умолялъ сказать имъ, что онъ проситъ

Лишь отпустить его на Божій свѣтъ,
Куда-нибудь въ далекую обитель
На подвиги смиренья и добра;
Что онъ готовъ торжественно отречься
Отъ всякихъ правъ за свѣтъ, за вольный воздухъ,
За право имъ дышать свободной грудью.
Его мольбамъ правдивымъ не внимали
Суровые властители Руси;
И только смерть дала ему свободу.
И только смерть лишь сжалилась надъ нимъ.
И схоронили узника въ соборѣ
Среди владыкъ усопшихъ всей Руси,
Гдѣ почивалъ его суровый дѣдъ,
Гдѣ легъ потомъ и тотъ, кто такъ жестоко
Держалъ страдальца до смерти въ тюрьмѣ.

Прошли вѣка. Московская держава
Преобразилася въ имперію. Москва
Ужъ перестала быть ея столицей.
На сѣверѣ, въ болотистой равнинѣ,
На берегу Невы воздвигся городъ,
И потянулъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ
Искателей измѣнчиваго счастья.
Перемѣнилось многое: обычай,
Одежда, нравъ, понятья, образъ жизни;
Но человѣкъ остался человѣкомъ,
И тѣ же страсти копошились въ немъ.
Пресѣклося Романовыхъ потомство
Въ мужскомъ колѣнѣ. Началась борьба

Двухъ женскихъ линій: дочерей Петра
И пятаго Ивана. Овладѣла
Престоломъ Анна; но была она
Бездѣтна—и наслѣдникомъ престола
Племянника избрала своего
Малютку-принца брауншвейгскаго Ивана.
И цѣлый годъ считался государемъ,
По смерти тетки царственной своей,
Малютка принцъ. Правительницей царства,
За малолѣтствомъ сына, объявили
Принцессу-мать; но именемъ ея
Россіей нѣмцы управляли — Минихъ,
А послѣ хитроумный Остерманъ.
И легкомысліемъ принцессы ловко
Воспользовались хитрые умы.
По Миниха примѣру, сговоривши
Толпу солдатъ, не велику числомъ,
Но страшную отвагою измѣны,
При помощи ея низвергли принца
И возвели на тронъ Елисавету,
Родную дочь великаго Петра.
Правительницу Анну, вмѣстѣ съ мужемъ
И съ маленькимъ развѣнчаннымъ Иваномъ
Отправили на родину; но втайнѣ
Иное состоялося рѣшенье
Въ суровомъ сердцѣ дочери Петра.
Внимая рѣчи хитраго сосѣда.
Владыки Пруссіи, она рѣшилась
Не выпускать изъ рукъ опасныхъ жертвъ.

Ихъ задержали въ Ригѣ, а оттуда
Отправили въ далекій Раненбургъ
И заключили въ крѣпость, что̀ построилъ
Въ былое время первый другъ Петра,
Ижорскій князь, Березовскій изгнанникъ,
Одна изъ жертвъ капризницы-судьбы.
Но торжествующей императрицѣ,
Вступившей на престолъ не по наслѣдству,
А съ помощью приверженцевъ-солдатъ,
Казался страшенъ царственный младенецъ.
И вотъ она, не будучи сама,
Не испытавъ великаго призванья
Быть матерью, послушная лишь страху
За власть свою, рѣшилась, наконецъ,
Нарушить слово данное и тайно
Дала̀ приказъ, не только перевезть
Всѣхъ плѣнниковъ въ далекіе Соловки,
Но даже разлучить съ ребенкомъ мать,
И имъ впередъ не дозволять свиданья.
О, какъ страдала бѣдная принцесса!
Какъ мучилась, какъ заклинала всѣхъ
Оставить ей малютку... но напрасны
Ея мольбы и слезы были. Не сдались
Бездушные мучители; не тронулъ
Ихъ материнскій вопль. Изъ рукъ принцессы
Суровый исполнитель, капитанъ,
Малютку вырвалъ и, сдавивъ въ объятьяхъ,
Понесъ въ повозку. Бѣдный мальчикъ бился
Въ его рукахъ, и къ матери ручонки

Протягивалъ, и съ плачемъ ей кричалъ:
— «О, мама! мама!..» Бросилась принцесса
За сыномъ вслѣдъ; но грубые солдаты
Загородили выходъ ей... Упала
Съ рыданіемъ безсилья на полъ мать
И въ изступленіи рвала свою одежду,
И все кричала:—«о, отдайте сына!
Отдайте мнѣ Иванушку!..» но тщетно...
Ихъ разлучили навсегда!...
Съ той ночи,
Какъ повезли ихъ въ Холмогоры, мать
Уже ни разу въ жизни не видала
Малютку вѣнчаннаго. Быстро гасла
Въ суровомъ заточеніи принцесса
Отъ слезъ, отъ горя, отъ нѣмой тоски
Разлуки съ сыномъ. Часто представлялся
Онъ ей во снѣ — то въ царственномъ вѣнцѣ,
То въ сонмѣ ангеловъ, то блѣднымъ, хилымъ,
Въ сырой тюрьмѣ. въ лохмотьяхъ, одинокъ.
Какъ онъ смотрѣлъ на мать, какъ порывался
Ее обнять, прижаться крѣпко къ ней;
Какъ плакалъ, бѣдный, горькими слезами,
Какъ звалъ ее — и вскакивала мать,
И съ громкимъ воплемъ просыпалась... нѣтъ,
То были грезы!.. нѣтъ его! и больше
Ей не видать его... И слезы, слезы
Ее спасали; лишь онѣ однѣ,
Да смутная, ничтожная надежда
Ей сохраняли разумъ. Но слезами

Не поддержать здоровья, и принцесса
Къ могилѣ быстро близилась. Но даже
И въ эти дни предсмертнаго страданья
Ее рѣшилась укорять обманомъ
Елисавета... Разъ, въ глухую ночь,
Когда несчастная лежала въ забытьи,
Уже охваченная вѣяніемъ смерти,
Вдругъ привезли указъ изъ Петербурга.
Напрасно докторъ увѣрялъ гонца,
Что всякое тревожное извѣстье
Губительно для бѣдной; настоялъ
Суровый Гурьевъ, чтобъ его, не медля,
Къ принцессѣ допустили. Осторожно
Ее успѣлъ предупредить однако
О томъ указѣ сердобольный врачъ.
Съ привѣтливой и ласковой улыбкой
Принцесса встрѣтила гонца. «Быть можетъ —
Мелькнуло у нея въ умѣ: — свобода,
Свиданье съ сыномъ...» Молча, злой палачъ
Вручилъ указъ своей несчастной жертвѣ.
И даже голову помогъ поднять
Онъ истомленной матери, и свѣчку
Къ ея глазамъ поднесъ... Прочла принцесса
Указъ Елисаветы и съ ужаснымъ,
Съ горячешнымъ рыданіемъ поникла
Своей больной, усталой головой.
О, Боже! Боже! Даже въ эти дни,
Въ послѣдніе часы несчастной жизни
Ее допрашивали о какихъ-то

Алмазахъ жалкихъ и грозили гнѣвно,
За ложь или уклончивый отвѣтъ,
Ужасной пыткой той ея подругѣ,
Которую одну она любила,
Которая не разставалась съ ней
Въ ея ужасномъ, тяжкомъ заточеньи.
То былъ ударъ послѣдній. Быстро гасли
Надломленныя силы. Въ забытьи
Лежала бѣдная принцесса; лишь порою
Къ ней возвращалося сознанье, и тогда
Она шептала — то слова молитвы,
То имена дѣтей, то вдругъ срывалось
Съ ея горячихъ, воспаленныхъ устъ:
— «Елисавета... пощади!.. о, сжалься!..
Не подходи!.. не трогай ихъ!..» И дрожь,
И ужасъ дикій съ головы до ногъ
Ее охватывали. Полный мѣсяцъ
Свѣтилъ въ окно, широкая равнина
Бѣлѣла снѣгомъ, а въ избѣ убогой
Металась на постели, угасая,
Несчастная принцесса. Ея мужъ,
Страданья спутникъ вѣрный, на кровати
У ногъ жены сидѣлъ, глотая слезы
И закрывая блѣдное лицо
Дрожащими и влажными руками.
Монахъ и докторъ, видя приближенье
Зловѣщей смерти, молча, въ изголовьѣ
Одра больной стояли... Вдругъ она
Приподнялáсь, съ открытыми глазами,

И протянула руки, и съ мольбой,
Съ такой мольбою страшной, что у всѣхъ
Захолонуло на душѣ, спросила:
— «Гдѣ мои дѣти?.. Гдѣ?.. Гдѣ онъ? Гдѣ онъ,
Мой дорогой малютка?... О, отдайте!..
О, пощадите!.. О!..» и съ этимъ звукомъ
Она упала на подушки. Тихо
Ея рука скользнула по постели
И свѣсилась, другая замерла
Надъ самымъ сердцемъ, и закрылись очи,
И царственнымъ величіемъ могилы
Ея черты прониклися, и стыла
Она въ объятьяхъ смерти... А малютка,
Несчастный узникъ, сынъ ея желанный
Спокойно спалъ за каменной стѣной.
И умирая, бѣдная не знала.
Какъ былъ онъ близко въ день ея кончины.
И какъ безмѣрна злоба человѣка,
Лишившая страдальческую мать
Послѣдняго земного утѣшенья
Проститься съ сыномъ и, прижавши страстно
Къ своей груди изсохнувшей, въ залогъ
Своей любви, отдать ему на память
Послѣднюю. горячую слезу.

Двадцать два раза замерзали водѣ,
Двадцать два раза таяли снѣга,
Двадцать два года протекли обычно,
А бѣдный узникъ все сидѣлъ въ неволѣ,

Все изнывалъ въ губительной тюрьмѣ.
Онъ возмужалъ и выросъ; но лишенный
Любви и ласки матери, родныхъ,
И выросшій среди чужихъ людей,
Среди бездушныхъ, черствыхъ сторожей,
Всегда въ тюрьмѣ, въ неволѣ, одинокъ —
Онъ оставался, въ сущности, все тѣмъ же
Младенцемъ по понятьямъ и уму.
Его не смѣли обучать, боялись
Съ нимъ даже говорить. Всегда одинъ,
Всегда угрюмъ, онъ росъ, какъ дикій звѣрь,
Какъ молодой волченокъ въ узкой клѣткѣ.
И все-таки нашлися злые люди,
Которые успѣли разсказать
Несчастному страдальцу, что онъ былъ
Когда-то Императоромъ Россіи;
Что у него законныя права
На царскій тронъ. Къ чему? Съ какою цѣлью
Ему сказали это? Неужели
Лишь для того, чтобъ только подразнить,
Чтобы смутить и безъ того ослабшій,
И безъ того его убогій умъ?
Такъ жилъ бѣднякъ; такъ жилъ онъ долго, долго,
То есть не жилъ, а изнывалъ, томился,
Скорбѣлъ, страдалъ, не вѣдая за что...
И, наконецъ, въ одинъ морозный день,
Когда Мировичъ вздумалъ попытаться
Освободить его, съ ничтожной горстью
Своихъ солдатъ, и выставить безумца

Противникомъ, кому-жъ? — Екатеринѣ!
Тогда рѣшилась, наконецъ, судьба
Страдальца неповиннаго: борьба...
Испугъ... ударъ!.. и чахнувшій во тьмѣ,
Онъ кончилъ жизнь, заколотый въ тюрьмѣ.

Москва.

На высокомъ холмѣ, во дремучемъ бору,
Надъ Москвою-рѣкой во былую пору

Жилъ отшельникъ святой; въ тихой кельѣ своей
Онъ молился за Русь, онъ печалился съ ней.

Въ тѣ поры ей съ востока грозила бѣда:
Надвигалась татаръ злочестивыхъ орда;

Все губила она и все жгла за собой,
И полономъ грозила всей Руси родной.

Горячо, со слезами, отшельникъ молилъ,
Чтобъ Господь благодати Своей не лишилъ,

Чтобы спасъ Онъ всю Русь отъ нашествія тѣхъ,
Кто дѣтей не щадилъ для кровавыхъ потѣхъ,

Кто болвановъ нѣмыхъ, какъ боговъ своихъ чтилъ,
Кто всю Русь въ царство вдовъ и сиротъ обратилъ.

На молитвѣ ночной старецъ долго стоялъ;
Вдругъ всю келью его яркій свѣтъ осіялъ,

И предсталъ передъ нимъ свѣтозарный посолъ,
Съ благодатью великой онъ къ старцу нисшелъ.

—«Миръ Господень—онъ рекъ—днесь да будетъ съ тобой,
Долетѣлъ до Творца стонъ молитвенный твой;

Не печалься, не плачь, не томися за Русь,
На дорогѣ ея я всегда нахожусь.

Ей великій удѣлъ на землѣ положенъ,
Ею подвигъ любви будетъ въ мірѣ свершенъ,

Но подъ гнетомъ веригъ суждено ей идти
По тернистому, полному скорби пути.

Моремъ крови и слезъ освятится она,
Вѣрой въ Бога, въ любовь безгранична полна.

Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ твой убогій пріютъ,
Тамъ, когда твои грѣшныя кости сгніютъ,

Тамъ—смотри!...» И съ небесъ благодатный посолъ
Передъ ликомъ его своей дланью провелъ,

Очи духа открылъ и въ картинѣ одной
Весь удѣлъ показалъ ему Руси родной.

Умилился старикъ, возвелъ очи свои
И промолвилъ: «Господь, пути правы Твои!

Ты кого возлюбилъ — испытуешь и бьешь,
И ко благу тяжелой дорогой ведешь.

Очищай ее, Боже, въ горнилѣ борьбы,
Чтобъ достойно она, въ часъ грядущей судьбы,

Свой исполнила долгъ. Не печалюся я —
Да исполнится воля благая Твоя.»

О, сердце родины моей,
Какъ много въ старинѣ твоей
Святыхъ былинъ, тяжелыхъ сновъ,
Глубоко нравственныхъ основъ!

Годъ за годомъ, вѣкъ за вѣкомъ ты все ширилась, росла,
И въ себя всю Русь святую ты, какъ мать, воспринялà.

Сколько горя, сколько муки люди русскіе несли,
Когда круто ихъ сжимали собиратели земли,

Сокрушали повсемѣстно ихъ свободное житье,
Строя медленно, но крѣпко царство русское свое,

Истребляя безпощадно волю вѣча и князей,
Подчиняя все единой волѣ царственной своей.

Гибли люди, гибли грады, гибли царства безъ конца,
Пока всѣ не подчинились волѣ строгаго отца.

И въ тебя переселяли покорившихся людей,
Силой страшной отрывали ихъ отъ родины своей.

Но прошли вѣка лихіе, Русь въ едино собралась,
Рознь былая, быстро тая, наконецъ перевелась,

И не даромъ твои дѣти, какъ свою родную мать,
Тебя сердцемъ всей Россіи нынѣ стали величать.

Ты видѣла много, ты много страдала,
И горе, и муки, ты все испытала.

Тебя выжигали татары до тла,
Когда ихъ несмѣтная сила текла,

Когда изнывала вся Русь подъ ярмомъ,
И только измѣна кишѣла кругомъ;

Терпѣньемъ и вѣрой спаслась ты тогда —
Предъ ними побѣдная пала орда.

Къ тебѣ прилетѣлъ въ предназначенный часъ,
Когда въ Византіи свѣтъ правды угасъ,

Двуглавый орелъ, символъ мощи твоей.
И стягъ твой хранитъ на груди онъ своей *).

На западъ кичливый, на спящій востокъ
Онъ силы твоей направляетъ потокъ

И ждетъ, чтобъ надъ міромъ земли воспарить,
Когда часъ пробьетъ твой удѣлъ совершить.

Въ тебѣ чудилъ Грозный; кичился и ляхъ,
Гуляя въ священныхъ кремлевскихъ стѣнахъ.

Къ тебѣ устремилась изъ Нижняго рать,
Чтобъ снова въ тебѣ во-едино собрать

Разбитаго царства заблудшихъ сыновъ,
Преступно своихъ расточающихъ кровь.

Въ тебѣ народился и тотъ, кто тебя
На хляби болота смѣнилъ, разлюбя.

Съ тѣхъ поръ ты замолкла на долгіе годы;
Съ тѣхъ поръ лишь царей да царицъ воеводы

---

*) Двуглавый орелъ, гербъ восточной Римской имперіи, былъ сдѣланъ русскимъ гербомъ царемъ Иваномъ III Васильевичемъ, послѣ брака его съ Софіей, племянницей послѣдняго Византійскаго императора Константина Палеолога; на груди орла помѣщается прежній гербъ великаго княжества Московскаго.

Тобой управляли, но сами они
Какъ рѣдкіе гости являлись твои;

Являлись, когда приближалися къ трону,
Когда на себя возлагали корону.

Отнять это право твое не могли
Властители новые русской земли.

Спокойно встрѣчая властей перемѣны,
Народъ не простилъ бы подобной измѣны,

Зане лишь въ Кремлѣ утверждать онъ привыкъ
Священнымъ обрядомъ державство владыкъ.

Изъ нихъ одного ты въ Кремлѣ схоронила:
Державный потомокъ царя Михаила

Прибылъ, чтобъ вѣнчаться на царство — и легъ
Подъ сводомъ священнымъ у царственныхъ ногъ

Смиренно преставшихся предковъ державныхъ,
И мудрыхъ, и кроткихъ, и грозныхъ, и славныхъ,

Сложившихъ свои утомленныя силы
Подъ камень плиты и подъ своды могилы *).

*) Императоръ Петръ II умеръ въ Москвѣ въ 1730 году и похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Но грянулъ громъ! Смѣльчакъ вѣнчанный,
Игравшій царствами какъ въ мячъ,
Французовъ кесарь первозванный,
Еще не знавшій неудачъ,
Задумалъ съ Русью побороться,
Задумалъ Русь онъ покорить;
Не зналъ, какой цѣной придется
Ему ту смѣлость искупить.
Собравъ солдатъ разноплеменныхъ,
Его отвагой покоренныхъ,
Онъ съ ними ринулся на насъ
Въ свой роковой и грозный часъ *).
Онъ на тебя свой путь направилъ;
Привыкъ въ столицы онъ вступать;
Вѣдь сколько царствъ ужъ онъ заставилъ
Его условія принять.
Но не забылъ свою обитель
Небесный ангелъ нашъ хранитель:
Путемъ завѣдомымъ повелъ
Онъ Русь къ спасенью. Врагъ пришелъ.
Въ самоувѣренности властной,
Считая Русь себѣ подвластной,
Онъ въ Кремль священный твой вошелъ,
Вошелъ — и стихъ... Въ твоей святынѣ
Рушитель Божьей благостыни
Впервые дрогнулъ за свой тронъ,
Почуя нравственный уронъ.

*) Наполеонъ I.

Его дружина боевая,
Отъ безначалія растая,
Въ орду безпутныхъ обратилась
И вспять во страхѣ устремилась,
Когда рой смѣлыхъ удальцовъ
Тебя сжигалъ со всѣхъ концовъ.
Ты опустѣла — и въ огнѣ
Напомнила о старинѣ.

Все воспрянуло вновь, загорѣлась любовь
Въ сердцѣ русскихъ людей; загорѣлася съ ней
И отвага въ груди; въ часъ нежданной бѣды
Встали всѣ, какъ одинъ—и побѣдной волной
Разметали врага по отчизнѣ родной!
Ты сгорѣла до тла, жертву вновь принесла,
Но ты русское царство собою спасла
И исполнила вновь подвигъ царственный свой —
Твой пожаръ жегъ сердца по Руси всей родной!
Но съ смиреньемъ успѣхъ не къ себѣ отнесла,
И Спасителю храмъ близъ Кремля вознесла.

Ты снова замолкла. На долго-ль? не знаю,
Грядущей судьбы прорицать не дерзаю.

Но знаю, что вновь ты себя проявила
И чуднымъ младенцемъ ты Русь подарила.

Въ священномъ Кремлѣ, отъ державной четы,
Отъ русской души и земной красоты,

Въ тебѣ народился тотъ царь, кто свободу
Далъ самъ истомленному въ рабствѣ народу

И умеръ, какъ мученикъ, въ царской крови,
Какъ жертва за грѣхъ оскудѣнья любви *).

О, родная моя! Какъ прекрасна твоя,
Какъ могуча любовь, когда, сердцемъ горя,
Ты встрѣчаешь въ Кремлѣ Самодержца-Царя!
Знаешь ты въ комъ вся мощь — сила русской земли,
И чью власть до сихъ поръ умалить не могли,
Кто одинъ все вершитъ и блюдетъ твой полетъ,
Кому Западъ привѣтъ свой почтительный шлетъ.

Ты, Москва, всегда царишь,
Когда съ Русью говоришь;
Ты свята въ глазахъ людей,
Гордыхъ родиной своей.
Кто привыкъ тебя любить
Всей душой своей и чтить,
Какъ свою родную мать —
Тотъ всегда готовъ отдать
Жизнь и сердце, мозгъ и кровь
За одну къ тебѣ любовь!

---

*) Императоръ Александръ II родился въ Москвѣ, въ Николаевскомъ дворцѣ, въ 1818 году.

Княжна Тараканова.

(Али-Эметэ)

Ночь. Рѣка бушуетъ близко,
За волною шлетъ волну;
Мѣрный возгласъ часоваго
Нарушаетъ тишину.
Закоулокъ. Темно, сыро,
Деревянная кровать,
Шуба съ вылѣзшей овчиной...
— «Здѣсь, одной, съ своей кручиной,
Суждено мнѣ изнывать.
Все допросы, все угрозы;
Все не вѣрятъ, все томятъ;
Все считаютъ за неправду,
Даже пытками грозятъ.
Я не знаю, что имъ надо?
Все сказала, не таясь.
Пусть казнятъ. Я буду рада,
Когда съ жизнію простясь,
Улечу я на свободу

Въ царство Бога, не людей.
Тяжко!.. Боже, изъ неволи
Ты возьми меня скорѣй!
Кто я? и сама не знаю,
Дочь царицы иль раба?
Поманивъ короной, къ гробу
Привела меня судьба.»

Волны плещутъ, волны ропщутъ
И дробятся за стѣной,
Словно жаждутъ на свободу
Унести ее съ собой.

— «Дѣтство раннее мое
Мнѣ припомнить трудно;
Мать моя въ землѣ давно
Тлѣетъ безпробудно.
Все закутано въ волнахъ
Смутнаго тумана...
Вотъ виднѣются вдали
Башни Тегерана.

Вспоминаются порой:
Внутренность гарема,
Садъ волшебный подъ горой,
Чудеса эдема.
Чей-то нѣжный робкій взглядъ
Утромъ у фонтана,

И невольницъ стройныхъ рядъ,
И въ дыму кальяна

Строгій обликъ старика—
Все предъ нимъ дрожало;
Его властная рука
Такъ меня ласкала.
Смутно помнится... Но то,
Что случилось ближе,
Помню ясно. Помню я
Монастырь въ Парижѣ.

Грекъ-купецъ меня привезъ,
Тамъ одну оставилъ;
Много слезъ пролить меня,
Этимъ онъ заставилъ.
Тамъ росла я, развилась
И большая стала,
И счастливая пора
Для меня настала.

Бурно молодость моя
Въ ласкахъ проходила;
Жизни жгучая струя
Билась и бурлила.
Польскій князь меня смутилъ —
То его навѣты.
— «Вы царевна—онъ твердилъ —
Дочь Елисаветы.»

Какъ добыть московскій тронъ
Поучать старался,
Былъ поклонникъ мой и онъ
И въ любви мнѣ клялся.
Много ихъ, любя меня,
Предо мною млѣли,
Имя, честь свою губя,
Жизни не жалѣли.

Я же только такъ, шутя,
Забавлялась съ ними,
Какъ забавится дитя
Съ куклами своими.
Одного я, наконецъ,
Страстно полюбила,
Одного — и этотъ былъ
Для меня могила!»

Средиземнаго моря волна
Обаянья и нѣги полна,
И манитъ, и сверкаетъ, дробясь.
Приходи, мой возлюбленный князь!
О, какъ страстны объятья твои!
Какъ могучъ и красивъ ты, герой!
Какъ умѣешь ты сладко любить,
Хочешь царство дѣлить ты со мной!

* * *

При свиданьяхъ, на тайномъ совѣтѣ,
О правахъ ты твердилъ мнѣ моихъ;
Мнѣ же не было слаще на свѣтѣ,
Какъ забыться въ объятьяхъ твоихъ
И замлѣть въ твоей силѣ и власти,
Позабывъ и себя, и весь міръ—
О, приди въ обаяніи страсти
Мое все, моя жизнь, мой кумиръ!

* * *

Чудный день. Разноцвѣтнымъ нарядомъ
Разукрашены всѣ корабли.
Мы плывемъ; ты сидишь со мной рядомъ;
Исчезаетъ Ливорно вдали.
Какъ почтительно радостны лица,
Какъ горитъ твой властительный взоръ!
Какъ любовно ласкается море,
Окаймленное высями горъ.

* * *

Мы взошли на корабль; что за роскошь!
Все цвѣты, всюду блескъ, все горитъ;
Звуки музыки громко встрѣчаютъ—
Все мнѣ радость и счастье сулитъ.
Мощь орла осѣняетъ корона.
Раздается привѣтственный кликъ!
Онъ съ тобой раздѣленнаго трона
Чуднымъ вѣстникомъ въ душу проникъ.

* * *

Солнце льетъ свою жгучую нѣгу,
И чуть слышенъ волненья прибой.
Пиръ въ разгарѣ; въ чарующемъ танцѣ
Я весь міръ забываю съ тобой.
Дышетъ море вокругъ безмятежно,
Я восторгомъ и счастьемъ полна,
И качаетъ насъ мѣрно и нѣжно
Средиземнаго моря волна.

О, змѣя! О, бездушный измѣнникъ!
Какъ жестоко нанесъ ты ударъ!
Мигъ насталъ для тебя вожделѣнный,
Все — и счастье, и пира разгаръ
Измѣнились въ мгновеніе ока,
И изъ міра блаженства и грезъ
Я очнулась, одна-одинока,
Подъ арестомъ въ каютѣ-тюрьмѣ.
Какъ онъ подло отнесся ко мнѣ!

* * *

Зналъ онъ чаръ своихъ страшную силу,
И преступною властной рукой
Для меня онъ готовилъ могилу,
И въ объятьяхъ мечталъ о другой —
Не о женщинѣ, нѣтъ — о царицѣ,
Какъ бы ей половчѣй угодить
И довѣрчиво глупую птичку
Въ западню поскорѣй заманить.

* * *

Для тебя я была лишь забавой,
Въ твоемъ сердцѣ точились ножи!
Твои ласки дышали отравой,
Твои клятвы—свидѣтели лжи!
О, исчадіе дьявольской пѣны
Поцѣлуемъ ты предалъ меня!
Отъ твоей страшно-подлой измѣны
Мать въ гробу содрогнулась твоя!»

Волны хлещутъ, волны бьются,
Вѣтеръ все сильнѣй, сильнѣй,
Словно бѣшеныя рвутся
Въ пляскѣ яростной своей.

— «Что за ночи—страхъ и ужасъ!
Здѣсь, средь мрака и тоски,
Родила я одиноко,
Подъ немолчный шумъ рѣки,
Отъ него — подарокъ страшный,
Отъ него — мое дитя!
Награждалъ онъ ими многихъ,
Чувствомъ матери шутя.

Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Неужели и оно
Безпощаднымъ властолюбьемъ
Смерти злой обречено?

О, бездушная царица!
Не могла ты не понять,
Какъ жестоко, какъ преступно
Разлучать съ младенцемъ мать!

Здѣсь, сюда, ко мнѣ въ темницу
Вдругъ осмѣлился придти
Мой предатель, откровенность
Онъ желалъ во мнѣ найти.
Но сдавила его голосъ
Человѣческая грудь
И заставила злодѣя,
Опустивъ глаза, вздохнуть.»

Какъ мнѣ тяжко... какъ мнѣ жутко...
Грудь мучительно болитъ;
Ноетъ сердце, стынутъ руки,
Голова моя горитъ.
Смерть близка, я это чую,
Мнѣ ее не побѣдить;
Какъ я плачу, какъ тоскую,
Какъ мнѣ тяжко, тяжко жить!»

Волны хлещутъ въ стѣны,
Буря все сильнѣй,
Замираетъ сердце
Отъ ея затѣй.

Тьма... безлюдье... крысы
Жалобно пищатъ;
Словно чуютъ гибель,
Близко шелестятъ.

Волны выше, выше —
Разомъ ворвались
Чрезъ окно въ темницу,
Шумно разлились.
Блѣдная, нѣмая,
Ужасомъ полна,
На кровать взобралась
Бѣдная княжна

И, ломая руки,
Вся застывъ, глядитъ,
Какъ дробятся волны —
Грозенъ былъ ихъ видъ.
Покрываютъ ноги...
Выше... до колѣнъ,
Отпрядая шумно
Отъ гранитныхъ стѣнъ.

— «О, спасите! Боже!
«Жить хочу я!.. Свѣтъ...»
Только грохотъ бури
Слышенъ ей въ отвѣтъ.

Волны выше, выше...
Ужъ лобзаютъ грудь,
Страшны ихъ объятья,
Не даютъ вздохнуть.

Наконецъ, добра́лись
До ея ланитъ,
Съ слёзами смѣшались.
Бьются о гранитъ.
Ужасъ близкой смерти
Въ сердце ей проникъ,
Слабый стонъ... молитвы
Заглушенный крикъ...

И закрылись очи,
Вздро́гнула она —
И ее въ объятья
Приняла волна.
Хлынула къ окошку,
Жертвы не спасла,
Жизнь ея съ собою
Въ море унесла.

. . . .

Къ утру стихла буря;
Тѣло безъ души
Схоронили тайно
За стѣной въ глуши.
. . . . . .

Гдѣ ея могила,
Тамъ растутъ цвѣты,
Въ нихъ — ея страданья,
Въ нихъ — ея мечты *).

*) Али-Эметэ княжна Гали была знатнаго восточнаго происхожденія. По нѣкоторымъ источникамъ она была племянница Сишехъ-Селаръ Хана, великаго визиря персидскаго шаха Шахъ-Надира. Брошенная, послѣ его казни, на произволъ судьбы въ Парижѣ, она, по выходѣ изъ монастыря, пользуясь своей красотой, вела легкую жизнь, кочуя по Европѣ. Польскій князь Радзивиллъ и польскій посолъ въ Парижѣ князь Огинскій, при содѣйствіи іезуитовъ, въ видахъ возстановленія смутъ въ Россіи, убѣдили Али-Эметэ, что она дочь императрицы Елисаветы. Завлеченная, въ Ливорно, княземъ Алексѣемъ Орловымъ на русскій военный корабль, она была привезена въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ родила отъ Орлова сына, названнаго императрицей Екатериной II «Александромъ Алексѣевичемъ Чесменскимъ, дворянином неизвѣстнаго происхожденія».—По народной молвѣ она утонула въ крѣпостномъ казематѣ во время большаго наводненія въ декабрѣ 1777 годъ. Схоронена въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Кто-то посадилъ на ея могилѣ цвѣточные кусты. Они разрослись, и теперь тамъ разведенъ садикъ.

Царь-Освободитель.

На островѣ низкомъ, за крѣпкой оградой,
Омытой волнами Невы,
Во градѣ Петровомъ, давно уже ставшемъ
Столицею послѣ Москвы,

Подъ сѣнью соборнаго склепа, въ могилѣ,
Среди тишины гробовой,
Покоится Царь, Императоръ Россіи,
Сраженный злодѣйской рукой.

Сожженъ, искалѣченъ ужаснымъ снарядомъ,
Лежитъ его царственный прахъ,
Съ улыбкою горькой нѣмого укора
На полуоткрытыхъ устахъ.

Страдалецъ! Свѣтло началось твое царство,
Какъ яснаго солнца восходъ;
Исчезло душѣ ненавистное рабство,
Свободенъ сталъ русскій народъ.

Проснулись вѣками стоявшія воды
Отъ новой могучей волны,
И свѣтлые, полные радости, годы
Настали для нашей страны.

Открылись глубоко сокрытыя вѣжды,
Забилась изсохшая грудь,
И образъ прекрасной и свѣтлой надежды
Сіялъ, озаряя намъ путь.

Но вмѣстѣ съ свободой, широкимъ потокомъ
Проникъ и тлетворнѣйшій ядъ,
Которымъ давно ужъ, какъ страшнымъ порокомъ,
Весь западъ Европы объятъ.

Съ побѣдой ума и добытаго знанья,
Съ той силой, что въ немъ создалась,
Съ обрывками жалкими міра познанья,
Лишь гордость въ людяхъ развилась.

Возмнили, что умъ, этотъ жалкій калѣка,
Одинъ лишь дорогу найдетъ
Къ тому, чтобъ сравнять съ божествомъ человѣка,
И къ счастью его поведетъ.

Но въ дебряхъ ума человѣкъ заблудился,
И счастья себѣ не обрѣлъ,
И въ тьмѣ непроглядной онъ въ мигъ очутился,
И въ ней, какъ слѣпой, онъ побрелъ.

Безъ вѣры, безъ грезъ, переполненъ сомнѣній,
Подъ бременемъ хищныхъ заботъ,
Подъ игомъ коварныхъ и злыхъ вожделѣній,
Какъ звѣрь другъ на друга идетъ.

Отринулъ онъ все, что добыто вѣками
Путями страданій и слезъ,
Что Сынъ Человѣческій, Божій посланникъ,
На землю съ собою принесъ;

Завѣты Того, кто будилъ нашу совѣсть,
Кто сердце во храмъ обратилъ,
Кто царство звѣрей — въ царство свѣтлое братьевъ
И въ царство любви превратилъ.

Надъ этой святыней, надъ этимъ-то храмомъ
Безумцы глумятся гуртомъ,
Считая ихъ старымъ, изношеннымъ хламомъ
И даже постыднымъ ярмомъ.

Отвергли — исчезла мечта идеала,
Незримая нить порвалàсь,
Божественной искры въ душѣ ужъ не стало —
И жажда убійствъ развилàсь.

Проснулись дремавшія хищныя страсти,
Проснулся таившійся звѣрь,
И вновь очутилися люди во власти
Животныхъ инстинктовъ теперь.

И дѣломъ убійства съ любовью занялись,
И въ догматъ его возвели,
И въ хищной работѣ съ звѣрями сравнялись,
И даже звѣрей превзошли.

Не даромъ двуногіе звѣри считались
Людьми; ихъ услужливый умъ,
Гдѣ только они въ оправданьи нуждались,
Являлся слугою ихъ думъ.

Легко доказалъ онъ, развивъ въ нихъ витійство,
Все благо ихъ звѣрскихъ потѣхъ,
Поставивъ какъ средство — насилье, убійство,
А цѣлью — блаженство для всѣхъ!

И вотъ, разрушенья достигнуть желая
И жаждой убійства горя,
Злодѣи, исчадья родимаго края,
Намѣтили жертвой — Царя.

Шесть разъ разрушались ихъ адскіе ковы,
Часъ смерти твоей не пробилъ,
Должно быть, Господь, въ своей благости вѣчной,
Въ нихъ совѣсти голосъ будилъ.

Но противъ умовъ и страстей кровожадныхъ,
Умовъ, устремленныхъ къ тому,
Чтобъ всѣмъ, что возможно, достичь своей цѣли,
Нельзя устоять никому.

И хищные звѣри достигли успѣха,
Ликуютъ: — «убитъ! удалось!»
И эхо ихъ адски злораднаго смѣха
Во многихъ странахъ отдалось.

Ликуютъ, съ побѣдой себя поздравляютъ,
Удался бездушный расчетъ,
Въ восторгѣ другъ друга при всѣхъ обнимаютъ —
Свели, молъ, окончили счетъ.

Спокойна ихъ совѣсть, не дрогнуло сердце,
Оно вѣдь лишь мускулъ; ему
Въ понятьяхъ развитаго звѣрь-человѣка
Мѣшать не годится уму.

Вѣдь въ людяхъ, гдѣ совѣсть — одна прибаутка,
Гдѣ Богъ — лишь безсмысленный звукъ,
Гдѣ къ ближнимъ любовь — сладострастная шутка—
Не можетъ быть нравственныхъ мукъ...

Ты могъ бы спастись и теперь; но замѣтивъ,
Что вѣрные слуги твои
И мальчикъ-прохожій, отъ адскаго взрыва,
Метались и бились въ крови,

Ты смѣло пошелъ къ нимъ, не вѣдая страха,
Желая ихъ муки смягчить,
Желая привѣтомъ и словомъ участья
Страданія ихъ облегчить.—

И въ это мгновенье, когда пострадавшимъ
Ты несъ утѣшенье любви,
Злодѣй совершилъ свое гнусное дѣло —
И самъ захлебнулся въ крови.

И тихо, страдалецъ, склонился ты долу,
И скорбно поникъ головой,
И кроткій твой взоръ угасалъ по немногу,
И жизнь разставалась съ тобой.

Твой царственный стонъ «помогите!» раздался,
Какъ вѣщій, пророческій кликъ,
И молотомъ въ сердцѣ людей отозвался,
И въ душу глубоко проникъ.

Покойся, страдалецъ! У царской могилы
Всегда облегченье найдетъ,
Кто съ жаждой обрѣсть для страданія силы,
Къ тебѣ поклониться придетъ.

Ты жертва больного, бездушнаго вѣка,
Ты палъ искупленьемъ за всѣхъ,
Ты жертва за грѣхъ міровой человѣка —
Любви оскудѣнія грѣхъ.

Твой жребій ужасенъ; но святъ и завиденъ
Твой, мученикъ, въ небѣ удѣлъ;
Должно быть Господь твоей страшною смертью
Свой гнѣвъ намъ явить захотѣлъ.

На судъ справедливый, безстрастный и правый,
На судъ предъ потомства лицомъ,
Предстанетъ твой царственный ликъ величавый,
Съ твоею безсмертной и чистою славой,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ.

Картина грядущаго.

(Новгородское преданіе).

За Иргизомъ рѣкой, въ непроѣздномъ лѣсу,
Въ непроѣздномъ лѣсу, въ непроглядной листвѣ,
Подъ дубами изба схоронилася;
Съ той поры, какъ свершенъ новгородскій погромъ,
Чрезъ холопскую Русь перебравшись тайкомъ,
Тамъ старуха одна поселилася.

У старухи есть дочь. Нѣтъ на свѣтѣ милѣй,
Нѣтъ на свѣтѣ прекраснѣе этихъ очей,
И кому она разъ улыбнулася,
Ужъ тому никогда не забыть ея взоръ,
Ужъ не страшенъ тому и судьбы приговоръ,
Въ комъ любовь къ ней хоть разъ шевельнулася.

Много къ ней приходило охочихъ людей,
И своимъ удальствомъ похвалялись предъ ней,
И съ собой заманить все старалися;
Но своими рѣчами смутить не могли

Ея чистую душу, и съ злобой они
Отъ порога ея удалялися.

У нея для лихихъ, безсердечныхъ людей,
Что̀ хотѣли распутствомъ понравиться ей,
Что̀, какъ волки зимою, шатаются,
Что̀ хотятъ съ нею жить не обычнымъ трудомъ,
А купаться въ крови, да палить все огнемъ —
Нѣтъ привѣта, какъ къ ней ни ласкаются.

Не для нихъ въ ея сердцѣ гнѣздится любовь,
Не для нихъ въ ней кипитъ и волнуется кровь,
Не такого ей мужа желается;
Не заманитъ ее ихъ кровавая сѣчь,
Не обманетъ ее ихъ безстыжая рѣчь —
Нѣтъ, другое ей въ грезахъ является.

Всякій день, когда утро на землю придетъ,
Когда солнце надъ лѣсомъ дремучимъ взойдетъ,
На порогъ выступаетъ красавица,
И тихонько она по тропинкѣ идетъ,
И кого-то томительно ищетъ и ждетъ,
И на шелестъ кругомъ озирается.

Ждетъ она не подругъ или званыхъ гостей,
Что̀ хотѣли сегодня пожаловать къ ней,
Да никто до сихъ поръ не является;
Не родного она поджидаетъ отца —

Изъ-за Волги рѣки одного молодца,
Илью-Муромца ждетъ-дожидается.

Тамъ, далеко, давно, на родной сторонѣ,
Гдѣ, бывало, дѣтьми забавлялись онѣ,
Тамъ, когда времена измѣнилися,
Онъ остался одинъ, и въ тяжелые дни
Сталъ рабомъ своихъ братьевъ, и страшно они
Надъ его простотой наглумилися.

Нагъ, и сиръ, и убогъ, непосильнымъ ярмомъ
Пригвожденный къ землѣ, изможденный трудомъ.
Его кровью поля насыщалися;
Свои муки и скорбь онъ смиренно сносилъ,
И лишь вѣтеръ порой къ небесамъ возносилъ,
Что̀ на немъ, бѣднякѣ, вымѣщалося.

Полегчало теперь, сняли цѣпи раба.
Долго въ нихъ продержала злодѣйка-судьба,
Но настала пора—улыбнулася;
Видно чаша была имъ испи́та до дна,
И дошелъ до судьбы его стонъ, и она
На страданья его оглянулася.

Но не можетъ еще на ногахъ онъ стоять,
Не привыкъ еще грудью свободно дышать,
Какъ ребенокъ на льду, все шатается;
Но теперь онъ въ себѣ человѣка узрѣлъ,

И хотя еще слабъ, но душою ужъ смѣлъ—
Погоди, молодица, поправится.

Самъ къ тебѣ онъ придетъ, и кудрями тряхнетъ,
И поклонъ отъ родимой земли принесетъ,
И ужъ больше съ тобой не разстанется;
И тебя, какъ невѣсту свою, обойметъ,
И съ почетомъ тебя онъ въ Москву поведетъ,
И во храмѣ съ тобой повѣнчается.

Будетъ самъ Государь посаженымъ отцомъ.
Онъ иконой тебя осѣнитъ предъ лицомъ
Отовсюду на свадьбу собравшихся;
Станутъ въ храмѣ тебя архиреи вѣнчать,
И вездѣ на Руси станутъ васъ величать,
По любви и закону вѣнчавшихся.

Будетъ пиръ на весь міръ; будутъ дружки твои,
Что̀ собра̀лись по выбору русской земли,
Охранять васъ отъ тѣхъ, кто шатается,
Словно по лѣсу звѣрь, по родимой землѣ,
Кто охотой своей пребывая во мглѣ,
Вашъ союзъ осквернить попытается.

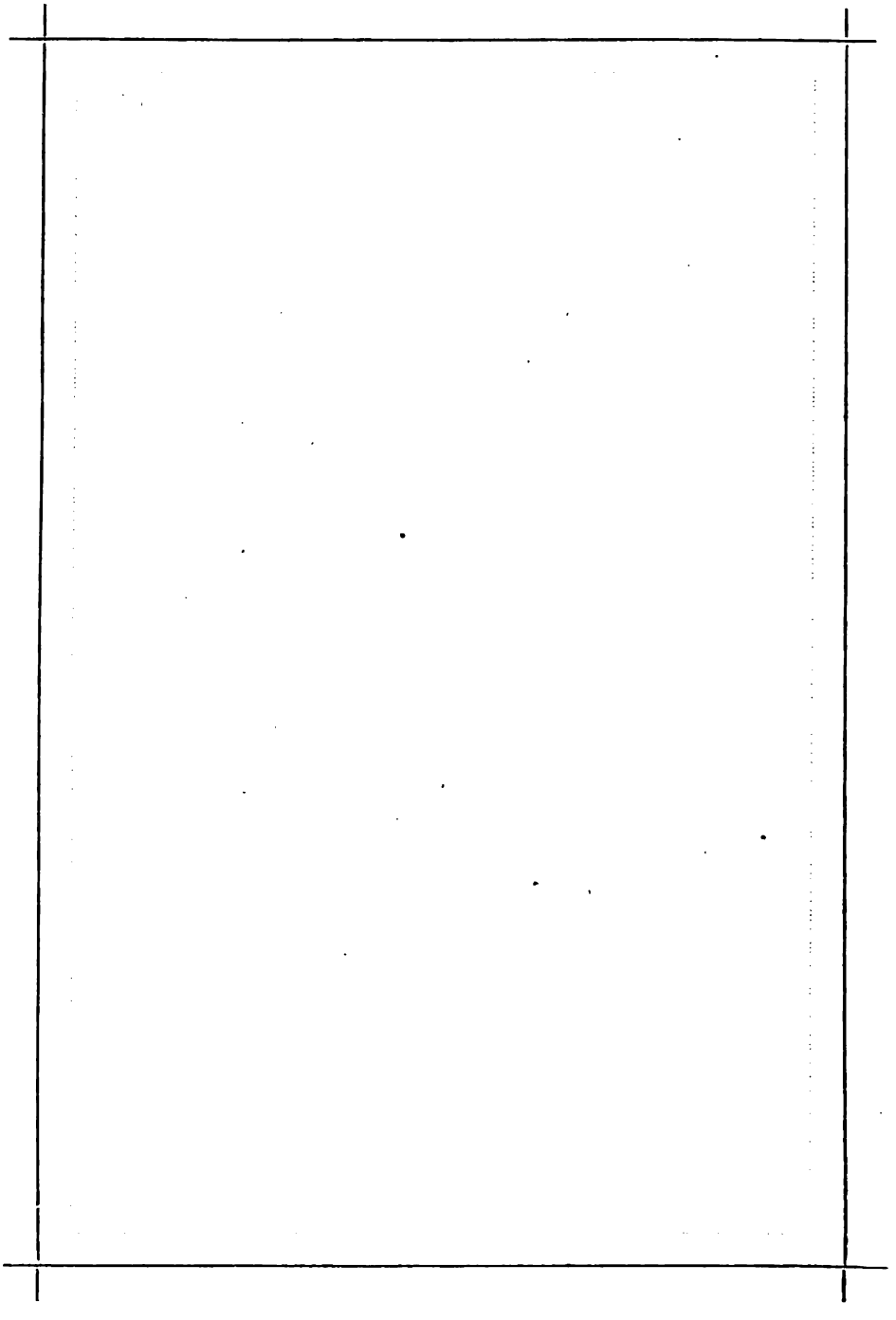
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .

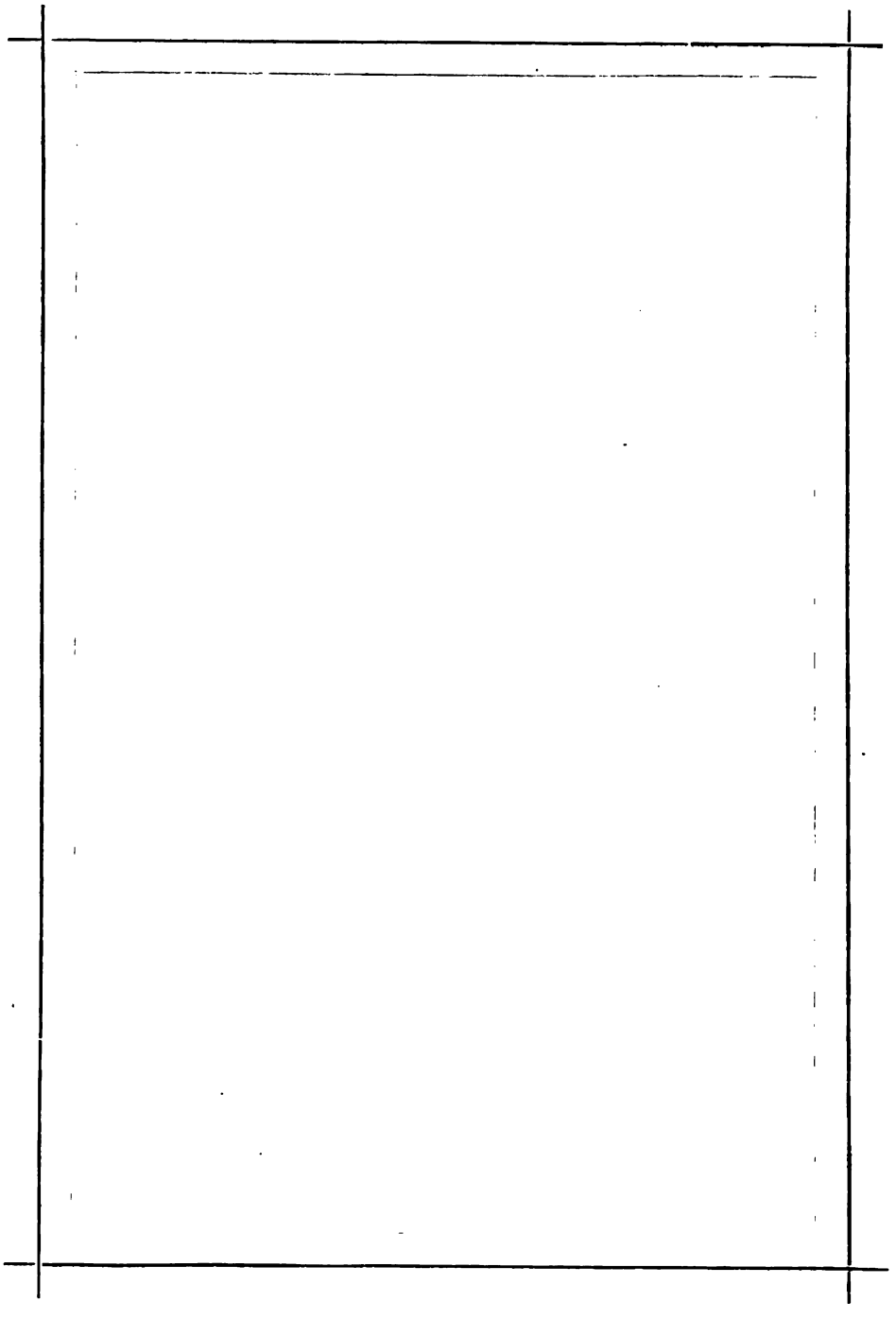
Тихо солнце по синему небу плыветъ
И на землю лучи благодатные льетъ,
Стихло все и въ лѣсу, притаилося;
А красотка стоитъ и все жадно глядитъ,
И сердечко въ груди замираетъ-дрожитъ,
Такъ изныло оно, истомилося.

Чуетъ, знаетъ оно — есть предчувствіе въ немъ,
Что не иначе, какъ лишь подобнымъ путемъ
Съ своимъ милымъ она повѣнчается,
Но когда?.. вотъ и солнце ужъ сѣло давно,
И стемнѣло въ лѣсу, а все нѣтъ никого,
И старуха ворчитъ-дожидается.

Погоди, не ропщи, не тоскуй, не гнѣвись,
И терпѣньемъ возьми, и не очень томись,
Не напрасно ты ждешь и надѣешься;
Ты чѣмъ дольше на свѣтѣ Господнемъ живешь,
Тѣмъ красивѣй въ понятьѣ народа слывешь,
И сама никогда не старѣешься.



СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО



А. А. НАВРОЦКІЙ (Н. А. Вроцкій).

СКАЗАНІЯ МИНУВШАГО

РУССКІЯ

БЫЛИНЫ и ПРЕДАНІЯ

ВЪ СТИХАХЪ.

Книга 2-ая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°»
Фонтанка. 95.

Великая княгиня Домникія.

Взятъ Черниговъ!.. Ужъ по стогнамъ града
Разлилась побѣдная орда;
Ждетъ ее за жаркій бой награда,
Учинятъ расправу безъ суда.

Въ храмъ соборный собрался въ горѣ
Женщины и дѣти горожанъ;
Слышны стоны тяжкіе въ притворѣ
Изнемогшихъ отъ тяжелыхъ ранъ.

Кованыя двери поддаются
Отъ напора бревенъ и сѣкиръ;
Въ храмѣ гулъ и крики отдаются;
Въ алтарѣ поетъ церковный клиръ.

Ждутъ татары съ нетерпѣньемъ въ бойню
Обратить привычно Божій храмъ.
На порогѣ двери въ колокольню
Мать стоитъ, прижавъ дитя къ устамъ.

Мать-княгиня. Мужъ ея любимый
Честно палъ съ татарами въ бою.
Поручивъ святому заступленью
Первенца и мать-жену свою.

Нѣтъ спасенья! Скоро рухнутъ двери.
Ужъ трещитъ бревенчатый затворъ.
Какъ потокъ ворвутся разомъ звѣри.
Съ ними: смерть, насилье и позоръ!

Страшно!.. жутко!.. Блѣдныя ланиты—
Страхъ сковалъ безмолвіемъ уста;
Только взоры, слезами залиты,
Умоляютъ Господа-Христа.

Скоро! скоро! Нѣтъ нигдѣ спасенья!
Не далекъ страдальческій вѣнецъ.
Гибель близко!.. нѣсколько мгновеній...
Вотъ и онъ—мучительный конецъ!

Двери грузно съ петель сорвалися,
Въ храмъ враги ворвалися толпой,
Вопли, стоны, крики раздалися,
Безпощадный начался убой!

Смолкъ іереевъ голосъ умиленный;
Лишь несется стонъ со всѣхъ концовъ,
Плачъ младенцевъ, хохотъ изступленный
Опьянѣлыхъ отъ крови бойцовъ.

Испугалась бѣдная княгиня
И летитъ по лѣстницѣ витой,
Чтобъ укрыть хотя малютку-сына
Отъ грядущей участи лихой.

До площадки колокольной быстро
Добралàся бѣдная она,
И застыла въ ужасѣ безмолвномъ,
Страхомъ смерти роковой полна.

Тьма ночная быстро опускалась;
Загорался городъ въ трехъ мѣстахъ;
Звукомъ трубъ окрестность оглашалась,
Кличъ побѣды слышался въ устахъ.

Крики боя, грабежа, насилья,
Кое-гдѣ еще набата звонъ,
Лязгъ оружья, вопли, стоны, пѣсни
Къ небесамъ неслись со всѣхъ сторонъ!

А на небѣ звѣзды загорались,
Поднималась изъ-за горъ луна,
Вся кроваво-красною казалась
При потокахъ зарева она.

Въ храмѣ—ужасъ! въ немъ ужъ нѣтъ спасенья!
Впереди—объятья смерти злой!
Стало жаль княгинѣ на мгновенье
Разставаться съ жизнью молодой.

Прижимая горестно младенца,
Вся застыла, бѣдная! Враги
Одолѣли всюду! Что же дѣлать?
Вдругъ за ней послышались шаги.

Оглянулась! Видитъ—уже близко
Показалась вражья голова:
Бритый черепъ, вздернутыя ноздри,
Какъ у волка свѣтятся глаза.

Весь въ крови; въ безумно-дикомъ взорѣ
Плотоядность хищника видна.
— «Изнывать въ безчестьѣ и позорѣ,
Или смерть?» подумала она.

— «Княжичъ мой рабомъ татаръ не будетъ,
На позоръ я чести не отдамъ,
Русь меня въ молитвахъ не забудетъ,
Нашу жизнь я Господу предамъ.

— «О, прости мнѣ тяжкій грѣхъ, Создатель!
Мнѣ теперь спасенье только въ немъ.
Лучше смерть—чѣмъ страшное насилье,
Да позоръ подъ тягостнымъ ярмомъ!»

Осѣнивъ себя крестомъ, княгиня
Спрыгнула на крышу... шагъ... другой...
Зацѣпилась... въ ужасѣ рванулась—
И скатилась съ ношей дорогой.

* * *

Разступились злобные татары,
Среди нихъ горячій трупъ лежалъ;
Изъ разбитой головы кровавый,
Тонкой струйкой, ручеекъ бѣжалъ.

Разметались сломанныя руки,
Далеко откинулась коса,
Лишь очей открытыхъ, полный муки,
Стывшій взоръ стремился въ небеса.

Небольшимъ расплюснутымъ комочкомъ
Трупикъ сына пріютился къ ней,
Подъ рукой княгини холодѣвшей,
Близко къ сердцу матери своей.

Отлетала жизнь въ нихъ угасая,
И быстра кончина ихъ была;
Отъ позора рабства ихъ спасая,
Смерть подъ свой покровъ ихъ приняла.

Посадница Марѳа Борецкая.

На Москвѣ рѣкѣ, во Кремлѣ святомъ,
Во дворцѣ своемъ разукрашенномъ
Господинъ Руси́ и великій князь
Государь Иванъ сынъ Васильевичъ
За столомъ сидитъ въ своей комнатѣ.
Передъ нимъ стоитъ Марѳа старица,
Дочь купецкая и честна̀ вдова
Новгородскаго свѣтъ-посадника.
Росту средняго и дородная,
Сановитая съ головы до ногъ,
Отъ замужества къ властной почести
По достоинству пріученная.
Хотя скованы руки бѣлыя,
Высоко́ она держитъ голову
И спокойно зритъ въ очи княжія—
И невольно онъ передъ узницей
Опустилъ свой взоръ повелительный.
Говоритъ она мѣрнымъ голосомъ,
Рѣчь умно ведетъ, съ разстановкою.

— «Ты послушай, князь, меня старицу,
Отъ моихъ рѣчей станешь опытнѣй.
Вѣдь не даромъ я, съ Божьей помощью,
Столько лѣтъ жила-управлялася
Съ буйной вольницей новгородскою!
Покаралъ васъ Богъ за усобицы.
И твой родъ княжой, и твоя вся Русь
Подъ ярмомъ, въ крови, изъ послѣднихъ силъ
Сколько лѣтъ ползли, извиваючись,
Подъ татарскою злой ногайкою.
Ну, а Новгородъ не достался имъ.
Недобрàлись къ намъ за болотами;
Охраняла насъ сила Божія
По предстательству Его Мудрости.
Не нарушился вѣчевой укладъ,
Отъ былыхъ временъ установленный,
Оттого-то въ насъ и сильна она,
Наша волюшка вѣковѣчная.
Ты сломилъ ее не прямымъ путемъ,
Не въ честнòмъ бою, а раздорами,
Смутой, подкупомъ, клятвой рушенной,
Византійскою пришлой хитростью.
Что-жъ, на все одна воля Божія:
Что́ назначено, то и сбудется!
Правда, спора нѣтъ, и у насъ порой
Непорядокъ былъ да усобица;
Иногда умомъ, чаще подкупомъ
Люди хитрые вольныхъ путали.
Но зато въ дѣлахъ необыденныхъ,

Коль придетъ бѣда иль нагрянетъ врагъ,
Наши мо́лодцы не терялися,
За княжой кафтанъ не хваталися.
А въ одну семью собираючись,
Мудрыхъ, опытныхъ рѣчи слушали,
И рѣшали всѣ, помолясь впередъ,
Какъ отъ лиха имъ избавлятися.
Охъ, уменъ ты, князь!—догадался самъ,
Что увезъ отъ насъ съ вѣча колоколъ.
Съ нимъ не только звонъ, съ нимъ на вѣкъ увезъ
Стародавнюю нашу волюшку.
Вижу ясно я, сердцемъ чувствую,
Что пришелъ конецъ Новугороду.
И ужъ если намъ такъ судилъ Господь
Отъ твоей руки стать холопами—
Не давай ты, князь, этой волюшкѣ
Безъ слѣда въ конецъ миноватися.
Сѣй ты вольницу новгородскую,
Разсѣвай ее по своей землѣ!
Пригодится, вѣрь, во грядущи дни
И сослужитъ вамъ службу честную.
Вѣдь не вѣченъ день, ночью мѣрится—
Неравно придетъ неурядица.
Какъ твой родъ княжой замѣшается,
Такъ и вся земля расшатается,
Не привыкли вѣдь безъ указки жить,
Да своимъ умомъ управлятися.
Вотъ тогда-то, князь, во лихіе дни,
Отъ живыхъ корней молодякъ часто́й,

И научитъ васъ, какъ изжить бѣду,
Какъ мірскимъ умомъ разобратися,
Какъ починъ начать къ устроенію.
Вѣдь не съ крыши домъ новый строится,
А съ основъ-столбовъ, въ землю кладеныхъ.
. . . . . .
Ну, спасибо, князь, что хотя меня
Обобралъ ты всю, но помиловалъ;
Не велѣлъ казнить, даешь времячко
Во грѣхахъ своихъ разобратися.
И пора ужъ мнѣ, грѣшной старицѣ,
Къ часу смертному приготовиться.
Объ одномъ прошу: какъ настанетъ онъ,
Не лиши меня покаянія,
Не клади запретъ на послѣдній зовъ;
Прикажи прислать старца добраго,
Чернеца-попа настоящаго,
Чтобы я предъ нимъ, какъ предъ Господомъ.
Во грѣхахъ своихъ исповѣдалась
И, съ молитвою на исходъ души,
Съ тѣломъ грѣшнымъ разлучилася.
А лишишь меня этой радости,
На себя возьмешь бремя тяжкое,
И отвѣтишь ты передъ Господомъ;
Вѣдь и твой чередъ умирать придетъ».
И замолкла рѣчь вѣщей старицы,
Отъ души слова страхъ не вѣдавшей.
Повернулася она медленно
И сама пошла въ клѣть подземную,

Въ заточеніе до кончины дней.
Князь Иванъ ее не удерживалъ,
Оперсѧ на столъ и задумался...
Знать затронуло сердце властное
Рѣчь свободная, новгородская!

Серафима.

1.

Лѣтній вечеръ. Заглохшій задумался садъ.
Тополей и березъ кудролиственныхъ рядъ
Утопалъ въ надвигавшейся тьмѣ.
Покрывался туманомъ болотистый лугъ.
Утихало дневное движенье вокругъ,
Разстилалася ночь по землѣ.

Изсушилъ ее солнца палящаго зной.
Оживала она. Влажный воздухъ ночной
Освѣжалъ ея мощную грудь,
И манилъ ее нѣжнымъ дыханьемъ своимъ
Позабыться отъ вѣчной заботы и съ нимъ
Въ сладкой дремѣ ночной отдохнуть.

Подъ сиренью, въ глуши, притаяся какъ воръ,
Сынъ боярскій стоитъ. Невысокій заборъ—
А за нимъ его долго ждала
Новгородская дочь, хороша, молода,
Для которой стрѣлой онъ примчался сюда,
Безъ которой и жизнь не мила.

Не на радость они въ часъ свиданья ночной
Здѣсь бесѣду ведутъ подъ сиренью густой;
Онъ смущенъ и тревожна она.
Онъ печально глядитъ, едва слышны слова—
И склоняется тихо ея голова,
Ей та рѣчь и люба, и страшна.

— «Понимаешь ли ты, иль не хочешь понять?
Не могу безъ тебя я ни жить, ни дышать,
О тебѣ лишь и дума одна.
Не томи же меня! На любовь отвѣчай
Не попрекомъ однимъ. Поцѣлуемъ встрѣчай!
Дай обнять горячѣй!»—«А жена?»

— «Что жена! Не кори! Опостылѣла мнѣ.
Разлюбилъ я ее и давно, и вполнѣ.
Опротивѣла лаской своей!
Какъ въ туманѣ хожу. Не могу съ нею жить!
Ненавидѣть хочу, а не то что любить»...
— «Такъ зачѣмъ же вѣнчался ты съ ней?»

— «Было время—прошло, не вернется оно!
Видно такъ на роду намъ судьбой суждено,
И любилъ, а теперь сталъ иной!
Всюду: дома, во снѣ иль на борзомъ конѣ,
Всюду образъ твой, Сима, мерещится мнѣ,
Всюду ты лишь одна предо мной!»

— «Замолчи! Иль топтать хочешь брачный вѣнецъ?
Ты ей мужъ, ты дѣтей вашихъ малыхъ отецъ,

Въ Божьемъ храмѣ вѣнчалися вы.
Обѣщалъ передъ Богомъ ее ты любить;
Надо слово держать; долженъ все съ ней дѣлить».
— «Не могу!»—«Бога въ помощь зови!

Полюбилъ-разлюбилъ и ко мнѣ вишь пришелъ.
Какъ къ одной охладѣлъ, такъ другую нашелъ;
И меня вдругъ разлюбишь опять».
— «Никогда!»—«Никогда... Ей ты тоже твердилъ,
Какъ ее миловалъ, какъ ее ты любилъ,
Попривыкнешь—и станешь мѣнять.

Нѣтъ, повѣрь, мой родной! Такъ пойдетъ безъ конца,
Коль съ себя только сбросишь ты святость вѣнца;
Такъ нельзя»...—«Я не брошу тебя!
Не раскаешься ты, что слюбилась со мной,
И всю жизнь проживу я въ согласьи съ тобой.
И умру, до могилы любя!»

— «Нѣтъ, не то. Я не такъ понимаю любовь.
Кто любилъ, ужъ тому не полюбится вновь.
Полюбилъ—такъ до гроба люби!
Нынѣ бросишь жену, завтра бросишь меня;
Станешь женъ ты мѣнять, какъ мѣняешь коня...
Что-жъ хорошаго, самъ разсуди».

— «Дорогая, пойми! Что-жъ попрекомъ встрѣчать?
Иль не можешь добромъ на любовь отвѣчать?

Помоги, пожалѣй хоть меня!»
— «Нѣтъ, тебѣ въ этомъ я и помочь не смогу.
Жить съ тобою втроемъ—не проси, не могу!..
Не привыкну обманывать я.

Вѣдь съ женой разлучать для любовныхъ утѣхъ,
Потайныхъ, воровскихъ—непростительный грѣхъ.
Не хочу... не могу... не проси!
Жить обманомъ однимъ и хитрить безъ конца,
И таить, да обманывать мать и отца—
Боже насъ отъ того упаси!

Будь ты холостъ иль вдовъ и при всѣхъ, не тая,
Я открыто скажу: будь мой мужъ, я твоя!
Вѣрь, родной, предъ тобой я не лгу!
Не напрасно тебѣ я твержу каждый разъ—
Быть женою твоей я готова сейчасъ,
Быть любовницей я не могу».

— «Ладно!.. Что-жъ!.. подожду!..» — «Подождешь ты чего?»
— «Догадайся сама! Ждать могу одного:
Мало, что-ли, болѣзней лихихъ.
Да и случай бываетъ счастливый подчасъ;
Можетъ быть, мимоходомъ коснется и насъ—
Смерть уноситъ и женъ молодыхъ».

— «Замолчи! Если этого будешь ты ждать,
Будешь смерти ея ты невольно желать,

Станетъ страшно на сердцѣ твоемъ.
О, забудь ты меня! Разлюби поскорѣй!
Возвращайся къ женѣ, примирися ты съ ней
И живите въ законѣ вдвоемъ».

— «Сима! ангелъ! пойми!..»—«Не хочу понимать!
Не хочу такихъ думъ и желаній я знать!
На обманъ да на грѣхъ не мани!
О душѣ своей грѣшной подумай сперва.
Страшны рѣчи твои и безумны слова,
Не добру поучаютъ они».

— «Слушай, Сима, бѣжимъ!» — «Что?» — «Бѣжимъ далекò»...
— «Перестань!»—«Почему? Мнѣ устроить легко
Нашъ побѣгъ... Въ дальнемъ краѣ, вдвоемъ...
— «Не смущай!.. Убѣжитъ всюду совѣсть со мной.
Отъ нея никуда не уйду я съ тобой,
Съ нею-жъ счастья нигдѣ не найдемъ".

— «Что-же дѣлать? Молчишь? Знать, не любишь меня!
Лишь упреки одни слышу я отъ тебя.
Да совѣты съ женою дружить».
— «Не люблю? Охъ, родной! Если-бъ могъ заглянуть
Ты мнѣ въ душу мою, если-бъ могъ хоть взглянуть
Что на сердцѣ—не сталъ-бы корить.

Иль не хочешь понять? Не могу... не вольна!
Такъ любить для меня только пытка одна,

Я тебя и себя изведу.
О, повѣрь, дорогой! ты погибнешь со мной.
Оставайся-жъ въ семьѣ, хоть съ немилой женой,
Да съ дѣтьми—будь хоть съ ними въ ладу».

— «Слушай, Сима! съ тобой толковать мудрено.
Безъ тебя-же что жить, что не жить, все равно,
Я вѣдь только тобой дорожу!
Безъ тебя не цѣнна на плечахъ голова,
И тебѣ, на твои поученья-слова,
Вотъ что я напослѣдокъ скажу.

Князь-изгой Бориславъ, чрезъ своихъ молодцовъ,
Набираетъ отрядъ изъ бывалыхъ бойцовъ,
Замышляетъ набѣгъ на Литву.
То набѣгъ удалой, до безумія смѣлъ.
Знаешь, храбрыхъ какой въ жаркомъ боѣ удѣлъ?
Знаешь ты, въ чемъ предѣлъ удальству?

Ну... зовутъ и меня».—«Ты уѣдешь?»—«О, нѣтъ!
Я сказалъ, что на дняхъ имъ пришлю свой отвѣтъ.
Вотъ теперь и рѣши, выбирай!
Иль бѣжимъ—или завтра съ разсвѣтной зарей
Я уѣду тайкомъ въ тотъ отрядъ удалой,
И тогда ужъ на вѣки прощай!

Несогласна? Молчишь?» Задрожала она,
Заслезились глаза, и горитъ, и блѣдна,

И рукою схватилась за грудь;
Сердцемъ рвется къ нему, но безмолвно стоитъ;
Въ жилахъ льется огонь, а сама вся дрожитъ,
Притаилась, боится взглянуть.

— «Несогласна?»—«Нельзя!.. пощади!.. не должна!..»
И къ нему уже было рванулась она,
Онъ схватилъ ее страстной рукой—
Но скользнула змѣей, отскочила къ кустамъ,
Ухватилась за стволъ ближней ясени тамъ
И припала къ нему головой.

— «Несогласна— прощай! Это что за любовь!
Это пытка и впрямь. Не увидимся вновь
Мы съ тобой!» Онъ вскочилъ на коня.
— «Буду помнить я вѣкъ нерѣшимость твою...
Коль дойдетъ къ тебѣ вѣсть, что я сгинулъ въ бою,
Помолись хоть тогда за меня».

Конь рванулся впередъ. Онъ его придержалъ,
Повернулся въ сѣдлѣ и томительно ждалъ.
— «Уѣзжать?..» Но молчала она.
Въ сердцѣ слезы лились; но ни слова въ отвѣтъ
Не сказали уста на послѣдній привѣтъ;
Онѣмѣла—любовью полна.

— «Коль не хочешь—прощай!» И махнувши рукой,
Онъ помчался, какъ вихрь, по дорогѣ лѣсной,

Конскій топотъ затихнулъ вдали...
Лишь тогда съ тяжкимъ стономъ вздохнула она
И, припавши къ землѣ, оставаясь одна,
Зарыдала рыданьемъ любви.

Притаились кусты. Восходила луна.
На сырую траву тѣнь безшумно легла
Отъ слегка трепетавшихъ вѣтвей.
Надъ уснувшей землей поднималась роса,
Уносилась она далеко въ небеса—
И въ саду вдругъ запѣлъ соловей.

2.

Монастырь. Божій храмъ. Рядъ монахинь стоитъ.
Словно въ праздникъ соборъ весь огнями горитъ,
Совершаютъ тяжелый обрядъ.
Говоритъ іерей отреченья слова;
Передъ нимъ Серафимы склонилась глава.
Какъ печаленъ страдальческій взглядъ.

И звучатъ тѣ слова, какъ судьбы приговоръ;
Покаянной молитвой отвѣтствуетъ хоръ,
Мукой ада страшатъ впереди.
Отпѣваютъ ее, какъ въ гробу мертвеца,
Погребаютъ живьемъ—умирай безъ конца,
Хотя сердце такъ бьется въ груди!

Совершилось... конецъ. Удалилися всѣ,
И потухли огни, и среди тишины,
Въ безотрадной, могильной тоскѣ,
Оставалась она въ Божьемъ храмѣ одна,
Отъ загробныхъ молитвъ страхомъ смерти полна,
Со свѣчой, догоравшей въ рукѣ.

Будетъ памятенъ ей отреченія день...
Вдругъ въ окнѣ показалась знакомая тѣнь.
— «Серафима!»—«То онъ?... близъ меня?
Не убитый... живой!.. Этотъ обликъ родной;
Этотъ голосъ донынѣ мнѣ столь дорогой...»
— «Серафима! взгляни—это я!»

«Серафима, узнай...»—«Серафимы здѣсь нѣтъ.
Здѣсь Сусанна сестра. Добровольно обѣтъ
Я сегодня предъ Богомъ дала...»
— «Добровольно свободу на смерть промѣнять?!
Не съумѣла терпѣть, не могла подождать,
Знать забыла меня?»—«Я ждала...

Мнѣ сказали, что ты въ жаркой сѣчѣ убитъ
И въ далекой землѣ безъ молитвы зарытъ—
Божій міръ для меня сталъ пустырь.
И вѣрна твоей просьбѣ осталася я,
Твоей просьбѣ послѣдней, Демьянъ—за тебя
Я молиться пошла въ монастырь».

— «Серафима, голубка! Да знаешь-ли ты—
Исполнялись завѣтныя наши мечты,

Долетала до неба мольба;
Былъ въ плѣну... убѣжалъ... Я свободенъ! Повѣрь!
Ты могла бы со мной повѣнчаться теперь!
Улыбалась намъ въ жизни судьба.

Лишь узналъ—какъ безумный къ тебѣ поскакалъ,
Трехъ коней дорогихъ, понукая, загналъ,
Я свободнымъ явился сюда!
Нѣтъ жены!.. умерла!.. Ты могла быть моя!...»
— «Умерла, говоришь?» — «Да, родная!» — «И я...
Умерла... для тебя... навсегда ..»

И вздохнула она, и съ нѣмою мольбой
Вдругъ склонилася ницъ предъ иконой святой,
И слезой затуманился взглядъ;
И дрожала рука... капалъ воскъ со свѣчи—
И горячіе лѣтняго солнца лучи
Озаряли печальный нарядъ.

И шептала она:—«пощади... уходи...»
Разгоралось лицо... сердце сжалось въ груди...
Страшной скорби и муки полна,
Изнывая душой отъ ужасной борьбы,
Вся въ слезахъ, вся дрожа подъ ударомъ судьбы,
Умирала для міра она.

Вѣчевой звонарь.

Сильный, жгучій морозъ. Звѣзды ярко горятъ.
На церквахъ купола серебристо блестятъ
Отъ сіяющей въ небѣ луны.
Снѣгъ скрипитъ подъ ступней. Ледъ трещитъ на рѣкѣ.
Бѣлой ризой одѣтъ, дремлетъ лѣсъ вдалекѣ
Надъ ковромъ снѣговой пелены.

Спитъ въ Москвѣ, утомясь, потрудившійся людъ,
Спитъ спокойно въ теплѣ, кто имѣетъ пріютъ,
И въ державномъ Кремлѣ тишина.
Близко къ по́лночи. Стражи не видно. Порой
Раздается собакъ голодающихъ вой;
Словно плачетъ въ оврагѣ одна.

Изъ сторожки кривой, прикурнувшей къ стѣнѣ,
Что отъ Спасскихъ воротъ протянулась къ рѣкѣ,
Вышелъ старецъ сѣдой. Какъ огонь
Его воздухъ обжегъ. Онъ закашлялъ, вздохнулъ,
Осѣнилъ себя знаменьемъ крестнымъ, вздрогну́лъ
И поплелся, какъ спутанный конь.

Онъ, шатаясь, шелъ. Съ обнаженной главой,
Ростомъ малъ, неказистъ, исхудалый, больной;
Мутенъ былъ лихорадочный взглядъ.
Некрасно́ его было земное житье;
Зипунишка плохой, да гнилое тряпье
И дырявые лапти нарядъ.

Въ эту ночь, когда мерзло у птицы крыло,
Когда стужа гнала всѣхъ подъ кровъ и въ тепло,
Пробирался онъ къ башнѣ одной.
То чужакъ на Москвѣ; но во градѣ родномъ
Всѣмъ извѣстный давно и любимый притомъ
Новгородскій звонарь вѣчевой.

Онъ былъ глухъ отъ рожденья и нѣмъ. Ничего
Не слыхалъ онъ всю жизнь, и для слуха его
Только звонъ былъ доступенъ едва.
Достигая, какъ всплескъ отдаленной волны,
Звуки тѣ для него были смысла полны,
Мягки, нѣжны, какъ ласки слова.

Сколько лѣтъ еще малымъ дитей-сиротой
Жадно слушалъ онъ звоны Софіи Святой,
Понимая ихъ звучную рѣчь,
Когда въ стужу и въ зной, безъ угла, одинокъ,
Онъ влачилъ свою жалкую жизнь, какъ щенокъ.
Его некому было беречь.

Наконецъ, его, сжалясь, къ себѣ пріютилъ
Вѣчевой пономарь. Иногда хоть и билъ

По суровости онъ сироту,
Но за то и кормилъ и, какъ могъ, одѣвалъ,
И въ обиду сильнѣйшимъ его не давалъ—
Самъ онъ въ юности зналъ нищету.

Умеръ старый звонарь—и помощникъ его
Снова сталъ одинокъ и лишился всего.
Зная участь калѣкъ-горемыкъ,
Жарко Богу молясь, ждалъ томительно онъ,
Что-то станется съ нимъ? не прогонятъ-ли вонъ?
Нѣтъ, оставили—знаетъ, привыкъ.

Съ той поры сталъ онъ жизни своей господинъ;
Сытъ всегда и одѣтъ и къ тому-жъ не одинъ,
Неразлучно былъ другъ дорогой.
Для него, въ безотрадно-нѣмой тишинѣ,
Другомъ, братомъ, семьей на родной сторонѣ.
Всѣмъ—былъ колоколъ тотъ вѣчевой!

Сорокъ лѣтъ онъ звонилъ въ этотъ вѣстникъ побѣдъ,
Въ этотъ вѣстникъ и славы, и силы, и бѣдъ;
Его служба почетна была.
Сорокъ лѣтъ его колоколъ этотъ ласкалъ,
Сорокъ лѣтъ онъ одинъ лишь его понималъ,
Сорокъ лѣтъ—въ нихъ вся жизнь протекла.

Но настали, исполнены скорби, года,
Когда грянула, долго сбираясь, бѣда,

Когда царства скрѣпляя бытье,
Безпощадный Москвы самодержецъ крутой
Съ Новгородской свободой вязавшися въ бой,
Погубилъ ихъ былое житье.

Помнитъ, помнитъ звонарь, какъ къ нимъ врагъ
подходилъ;
Какъ въ послѣдніе дни онъ печально звонилъ;
Какъ на вѣче посланцы пришли.
Одолѣли... замолкъ... сгибло все!.. добралйсь
И до друга его, съ башни сбросили внизъ
И на дровняхъ въ Москву повезли.

Не хотѣлъ и не могъ разлучиться онъ съ нимъ,
Съ кѣмъ прожйлъ онъ всю жизнь, съ вѣрнымъ другомъ
своимъ,
Отъ кого только слышалъ привѣтъ.
Новгородскую скорбь испытавъ на себѣ,
Не покинулъ онъ друга въ печальной судьбѣ,
И поплелся за нимъ онъ во-слѣдъ.

Съ плачемъ городъ свой колоколъ въ путь провожалъ.
Чуялъ вольный народъ, что конецъ съ нимъ насталъ,
Что свободу онъ ихъ увозилъ.
Шелъ печально звонарь, за дровнями спѣша;
Вдругъ торговецъ одинъ—человѣчья душа—
Съ своихъ плечъ его шубой укрылъ.

Путь тяжелый то былъ. Вьюги, дождь и морозъ.
Истомился старикъ, чуть совсѣмъ не замерзъ—

Шубу приставъ за городомъ снялъ.
И за то звонарю за дровнями идти
Не чинилъ онъ препонъ, и порою въ пути
Даже хлѣба объѣдки давалъ.

Добрался до Москвы. Съ жгучей болью въ душѣ
Видѣлъ старый звонарь, хоронясь въ шалашѣ,
Какъ глумились надъ другомъ его;
Какъ повѣсили съ бранью на башнѣ Кремля.
Участь друга душою и сердцемъ дѣля,
Онъ не въ силахъ былъ жить безъ него.

Днемъ на папертяхъ онъ подаянія ждалъ,
Отъ родныхъ новгородцевъ-изгнанниковъ бралъ,
Отъ московскихъ людей никогда!
Голодая, томясь, не имѣлъ онъ угла.
Для него мать-земля и постелью была,
Онъ на ней ночевалъ—и всегда

У подножья стѣны, гдѣ висѣлъ его другъ,
Безъ защиты отъ снѣга, дождей и отъ вьюгъ,
Отъ ютящихся ночью воронъ,
У рѣшетки сквозной, гдѣ на башню былъ входъ,
И дозорный его не тревожилъ обходъ—
Для убогихъ былъ милостивъ онъ.

Вновь настала зима и сурова была.
Стала жизнь старика свыше силъ тяжела,

Разнедужился онъ, занемогъ;
Десять сутокъ въ бреду онъ въ сторожкѣ лежалъ.
Добрый сторожъ-землякъ въ ней пріютъ ему далъ,
Раздѣлялъ съ нимъ и хлѣба кусокъ.

Полегчало. Очнулся худой, какъ мертвецъ,
И почуявъ, что близокъ ужъ смертный конецъ,
Что растаяли силы, какъ снѣгъ—
Передъ тѣмъ какъ покончить съ удѣломъ земнымъ,
Захотѣлось ему съ вѣрнымъ другомъ своимъ
Въ разъ послѣдній проститься на вѣкъ.

Онъ съ трудомъ по сугробамъ неровнымъ шагалъ
И хватаясь за грудь, какъ подъ ношей дышалъ,
Широко́ раскрывая уста;
Вдругъ споткнулся—скользнулъ о замерзшій песокъ,
И упалъ, и подняться ужъ больше не могъ,
И поползъ. Дверь была отперта.

По намерзшимъ ступенямъ, срываясь, спѣша,
До площадки добрался звонарь, чуть дыша,
Обезсилѣлъ, глядѣть только могъ.
Тамъ подъ крышей висѣлъ его изгнанный другъ,
Безъ веревки языкъ, грязь и зелень вокругъ—
Былой славы умолкшій пророкъ.

Кто сзывалъ новгородцевъ родную семью,
Въ многолѣтнюю звонкую службу свою,

И на вѣче, и въ воинскій путь;
Чей по Волхову звонъ далеко долеталъ
И будилъ, и живилъ, и отвагу вселялъ
Въ новгородскую вольную грудь!

Съ величайшимъ усильемъ поднялся старикъ.
Изъ хрипѣвшей груди слабый вырвался крикъ—
Онъ опальнаго друга обнять
Захотѣлъ всѣмъ остаткомъ живительныхъ силъ,
Ухватился за край и кого такъ любилъ,
Сталъ съ рыданьемъ нѣмымъ лобызать.

А морозъ все крѣпчалъ. Мѣдь примерзла къ рукѣ;
Застывала слеза на бѣлѣвшей щекѣ;
Прерывалось дыханье почти.
Страшный холодъ его до костей донималъ,
Ледянилъ его кровь—и тогда онъ сознялъ,
Что живымъ ужъ ему не сойти.

Смерть объяла!.. Звонарь головою поникъ.
Ухватился рукой за желѣзный языкъ,
Сорвался—и, лишившися силъ,
Безъ сознанья, безъ воли, какъ скошенный снопъ,
Онъ упалъ на наметанный снѣгомъ сугробъ,
Застоналъ—и на вѣки застылъ.

И качнувшись языкъ отъ руки старика,
Мѣрно къ мѣди родной прикоснулся слегка,

И молчанье ея разбудилъ—
И раздался ударъ, и томительный звукъ,
Словно стонъ отъ годами скрываемыхъ мукъ,
Всю окрестность собой огласилъ.

Вздро́гнулъ вершникъ у входныхъ дверей во дворцѣ,
И дозорный стрѣлецъ на приказномъ крыльцѣ,
И во снѣ содрогнулся Иванъ.
Сонъ тяжелый въ ту ночь снился долго ему,
Что всю Русь заключалъ онъ въ глухую тюрьму,
Возвышая свой царственный санъ.

И понесся тотъ звонъ средь ночной тишины
По воздушнымъ волнамъ, полный грезъ старины,
До Софіи Святой долетѣлъ,
Гдѣ недавно еще, полный мощи былой,
Какъ отъ предковъ свободныхъ завѣтъ вѣковой,
Вольный колоколъ гордо звенѣлъ;

Гдѣ лишь горе царило, средь снѣжныхъ могилъ,
Съ той поры, какъ державный хитрецъ обратилъ
Вольный городъ въ глухую тюрьму—
Тамъ другой, въ Новгородскомъ Кремлѣ вѣчевой,
Старшій братъ и по вѣщему звону родной,
Самъ собою отвѣтилъ ему.

Мѣрный, звонкій ударъ разбудилъ горожанъ,
Еще полныхъ скорбей отъ испытанныхъ ранъ.

Озираясь со страхомъ кругомъ,
Напрягая свой слухъ, они ждали, крестясь,
Не вернулась-ли снова былая напасть?
Не набатъ-ли? не новый погромъ?

— «О, спаси насъ Христосъ!.. Неужели опять?..
Защити насъ Софіи Святой благодать!..
Не вторится... не слышно... затихъ».
Еще памятны имъ пережитые дни—
И молитвою тѣхъ помянули они,
Кто палъ жертвой порядковъ иныхъ.

Кто за волю земли, за устой вѣковой,
Когда гибнулъ въ крови обиходъ вѣчевой,
Свою голову честно сложилъ;
Для кого бѣлый свѣтъ, хоть во градѣ родномъ,
Но подъ чуждымъ, навязаннымъ силой ярмомъ,
Безъ свободы не любъ и не милъ! *)

*) Вѣчевой колоколъ былъ повѣшенъ въ Московскомъ Кремлѣ въ настѣнномъ шатрѣ или полубашнѣ, вправо отъ Спасскихъ воротъ, куда входили русскіе цари послѣ коронованія показаться народу, собиравшемуся на Красной площади. Въ 1583 году онъ былъ перелитъ и сдѣланъ московскимъ набатнымъ или всполошнымъ колоколомъ; но въ 1681 году за то, что звономъ своимъ въ полночь испугалъ царя Ѳедора Алексѣевича, былъ сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь (въ 34-хъ верстахъ отъ Архангельска) въ которомъ погребены два сына Марѳы посадницы, утонувшіе въ Бѣломъ морѣ.

Царица Марья Долгорукая.

Повѣнчали. Весь свадебный чинъ соблюдая, какъ встарь,
Самодержецъ Руси́, ея первый и памятный царь,
Отпустивъ поѣзжанъ, одаривъ ихъ богато казной,
Удалился въ сѣнникъ ночевать съ молодою женой,
На пухову постель, съ кадью полной пшена въ голо-
вахъ,
Среди воткнутыхъ стрѣлъ съ сорока соболями въ
углахъ.
Тишина во дворцѣ, тишина и повсюду извнѣ.
Съ обнаженною саблей конюшій на царскомъ конѣ
Объѣзжаетъ дворецъ, смотритъ—нѣтъ-ли измѣны какой.
Спитъ Малюта въ сѣняхъ, охраняючи царскій покой.
Вдругъ раздался ударъ—отскочила и хлопнула дверь!
Какъ хозяинъ крутой иль сорвавшійся бѣшеный звѣрь,
Вышелъ Грозный. На немъ сверхъ рубахи кафтанъ.
Онъ, шатаяся, шелъ, хотя былъ и здоровъ, и не пьянъ.
На столѣ стоялъ кубокъ съ виномъ; царь глотнулъ—
И ногою Малюту, какъ пса, онъ со злобой толкнулъ.

Тотъ вскочилъ, ошалѣвъ, и съ хмѣльною еще головой
Взоръ вперилъ на царя; онъ привыкъ уже къ ласкѣ такой.
— «Отправляйся сейчасъ на конюшенный дворъ и вели,
«Чтобы пару лихихъ, самыхъ буйныхъ коней запрягли
«Въ колымагу, въ которой я ѣхалъ сегодня къ вѣнцу;
«Но ея подавать чтобъ не смѣли сюда, ко дворцу!
«А поставь ее тамъ, за оврагъ, по дорогѣ къ пруду—
«И держать тѣхъ коней подъ уздцы, пока я не приду.
«Самыхъ буйныхъ, смотри! коль не сдержатъ, такъ я не стерплю,
«Ротозѣевъ дрянныхъ головами свиней накормлю!»

* * *

Для царицы Руси, для супруги царя молодой
День расплаты пришелъ за порывъ для нея роковой.
Страшный часъ наступилъ, и никто ужъ не могъ ей помочь,
И ждала ее смерть въ ея первую брачную ночь!
Вмѣсто мужней любви, вмѣсто сладостныхъ брачныхъ утѣхъ,
Страшной казнью пришлось искупить ей свой дѣвичій грѣхъ.
На полу, босикомъ, лишь въ сорочкѣ вѣнчальной одной,
Съ разметавшейся вдоль ея плечъ темнорусой косой,
Закрывая рукой свои чудныя очи, она
И дрожала, и билась, смятенья и страха полна!

Не какъ мужъ, а судья, полный страшныхъ кровавыхъ
угрозъ,
Царь стоялъ передъ ней и чинилъ ей свой властный
допросъ.
Страшенъ былъ тотъ допросъ—испугалась царица-жена
И съ рыданьемъ царю разсказала всю правду она.

* * *

Разсвѣло. На дорогѣ предъ царскимъ дворцовымъ
прудомъ
Пару дикихъ коней, въ колымагу впряженныхъ съ
трудомъ,
Рой опричниковъ рослыхъ въ смятеньи великомъ дер-
жалъ.
Кони бились — одинъ, словно пойманный звѣрь, весь
дрожалъ.
Хорошо былъ извѣстенъ тотъ прудъ: сотни сгублен-
ныхъ тѣлъ,
Послѣ дьявольскихъ мукъ, находили въ немъ смерт-
ный удѣлъ!
Въ немъ отборная рыба была, и жирна, и вкусна,
И частенько Ивану къ столу подавалась она.

* * *

Изъ дворца вышелъ царь, злобой ярой и местью
палимъ;
Страшный посохъ въ рукахъ, хищный взглядъ, волчья
поступь—за нимъ

Молодую царицу подъ ручки двѣ мамы вели,
И съ трудомъ она шла, образокъ прижимая къ груди;
Въ полномъ брачномъ нарядѣ, блѣдна, ни кровинки
въ лицѣ,
Лишь въ очахъ проблескъ мысли о страшномъ и близ-
комъ концѣ.
Подошли... Обернулся Иванъ—говорить онъ не могъ—
Изъ запекшихся устъ лишь раздался позорный упрекъ;
Съ страшной злобой взглянувъ на жену и взмахнувши
рукой,
Онъ сорвалъ съ нея кику съ покровомъ вѣнчальнымъ
долой!
Задрожала царица, какъ листъ; то не боли боязнь—
Ей позоръ площадной тяжелѣе, чѣмъ лютая казнь.
Какъ змѣя опустилась коса, извиваясь межъ плечъ.
Уже некому ей ту роскошную косу беречь.
— «Ну, входи!»—Отворили ей дверцы; покорно она
Въ колымагу вошла и поникла главой у окна.
Кони бились, храпя, озираясь пугливо кругомъ;
Ихъ опричники держатъ на мѣстѣ съ великимъ тру-
домъ.
— «Отпускай!»—Отскочили!... Рванулись они, понес-
лись—
И быстрѣе стрѣлы въ одинъ мигъ до пруда донеслись,
Не замѣтивъ обрыва, стремглавъ очутились въ водѣ
И исчезли совсѣмъ съ колымагой въ глубокомъ прудѣ.
Страшный крикъ за обрывомъ раздался и смолкъ—
лишь прибой
Отъ волненья воды ударялся о берегъ крутой.

* * *

Всѣ молчали... Никто этой казни внезапной не ждалъ.
Царь Иванъ, опираясь на посохъ, угрюмый стоялъ.
— «Эй, Грязной! отправляйся не медля въ Рязань и въ пути
«Ни мгновенья не мѣшкай напрасно, какъ птица лети!
«Средь боярскихъ дѣтей отыщи Салтыкова Илью;
«Онъ, я помню, въ Литвѣ отличался отвагой въ бою.
«Передай, что за то, что красивъ онъ, и молодъ, и смѣлъ,
«И со мной породниться черезъ дѣвку-гулену хотѣлъ,
«Я его отличаю и даромъ почетнымъ дарю—
«Этотъ ножъ, что при мнѣ, я въ награду ему отдаю.
«Только ты постарайся, получше ему угоди—
«Прямо въ сердце его этотъ ножъ ты съ размаха всади!» *)

*) Марья Долгорукая была четвертой женой Ивана Грознаго. Въ память событія съ нею царь велѣлъ провести черныя полосы на позолоченномъ куполѣ церкви въ Александровской слободѣ, гдѣ онъ жилъ, окруженный опричниками.

Набѣгъ Стеньки Разина *).

Разинъ (къ казакамъ).

Слушай меня, голытьба,
Разудалые, вольный народъ!
Было время и время недавнее,
Какъ у насъ на Дону было весело,
По домамъ проживать было некогда!
Съ басурманами мы потѣшалися,
Отъ проклятыхъ казной разживалися,
Величалися мы нашей славою,
И дивилися всѣ нашимъ подвигамъ.
А теперь времена измѣнилися;
Нѣтъ у насъ вожаковъ, нѣтъ и волюшки!
Атаманы у насъ съ эсаулами
Разжирѣли, какъ свиньи, отъ лѣности,
Поглупѣли, какъ бабы, отъ старости,
Какъ жиды занялйся торговлею,
Сами сыты, а намъ, голытьбѣ,

*) Отрывокъ изъ драматической хроники.

Не даютъ удалы́мъ позабавиться.
Нѣтъ, не то казакомъ называется!
Тотъ казакъ, кто съ избою не знается
И съ конемъ, пока живъ, не разстанется!
Казаку изба—поле чистое!
Казаку жена — сабля острая!
Казаку торговать не товарами,
А лихимъ мечемъ, алой кровію!
Что добудетъ войной, тѣмъ и кормится;
А пропьетъ до-гола, не заботится:
Соберетъ удалыхъ, соберется и самъ
И добудетъ добра, сколько надобно.
Безъ кровавой потѣхи и жизнь не красна,
Отъ бездѣлья—хвороба заводится,
А въ болѣсти лихой, да въ поганой избѣ
Казаку умирать не приходится!
Такъ ли, братцы?

ГОЛОСА.

Такъ, такъ атаманъ!
Что ихъ слушать! Идемъ на татаръ!
На татаръ! Удержать не посмѣютъ!

Разинъ.

Стой! Ни съ мѣста! И слушай меня!
Я хотѣлъ васъ вести на татаръ.
Я вчера говорилъ атаману,
Что запала казацкая слава,
Даромъ гибнутъ могучія силы,

И просилъ отпустить молодцовъ
Погулять, раздобыться товаромъ.
Старый дьяволъ меня не послушалъ,
Заказалъ мнѣ объ этомъ и думать;
А чтобъ мы не удрали тайкомъ,
Онъ разставилъ повсюду кордоны.
Ну да я не глупѣе его:
Не велятъ и безъ нихъ обойдемся!
Кто со мной, тотъ дорогу найдетъ.
Бѣлый свѣтъ вѣдь не клиномъ сошелся!
Пусть они стерегутъ насъ внизу;
Мы на Волгу рѣку проберемся,
Поживемъ, попируемъ безъ зва,
И назадъ безъ нужды не вернемся!
Такъ ли, братцы?

ГОЛОСА.

Такъ, такъ атаманъ!

РАЗИНЪ.

Коли такъ, то садись на струга!
Мѣста хватитъ для всѣхъ, не копайся!
Помолись—и съ родною землею
По обычью съ поклономъ простись!

(Толпа бросается къ стругамъ и разсаживается).

ГОЛОСА.

Всѣ съ тобой атаманъ! Не оставь!
Вотъ такъ слово! На Волгу, на Волгу!
Потѣснись молодцы! Поживѣй!

Разинъ.

(Беретъ комъ земли, цѣлуетъ его, завертываетъ въ тряпку и кладетъ за пазуху).

Прости, кормилица, спасибо за добро!
Придется-ли увидѣться, родная? (Задумывается.)
Гдѣ суждено, тамъ каждый смерть найдетъ.
И можетъ быть, въ далекой сторонѣ,
Въ глухой степи, иль на глубокомъ днѣ
Твой вольный сынъ могильнымъ сномъ заснетъ.
(Къ казакамъ).
Всѣ-ль на мѣстахъ? (Садится на передовой стругъ.)

ГОЛОСА.

Готовы!

Разинъ.

Трогай разомъ!
Отчаливай дружнѣй! Не отставать!
И бейся на смерть съ тѣми, кто посмѣетъ
Степана Разина на Волгу не пускать!

Боярыня Морозова.

Дальній Боровскъ. Въ тюрьмѣ непроглядной,
Отсырѣлой и промзглой насквозь,
Среди тьмы, тишины безотрадной
Свою жизнь доживать ей пришлось.

Вся въ оковахъ; прикована цѣпью
Къ оплѣснѣвшей и смрадной стѣнѣ;
На обрубокъ тяжелый склонилась
Въ забытьи, не въ живительномъ снѣ.

Тяжело ей! Истерзана пыткой,
Спалена безпощадно огнемъ;
Ноютъ кости; опухшее тѣло
Въ страшныхъ язвахъ сгниваетъ живьемъ.

Ужъ съ трудомъ поднимаются руки,
Ихъ на дыбѣ тянули не разъ;
Не погасъ только взоръ вдохновенный
Ея черныхъ властительныхъ глазъ.

Не ослабъ только онъ отъ страданій
Среди вѣчной, губительной тьмы.
Точитъ быстро послѣднія силы
Смрадный воздухъ холодной тюрьмы.

Было время—въ довольствѣ и холѣ
Матерой, родовитой вдовой
Она правила домомъ по волѣ,
Всѣмъ примѣръ подавая собой.

Всѣхъ привѣтомъ любви согрѣвая,
Благочестна, правдива, щедра,
Бѣдняковъ и сиротъ призрѣвая,
Не жалѣла земного добра.

И убогій, и странникъ прохожій
Былъ участьемъ радушнымъ согрѣтъ;
Принимала охотно людъ Божій,
Соблюдая Господній завѣтъ.

Что же съ нею случилось такое?
Отчего, среди пытокъ и мукъ,
Отъ нея отшатнулось былое,
И вся жизнь измѣнилася вдругъ?

И влачитъ она долгіе годы
Въ подземельѣ, какъ пойманный звѣрь?
Отчего?... Загремѣли запоры,
Заскрипѣла тяжелая дверь.

«Кто идетъ не въ урочное время?
Не казнить-ли? Внуши имъ Господь!
Снимутъ разомъ тяжелое бремя,
Успокоятъ гнетущую плоть».

Засверкали огни по темницѣ,
И забѣгала тѣнь по стѣнамъ,
Въ теплой шубѣ и въ шапкѣ горлатной
Воеводa пожаловалъ самъ.

Ослѣпилъ ее свѣтъ среди ночи,
Ѣлъ глаза разъѣдающій дымъ,
И невольно могучія очи
Опустила она передъ нимъ.

— «Какъ здоровьемъ, боярыня, будешь?
Все-ли тяжко гордынѣ твоей?
Аль стерпѣлась совсѣмъ, попривыкла,
Покорилася долѣ своей?»

— «Не глумись, воевода, надъ горемъ!
Иль шутиху во мнѣ ты нашелъ,
Что, моря въ этой ямѣ холодной,
О здоровьѣ справляться пришелъ».

— «Не глумиться пришелъ я, чуднàя!
А жалѣя тебя, говорю.
И тебѣ будетъ радость большая,
Коль смиришь ты гордыню свою.

«Я пришелъ къ тебѣ съ доброю вѣстью.
Я свободу съ собою несу.
Говорить съ тобой буду я честью,
Твою жизнь и здоровье спасу.

«Государь нашъ великій и славный,
Нашъ отецъ, въ милосердьи своемъ,
Все не вѣритъ въ твою закоснѣлость,
Все скорбитъ о безумьѣ твоемъ;

«И карая твое ослушанье,
Все не хочетъ въ конецъ позабыть—
Помня мужа заслуги, старанье,
Свою милость велѣлъ объявить.

«Вотъ что... Слушай!... Не трудное дѣло!
Отъ гордыни своей отрекись,
Отжени ты свое супротивство
И духовнымъ властямъ покорись.

«И забудетъ твою непокорность,
И проститъ тебѣ царь всѣ вины,
Возвратитъ и почетъ, и богатство,
Одаритъ изъ царевой казны».

— «Ишь, какъ добръ! Искалѣчилъ на дыбѣ,
Сжегъ все тѣло ужаснымъ огнемъ;
Какъ собаку на цѣпи тяжелой
Держитъ въ ямѣ и ночью, и днемъ.

«А теперь вдругъ задумалъ иное:
Вспомнилъ мужа заслуги и шлетъ
За смиренье—приволье былое,
И сулитъ мнѣ минувшій почетъ.

«Вѣрно, самъ занедужилъ; иль горе
Приключилось какое въ семьѣ;
Жаждетъ милость и помощь отъ Бога,
Хочетъ милость явить и ко мнѣ...»

— «Замолчи! Не накликивай бѣды
На царя, на цареву семью!
Неужéли ни пытки, ни муки
Не смирили гордыню твою?

— «Покорися. Смирись хоть наружно,
Чтобъ прощенье царя получить,
И молися во храмѣ, какъ нужно—
Не тебѣ патріарха учить.

У себя же молися, какъ хочешь.
Вѣдь въ моленной домашней къ тебѣ
Не приставятъ стрѣльца, чтобъ слѣдилъ онъ,
Какъ ты пальцы слагаешь въ мольбѣ.

— «Ай, хорошъ ты, царевъ воевода!
Чему учишь? Учи такъ ребятъ!
А меня не смутишь. Коль порода
Въ тебѣ лисья, коль душу ты радъ

«Выворачивать всю наизнанку
Для прибытка, на зло и обманъ—
Не вступать-же съ тобой въ перебранку.
Твоя вѣра—набитый карманъ!

«Но отвѣтъ тебѣ нуженъ. Такъ слушай!
Передай и попамъ, и царю,
И себѣ въ назиданье послушай,
Хотя я не тебѣ говорю.

«Я царя не противница власти,
Я раба, я холопка его;
Все возьми!—но свободу молиться
Мнѣ оставь, не касайся сего!

«Не касайся святыни завѣтной,
Не дерзай быть указнымъ чтецомъ
Въ свѣтлый часъ благодатной молитвы,
Въ часъ блаженный сліянья съ Творцомъ!

«Не касайся! Всѣ прошлыя муки,
Эти язвы, оковы, тюрьма—
Все мнѣ дорого! Въ властныя руки
Я навстрѣчу пошла имъ сама.

«Я отдамъ всѣ остатныя силы;
Я готова еще претерпѣть;
Я готова страдать до могилы!
Нестерпимое буду терпѣть!

Истощай всѣ запасы мученья,
Очи, слухъ, все во мнѣ заглуши—
Но не жди отъ меня отреченья
Отъ свободы моленья души!

Покрывай меня всякимъ позоромъ,
Дѣлай жертвой иль вьючной рабой,
Но не смѣй становиться дозоромъ
Между Господомъ-Богомъ и мной!»

— «Эхъ, блажная! толкуешь какъ странно.
Съ чего прать тебѣ противъ рожна?»
— «Да, блажная! Борюсь неустанно
И къ тому же борюсь не одна.

«Ты не знаешь, чему мы такъ рады,
Чѣмъ намъ дороги иглы вѣнца;
Ты не знаешь высокой отрады
Въ томъ, что свято, стоять до конца!

То свобода души! Въ ней величье!
Въ ней и счастье, и жизнь, и восторгъ!
Закатилось бы солнце на вѣки,
Если бъ Богъ ее всюду исторгъ.

«Тамъ, на дыбѣ, палима огнями,
Среди мукъ я ее соблюла;
Тамъ одна, среди васъ кровожадныхъ
Палачей, я свободна была!

«Сила, власть, весь соблазнъ искушенья,
Все на вашей пришлось сторонѣ!
Только волю души во спасенье
Далъ Господь обороною мнѣ.

«И безсильны всѣ ваши затѣи,
И безсильны всѣ пытки земли,
И самъ царь и его архиреи
Одолѣть этотъ даръ не могли.

«Я свободна и здѣсь! Я молюся
Какъ хочу, какъ молилась всегда!
И за сладость подобной молитвы
Не возьму вашихъ благъ никогда!

«Какъ крестили младенцемъ въ купели,
Какъ впервые сложили персты,
Какъ крестила насъ мать въ колыбели,
Отрѣшась отъ дневной суеты—

«Такъ, въ минуту грядущей кончины,
Я сложу изможденную длань
И себя осѣню—и съ молитвой
Онѣмѣетъ на вѣки гортань!..»

Тяжкій кашель прервалъ ея рѣчи,
Оросилися кровью уста,
И замолкла она, и сидѣла
Свѣтомъ факеловъ вся залита.

Всколыхнулись, задвигались тѣни—
Онъ со стражей ушелъ, а она
Опустилась съ трудомъ на колѣни,
Мощной вѣрой и волей полна.

Тяжкимъ гуломъ оковы звучали
И склонялась она до земли,
Ей молиться онѣ не мѣшали
И сковать ея духъ не могли *)

*) Боярыня Ѳедосья Прокофьевна Морозова, урожденная Соковнина, была пострижена въ иночество на дому подъ именемъ Ѳеодоры бывшимъ Тихвинскимъ игуменомъ Досиѳеемъ. За свою приверженность къ старой вѣрѣ она, вмѣстѣ съ сестрою своею княгинею Авдотьей Урусовой, по повелѣнію царя Алексѣя Михаиловича, была подвергнута жестокимъ пыткамъ и заключена въ оковахъ въ Печерскій монастырь въ Москвѣ. Единственный сынъ ея Иванъ умеръ во время ея заключенія. Затѣмъ ихъ отправили въ г. Боровскъ, Калужской губ., гдѣ она умерла въ мрадной подземной тюрьмѣ въ 1672 году. Сестра ея княгиня Урусова умерла немного ранѣе въ той же тюрьмѣ.

Князь Семенъ Пожарскій.

Русскій станъ подъ Конотопомъ
Семь недѣль стоялъ;
Не сдается крѣпкій замокъ,
Неприступенъ валъ.

Взять рѣшилися изморомъ —
Голодъ всѣхъ смиритъ.
Нѣтъ конца переговорамъ.
Гетманъ все хитритъ.

Ждалъ прихода онъ Ногая.
Крымскій ханъ пришелъ—
Помогла имъ тьма ночная —
Къ соннымъ подошелъ

И, нагрянувши внезапно,
Русскихъ поразилъ,
Войско царское побѣдно
Въ пухъ и прахъ разбилъ!

Трубецкой бѣжалъ съ толпами
Ратныхъ бѣглецовъ,
Увлекавшихъ въ суматохѣ
Боевыхъ стрѣльцовъ.

Воевода-же Пожарскій
Не стыдилъ лица,
Не страшась рѣзни татарской.
Бился до конца.

Но сраженный ятаганомъ,
Конь его упалъ,
Придавилъ его собою—
Князь въ полонъ попалъ.

Привели его къ Гирею.
Онъ съ трудомъ дошелъ,
Сожалѣя, что кончины
Въ битвѣ не нашелъ.

Ханъ его привѣтно встрѣтилъ,
Не подвергъ ярму;
Храбрость онъ его замѣтилъ,
Молвилъ такъ ему:

— «Видѣлъ я твою отвагу,
По-сердцу пришлась,
Хоть цѣною дорогою
Нашимъ обошлась.

«Знаю—бьется сердце храбрыхъ
У тебя въ груди;
Ты ко мнѣ, какъ воевода,
Въ службу перейди.

Подчинись смиренно року;
Добровольно, самъ
Поклонися ты пророку
И прими исламъ.

«Награжу тебя я златомъ
И въ Крыму дворцомъ,
Будешь другомъ мнѣ и братомъ,
Я-жъ тебѣ отцомъ».

— «Ишь ты, шутъ! Шалишь, пріятель!
«Будешь мнѣ отцомъ...»
Помянувши его матерь
Вѣдомымъ словцомъ,

Воевода усмѣхнулся,
Къ хану подступилъ,
Харкнулъ прямо по-московски—
Въ очи залѣпилъ.

— «Получи сполна, татаринъ!
Аль не вкусно, ханъ?
Поминай отвѣтъ боярскій
Росписной болванъ!»

Старый ханъ махнулъ рукою—
Саблю обнажилъ
Въ мигъ палачъ и воеводѣ
Голову срубилъ.

И промолвилъ ханъ невольно:
— «Ай да голова!
Лихъ ты былъ на ратномъ дѣлѣ
Лихъ и на слова.

«Жаль его!.. Такихъ немного
Создаетъ Аллахъ;
Что̀ у нихъ кипитъ на сердцѣ,
То и на словахъ.

«Сотни три такихъ отважныхъ
Далъ бы мнѣ пророкъ,
И никто-бъ меня на свѣтѣ
Одолѣть не могъ.

«Превзошелъ-бы Тамерлана,
Былъ-бы далекò—
И Стамбулъ-бы у Султана
Отобралъ легко». *)

*) См. Костомарова: Русская исторія въ жизнеопис. ея главнѣйшихъ дѣятелей. Выпускъ V.

Царь-Миротворецъ.

Морозною ночью, подъ ризою снѣжной
Весь сѣверъ Россіи лежитъ.
Какъ огненный змѣй, по равнинѣ безбрежной
Особенный поѣздъ летитъ.

Въ срединѣ его въ черный трауръ обитый
Высокій, обширный вагонъ,
Гирляндами зелени весь перевитый,
И въ немъ—погребальный амвонъ.

То поѣздъ печальный. Тотъ поѣздъ уноситъ
Съ цвѣтущихъ морскихъ береговъ
На сѣверъ далекій монарха Россіи,
Опору ея и любовь.

Въ дубовомъ гробу, величаво спокойный
Лежитъ его царственный прахъ;
Скрещеныя руки, закрытыя очи,
Безмолвіе смерти въ устахъ.

И свѣтятъ вокругъ погребальныя свѣчи
Мерцающимъ свѣтомъ своимъ.
Неслышно въ вагонѣ обыденной рѣчи;
Въ углу аналой—и предъ нимъ

Стоитъ, окруженный извивомъ покрова,
Склонивши главу, іерей
И мѣрно читаетъ священное слово,
Завѣтъ во спасенье людей.

Монархъ, самодержецъ, владыка полміра
Безгласенъ... въ гробу... недвижимъ...
И прахъ вѣнценосца скрываетъ порфира,
Сіяетъ корона надъ нимъ.

Ты мирно почилъ, побѣждая страданья,
Собравъ предъ кончиной свой родъ
И чуя, какою сердечной молитвой
Молилъ за тебя твой народъ.

Далеко, на югѣ, гдѣ Черное море
Ласкалось у царственныхъ ногъ,
Гдѣ съ Запада гордой минувшей отвагой
Сливался лѣнивый Востокъ,

Въ тиши, окруженный любимой семьею
И смерти не вѣдая страхъ,
Готовъ былъ предстать ты предъ вѣчнымъ Судьею
Съ молитвой на чистыхъ устахъ.

И стоя съ крестомъ предъ страдальческимъ ликомъ,
Тебя осѣнялъ іерей,
Котораго чтитъ глубокò вся Россія
За праведность жизни своей.

Любви безконечной святой проповѣдникъ,
Примѣръ подавая собой,
Онъ былъ благодатный, достойный посредникъ
Межъ Богомъ-Отцомъ и тобой.

И взоръ твой прощальный слезой увлажаясь,
Для жизни иной вдругъ прозрѣлъ,
И духъ твой кристальный во царствіе Бога
На вѣки отъ насъ отлетѣлъ.

Покойся, державный! Ты подвигъ великій
Упорно и твердо свершалъ;
И Богъ, твою чистую душу создавшій,
Въ удѣлъ тебѣ лучшее далъ.

Ты могъ бы однимъ повелительнымъ словомъ
Милльоны людей погубить
И мирныя нивы, и грады, и села
Потоками крови залить.

Но зналъ ты земли кровоносныя бѣды,
И вѣдалъ ты ужасъ войны,
И видѣлъ сраженья, и видѣлъ побѣды,
И зналъ, чего стоятъ они.

Побѣдныя лавры вѣнчали героевъ,
И клики гремѣли во слѣдъ
Счастливцамъ, которые здравы вернулись
Съ полей многократныхъ побѣдъ.

Но сердце твое обливалося кровью,
Когда ты потомъ навѣщалъ
Побѣдныя жертвы и съ кроткой любовью
Слова утѣшенья вѣщалъ.

Ты помнилъ, что̀ связано съ каждою битвой;
Ты помнилъ тѣ страшные дни,
Когда предъ тобою покорно съ молитвой
Въ мученьяхъ кончались они—

Тѣ истые воинской славы герои,
Безвѣстныя жертвы войны,
Которымъ на долю въ объятіяхъ битвы
Лишь муки достались одни!

И чистый твой духъ возмутился отъ крови,
Отъ этихъ страданій и мукъ,
Отъ стоновъ, хрипѣній и вздоховъ предсмертныхъ,
Сливавшихся въ ужаса звукъ!

И тамъ, посреди смертоносныхъ страданій,
Какъ братскаго чувства посолъ,
Ты далъ себѣ клятву быть стражникомъ мира,
Когда ты взойдешь на престолъ.

Что будешь царить ты не славѣ въ угоду,
Не вызовешь ужасъ войны
И дашь своему исполину-народу
Труда благодатные дни.

И солнечный лучъ, возсіявъ благодатно,
Скрѣпилъ твой обѣтный глаголъ,
Когда ты, державный, въ коронѣ, въ порфирѣ
Изъ храма Успенскаго шелъ.

И клятву сдержалъ ты—и зорко на стражѣ
Всеобщаго мира стоялъ,
Какъ ангелъ-хранитель, когда посягатель
Нарушить его угрожалъ.

И знали враги твоей мощной державы,
Что грозно десницей своей
Обрушишь ты мечъ на того, кто для славы
Дерзнетъ воспротивиться ей.

И съ злобой въ душѣ предъ тобой трепетали
Властители, злобу тая;
Но очи народовъ съ надеждой взирали
На мощнаго силой тебя.

Не разъ оскорбленья и мести уколы
И крупныхъ, и мелкихъ враговъ
Смущали твой духъ; ихъ задора глаголы
Гнѣвили державную кровь,

Когда они явной иль тайной измѣной
Рѣшались тебя уязвлять,
Чтобъ вызвать твой гнѣвъ—но державную гордость
Умѣлъ ты въ себѣ побѣждать.

Покойся-же въ мирѣ ты—мира хранитель
И чистый всегда и во всемъ,
Защитникъ слабѣйшихъ и правды ревнитель,
Великій въ смиреньи своемъ!

Пріявъ необъятное царство отъ Бога,
Ты помнилъ завѣты Христа—
И жизни твоей образцовой дорога
Была и пряма, и чиста.

Спокойный, могучій, подобный свѣтилу,
Ты чуждъ былъ порочнымъ страстямъ
И въ людяхъ цѣнилъ цѣломудрія силу,
Примѣръ подавая имъ самъ.

Ты новое царство въ тиши и заботѣ
Могучей рукой созидалъ;
То царство порядка и мирной работы,
Котораго міръ ожидалъ.

И память твоя не исчезнетъ безслѣдно,
И мирная слава твоя
Въ народныхъ сердцахъ отзовется побѣдно,
Какъ неба живая струя!

Не станетъ она исчезать, умаляться;
Но будетъ свѣтить и во мглѣ,
Пока не исчезнетъ слѣдъ братскаго чувства
Изъ сердца людей на землѣ.

. . . . . .

Великаго дѣла державный поборецъ,
Онъ гналъ въ преисподнюю тьму
Кровавыя распри—и Царь-Миротворецъ
Да будетъ названье ему.

Россія.

На вершинахъ Балканъ, на утесѣ одномъ,
Замерзая въ снѣгу на одрѣ ледяномъ,
Умиралъ позабытый солдатъ.
Зимній вѣтеръ сковалъ его мощную грудь
И съ трудомъ позволялъ ей свободно вздохнуть;
Мутенъ былъ его страждущій взглядъ.

Его билъ лихорадки предсмертный ознобъ.
Изъ-подъ грязной повязки, налѣзшей на лобъ,
Алой струйкой сочилася кровь,
И текла по лицу и, мѣшаясь съ слезой,
Застывала на блѣдной ланитѣ порой,
И по каплямъ сочилася вновь.

Ночь морозна была; ледянистая мгла
На окрестность прозрачнымъ туманомъ легла,
И вокругъ ни души—тишина.
Мать-земля непробудно подъ снѣгомъ спала,
И сидѣлкой у ложа страдальца была
Только стужа ночная одна.

Одинокій, среди непривѣтливыхъ скалъ,
Онъ далѐко отъ близкихъ своихъ умиралъ.
Непроглядна туманная даль.
И въ ту ночь, въ ту студено-морозную тьму,
Онъ покорно созналъ, что умретъ—и ему
Стало жизни непрòжитой жаль.

Полный силы, прилежный къ труду, молодой,
Онъ съ родной стороной и съ любимой женой
Разлученный, добрался сюда— .
И заброшенъ, забытъ, гибнулъ онъ одинокъ,
Какъ отъ дерева сорванный вѣтромъ листокъ;
Его смерть терпѣливо ждала.

Онъ покоренъ судьбѣ. Бѣдный пахарь, въ трудѣ
Проработать всю жизнь, въ ежегодной нуждѣ
Пребывать—это участь его;
Но замерзнуть въ снѣгахъ средь заоблачныхъ гóръ...
И съ упрекомъ его застывающій взоръ
Вопрошалъ небеса:—для чего?

— Для чего эта вѣчная въ мірѣ война?
Для чего моя жизнь ей на жертву нужна,
Моя кровь, мои муки и стонъ?
Сколько силъ плодотворныхъ родной стороны
Были въ страшныхъ бояхъ злой судьбой сражены—
Для чего этихъ жертвъ легіонъ?

Для чего?!. Задрожалъ, заклубился туманъ
И поползъ надъ утесомъ замерзшихъ Балканъ,

Поднимаясь изъ страшныхъ стремнинъ—
И предъ взоромъ вопроснымъ страдальческихъ глазъ
Пронеслися, пока онъ совсѣмъ не угасъ,
Рядъ былыхъ и минувшихъ картинъ.

1.

Необозримыя равнины,
Поля, озера, лѣсъ;
Раздолье дѣвственной пустыни,
Земля—и сводъ небесъ.

По ней, изъ нѣдръ своихъ обильныхъ,
Таинственный Востокъ
Стремитъ душой и тѣломъ сильныхъ
Зиждительный потокъ.

И льется онъ, неудержимый,
Не вѣдая преградъ,
Какъ рѣкъ истокъ неистощимый,
На солнечный закатъ.

Печетъ ихъ солнца восхожденье,
И омываетъ дождь;
Свѣтила неба, рѣкъ теченье
Ихъ путеводный вождь.

Повозокъ скрипъ; порой молчанье,
Порою звукъ рѣчей;

Разливы пѣсни, стадъ мычанье
И ржаніе коней.

Настанетъ ночь—росы прохлада,
И вдоль озеръ и рѣкъ
Ихъ ждетъ, степныхъ путей отрада,
Живительный ночлегъ.

И небо ихъ молитвы слышитъ;
И подъ его шатромъ,
Сомкнувши очи, все, что дышетъ
Заснетъ глубокимъ сномъ.

И окружаетъ сводъ небесный
Необозримый станъ,
Грядущихъ въ путь имъ неизвѣстный.
То отрасли славянъ.

Текутъ, какъ лавы изверженье,
Все расширяясь вдаль,
Куда влечетъ ихъ Провидѣнье,
Грядущаго скрижаль.

Инымъ же вольная равнина
Пришлася понутру—
И осѣдала ихъ лавина,
Зачатокъ царства-исполина,
Отъ Волхова къ Днѣпру.

Рѣдкій туманъ... облака... изъ-за тучъ
Свѣта блеснулъ оживляющій лучъ.

2.

Солнце... лѣто... полдень. Въ Кіевѣ волненье.
Небывалой вѣстью городъ весь объятъ.
Согнаны дружиной князя для крещенья.
Въ страхѣ горожане на него глядятъ.

Ихъ Перунъ могучій дерзкими поверженъ!
Греческаго Бога князь ихъ сталъ слугой
И велитъ народу, чтобъ и онъ приверженъ
Къ вѣрѣ иноземной сдѣлался душой.

Вонъ они, въ одеждѣ свѣтлой, драгоцѣнной,
Новаго посѣва новые жнецы!
Стоя въ отдаленьи на горѣ священной.
Сумрачно глядѣли старые жрецы.

Мощь ихъ миновала. Слуги новой вѣсти
Княземъ овладѣли силою креста,
И не жертвъ кровавыхъ, не сугубой мести
Требуетъ ихъ вѣра; но полны́ уста

Гибельныхъ совѣтовъ: бабьяго смиренья—
Самъ изъ господина обратись въ слугу,
И обиды тяжкой полнаго прощенья,
И любви объятья кровному врагу.

Развѣ это можно? Развѣ это дѣло?
Князя и дружины княжей боевой?
Ра́спятаго Бога чтить имъ не приспѣло,
И не примирятся съ вѣрою такой.

Надъ Днѣпромъ, высоко, на коврахъ помоста
Въ золотыхъ одеждахъ пѣлъ церковный клиръ—
Князя и княгини радостные гости,
Слуги благодати, обновившей міръ.

Непонятной рѣчью гласъ ихъ раздавался;
Пѣли, устремляя взоры къ небесамъ;
И кадильный ладанъ къ небу поднимался,
И склонилъ колѣни князь Владиміръ самъ.

А въ Днѣпрѣ широкомъ, въ подневольномъ сборѣ,
Полуобнаженный скученный народъ—
И головъ склоненныхъ дышащее море
Высилось на лонѣ быстротечныхъ водъ.

Тишина... Не слышенъ ни единый возгласъ.
Смутны были взоры, со́мкнуты уста.
То крестился Кіевъ, Руси первообразъ,
То онъ облекался вѣрой во Христа.

Скрылось! Высь утеса мглою облеклась.
Распрями удѣловъ Русь заволоклась.

Рыскали... дѣлили села, города...
Подъ татарской плетью смолкла ихъ вражда.

Сила кочевая игомъ налегла,
Ночью непроглядной та пора была.

Мощи богатырской рать перевелась;
Нянькою татарской Русь обзавелась.

Строгъ и кровожаденъ былъ ея надзоръ,
Но не безполезенъ для грядущихъ поръ.

Изъ родныхъ селеній, изъ-за крѣпкихъ стѣнъ
Стаи русскихъ женщинъ уводились въ плѣнъ.

Тамъ онѣ цѣнились, какъ живой товаръ;
Становясь невольно женами татаръ,

Лютость ихъ смягчали медленно, втиши,
Мягкостью славянской женственной души.

Мгла разрѣдилась, блеснула луна,
Стала картина иная видна.

3.

Дальняя равнина, поле Куликово,
Дона очертанья блещутъ синевой;
Съ грозною ордою встрѣтиться готово
Руси ополченье, шедшее на бой.

Какъ волковъ голодныхъ скученная стая
Рвется на добычу изъ глуши лѣсной,
Полчища степныя властнаго Мамая
Съ гиканьемъ стремятся бѣшеной волной.

Задрожало поле отъ коней разбѣга,
Затемнилось солнце отъ летѣвшихъ стрѣлъ;
Но размахъ широкій вражьяго набѣга
Встрѣтилъ смертоносный и живой предѣлъ.

Съ вѣрой и молитвой всѣмъ единодушной
Ждало ополченье вражескій починъ.
Вѣяли высоко въ синевѣ воздушной
Княжескіе стяги посреди дружинъ.

Какъ стѣна сплотились силы боевыя.
Два сѣдыхъ монаха видны на коняхъ—
Пересвѣтъ, Ослабя, витязи былые.
Не съ мечомъ булатнымъ, а съ крестомъ въ рукахъ.

Сблизились!.. столкнулись!.. Какъ съ горы скатилась,
Рухнула людская бурная волна,
Съ ревомъ налетѣла, кровью обагрилась,
Ярости безумной, бѣшенства полна!

Лязгъ кровавыхъ сабель въ сѣтчатыя брони,
Стукъ мечей и копій слышались кругомъ;
Сталкивались въ свалкѣ бѣшеные кони
И валились наземь вмѣстѣ съ ѣздокомъ.

Панцыри, кольчуги, копья, ятаганы,
Бунчуковъ хвостатыхъ рядъ передовой.
Бердыши, насѣки, кистени, колчаны —
Все перемѣшалось въ свалкѣ боевой.

Бьются въ одиночку; бьются тѣсной кучей;
Бьются, какъ волненья яростный прибой!
Бьются неустанно силою могучей
Грудью противъ груди и рука съ рукой!

Грозенъ вражій натискъ! Дро́гнули, смѣшались —
Подлинно у страха очи велики —
Робости невольной ратники поддáлись,
Тылъ свой показали русскіе полки.

Устилали трупы мягкую равнину.
Погибало дѣло... но въ пору́ и срокъ
Двинулъ изъ засады лучшую дружину
Мудрый воевода Дмитрій князь Боброкъ.

Налетѣлъ, какъ соколъ, прямо въ тылъ татарамъ.
Былъ и неожиданъ и могучъ ударъ!
Угодилъ во-врéмя, выдержалъ не даромъ,
Врѣзался косою въ битвенный разгаръ.

Яростная свалка снова закипѣла,
Разгорѣлся жарко безпощадный бой—
Наметались горы воинскаго тѣла,
Мертвые, живые, кучею одной.

Схваченная разомъ, и съ лица, и съ тыла,
Быстро замѣшалась вражеская рать,
Словно волчья стая жалостно завыла
И въ безумномъ страхѣ бросилась бѣжать.

Гнали ее дружно витязи родные,
Гнали безъ отдышки. гнали до ночи!
Гнали, сознавая мощь свою впервые,
До воды текучей, до рѣки Мечи.

То былъ день отрадный—Руси возрожденье!
Свергнуть злое иго стало быть ей въ мочь —
И кончалось рабства жертвоприношенье,
Тягостной неволи вѣковая ночь.

То былъ день побѣды назрѣвавшей силы —
Радовались предки ей на небеси —
И священнымъ мѣстомъ боевой могилы
Поле Куликово стало для Руси.

Крѣпла Русь—соединилась
Въ царство медленнымъ путемъ;
Съ волей вѣча распростилась;
Жизнью чуть не поплатилась
Въ новомъ нéдугѣ своемъ.

4.

Рознь и смута. Надъ Москвою
Крикамъ, стонамъ, нѣтъ отбою,
Вьется польскій стягъ;
И въ плѣну Кремля твердыни,
И завѣтныя святыни
Попираетъ врагъ.

Расшатавшееся царство...
Измѣнило въ немъ боярство,
Выдохлась Земля;
Завелись въ ней самозванцы,
И торгуются посланцы
Ляховъ короля.

Возвратились дни напасти.
Разгулявшіяся страсти
Начали борьбу.
Все въ Русй разъединилось—
Даже страшно становилось
За ея судьбу!

Гнулась Русь... но не ломилась,
Жарче Господу молилась,
Все перенесла;
Обрѣла конецъ страданью
И, покорна испытанью,
Жизнь свою спасла.

Встали въ Нижнемъ, ободрились;
Дружно всѣ соединились,
Въ комъ былъ Божій страхъ.
Кто не звалъ къ намъ иновѣрца;
Въ комъ печаль была отъ сердца,
А не на словахъ.

Малъ числомъ, но сѝленъ духомъ
И молвы народной слухомъ
Былъ отрядъ родной.
Ихъ собра́лъ, во дни разлада,
Новгородскаго уклада
Дѣятель живой.

Одолѣли вражью силу,
Смутѣ вырыли могилу
Мощь въ душѣ нашли—
Съ изстрадавшимся народомъ
Въ Кремль священный крестнымъ ходомъ
Набожно вошли.

Помогли — Русѝ основы —
Благовѣстники Христовы

Слуги алтаря.
Русь спаслась отъ злой недоли
И соборомъ земской воли
Выбрала царя.

Мгла опять; но вихрь могучій
Разогналъ застоя тучи.
Новая пора.

5.

На полтавскихъ поляхъ идетъ полкъ за полкомъ,
Ихъ ведетъ русскій царь молодой
На кровавую битву съ надменнымъ врагомъ,
Гордымъ славой своей боевой.

Мнилъ онъ снова задать намъ кровавый урокъ,
Разметать на позоръ и на срамъ!
Ухватить себѣ львиный побѣдный кусокъ
И отдать насъ на жертву врагамъ.

Но ошибся... Сошлись!.. Закатилась звѣзда
Полководца, дивившаго міръ,
И поверженъ въ той битвѣ во прахъ навсегда
Закаленнаго войска кумиръ.

На полтавскихъ поляхъ разрѣшала война
Быть Россіи—иль сгибнуть, на сломъ!

И помогъ ей Господь, и побѣдно она
Отплатила за нарвскій погромъ.

То былъ памятный день! Путь широкій открылъ
Онъ для нашихъ грядущихъ побѣдъ.
То былъ день испытанія чуемыхъ силъ
И на вызовъ—достойный отвѣтъ.

То былъ крыльевъ орлиныхъ могучій размахъ
И широкъ, и побѣденъ, и крутъ —
И полтавскую битву понынѣ въ церквахъ
Благодарнымъ молебствіемъ чтутъ.

* * *

На полтавскихъ поляхъ блещетъ крестъ золотой
Надъ могилами павшихъ бойцовъ;
Онъ, потомству въ примѣръ, знаменуетъ собой
Долгъ и славу почившихъ отцовъ.

А вдали—гдѣ морскаго волненья прибой
Достигаетъ подножья палатъ,
Надъ широкой, въ гранитъ заключенной рѣкой,
Вдохновеннымъ величьемъ объятъ,

На гигантскомъ конѣ, безъ почившихъ дружинъ,
Воздымая могучую грудь,
Гордо скачетъ недвижно нашъ царь-исполинъ,
Указуя завѣщанный путь.

Мгла вокругъ сгустилась снова.
Всѣ орлы гнѣзда Петрова
Въ ней перевелись.
Русь подъ власть попала нѣмцевъ.
Пѣстуны изъ иноземцевъ
Ею занялись.

Русь росла въ суровой долѣ;
И хоть въ крѣпостной неволѣ,
Но ея сыны,
Подъ рукой самодержавной
Иноземки русской, славной,
Царственной жены

Бунтарей поусмиряли;
Кончивъ съ Крымомъ, разметали
Турокъ корабли;
И съ Суворовскою славой
Съ поляка́ми подъ Варшавой
Старый счетъ свели.

Снова туча черная небо обложила,
Царства разореньемъ, гибелью грозила!
Памятный погромъ.

6.

Сжатыя нивы ржи колосистой,
Скошена всюду трава;

Листъ опадаетъ въ рощѣ тѣнистой —
Осень вступаетъ въ права.

Но не замѣтенъ сельскаго стада
Выгонъ на нивѣ родной.
Пахаря жизни кончилась страда,
Пахарь трудится иной.

Всюду окопы, всюду преграды,
Взрыта поспѣшно земля;
Засѣки, ямы, вала ограды
Пересѣкаютъ поля.

Вмѣсто покоя нивы холмистой —
Шумы идущихъ полковъ;
Вмѣсто колосьевъ ржи золотистой—
Лѣсъ заостренныхъ штыковъ.

Дымъ непроглядный клубами вьется,
Вылетитъ облакомъ вдругъ,
Что-то сверкнетъ—и со свистомъ несется,
Смерть разсѣвая вокругъ!

Блещутъ на солнцѣ мѣдныя брони,
Дулъ смертоносныхъ ряды;
Вѣютъ знамена, мечутся кони—
Всюду объятья вражды!

Блески и громы! Грохотъ орудій,
Ружей глухая пальба!

Пиромъ кровавымъ тѣшились люди—
Царствъ разрѣшалась судьба.

Силы несмѣтной размахъ исполинскій
Встрѣтилъ преграду защитъ—
Бой небывалый, бой Бородинскій
Съ ранняго утра гремитъ.

Стойки дружины; храбръ и отваженъ
Все наступающій врагъ;
Трупами полный, кровью увлаженъ
Передъ окопомъ оврагъ.

Жарче и жарче, кровью не сытый,
Все разгорается бой!
Не отдаютъ безъ стойкой защиты
Наши ни пяди родной.

Перемѣшались... Яростны лица,
Крики, удары и кровь!
То отойдетъ бойцовъ вереница,
То надвигается вновь.

Выше и выше, жертвы картечи,
Груды поверженныхъ тѣлъ.
Тысячамъ жизней въ день этой сѣчи
Смертью положенъ предѣлъ.

* * *

Смолкло... Устали... Затихла тревога.
Битву смѣнивъ, тишина
Стала бойцовъ холодить понемногу,
Ужасомъ смерти полна.

Темная ночь опускалась дождлива,
Словно хотѣла скорѣй
Смыть съ переполненной трупами нивы
Кровь враждовавшихъ людей.

Мы подъ покровомъ ея отступали.
Тёмно... Устали идти...
Бросили мертвыхъ, живыхъ сосчитали—
Нѣтъ половины почти.

Вѣчная память погибшимъ со славой!
Памятенъ будетъ тотъ бой,
Гдѣ обрѣли въ грозной сѣчѣ кровавой
Тысячи вѣчный покой.

* * *

Дождь и туманъ. Видны села пустыя.
Что-то горитъ... То Москва—
Чадолюбивая мать за Россію
Въ жертву себя принесла.

Мы со смиреніемъ все выносили.
Былъ благотворенъ пожаръ.

Онъ побѣдителю, гордому въ силѣ,
Страшный готовилъ ударъ.

Малость въ спаленной Москвѣ загостилась
Двунадесятая рать;
За поруганье святынь осудилась
Смертныя муки принять.

Встрѣтивъ преграду въ предѣлахъ Калуги,
Прежней дорогой пошли.
Наши союзники—зимнія вьюги
Къ нимъ той порой подошли.

Дохлые кони была ихъ трапе́за.
Ложемъ—промерзлость земли,
Холодъ и голодъ, чугунъ и желѣзо
Смерть отовсюду несли!

Сгибли, какъ мухи! Но врагъ не смирился,
Помнилъ побѣдъ ореолъ;
Долго съ союзными силами бился
Онъ, какъ сраженный орелъ.

Смолкнули битвы... Крутая расплата...
Стали мирить дѣлежи.
Божія нива кровавая сжата
Вся, до парижской межи.

И не напрасно дышала отвагой
Побѣдоносная грудь!

Былъ не безслѣденъ для общаго блага
Пройденный воинствомъ путь.

Много иного оно увидало,
Въ сердцѣ съ собой принесло;
Много враговъ среди насъ доживало—
Ихъ Провидѣнье спасло.

Дѣти свободу искавшаго вѣка
Въ междоусобной борьбѣ—
Насъ научали признать *человѣка*
Въ многострадальномъ рабѣ.

И снова мгла... тумана слезы...
Несбыточны казались грезы...
И грянула гроза!

7

Кла́дбище храбрыхъ... Смерти безмолвье
Всюду царитъ;
Взрывовъ наслѣдье, остовъ развалинъ
Дымно горитъ.

Смоченный кровью, флагъ нашъ побѣдный
Грустно поникъ.
То Севастополь—наша святыня...
Славы родникъ!

* * *

Безъ мала годъ мы защищали,
Безсмертной памяти скрижали,
Кровавый клокъ земли;
И силы царствъ разноплемённыхъ,
Враждою къ намъ соединенныхъ,
Насъ сдвинуть не могли!

На жертву зависти кровавой
Мы отдали, витыя славой,
Побѣдныя суда.
Пучина водъ ихъ схоронила,
И намъ оградою служила
Ихъ мертвая гряда.

И въ дождь, и въ снѣгъ, и въ бурь раскаты,
Все той же стойкостью объяты,
Завѣтъ отцовъ храня,
Мы молча гибли за оградой!
И многимъ смерть была отрадой
Средь ужасовъ огня.

И день, и ночь она летала,
И жертвъ намѣченныхъ искала,
И кровь лила кругомъ.
Съ ея угрозой мы сдружились—
И отдыхали, и молились
Мы подъ ея огнемъ.

Все ближе врагъ, сильнѣй уроны,
И окружаетъ обороны
Необозримый валъ
Онъ полукругомъ огненоснымъ,
И сѣетъ сѣвомъ смертоноснымъ
Онъ гибель и развалъ!

Сметутъ къ ночи́, а къ утру снова
Ограда грозная готова.
Хоть тысячи легли—
Но не ослабли строи сильныхъ,
Богатырей славообильныхъ
И моря, и земли!

И слала Русь, въ печали скорбной,
Своихъ сыновъ, судьбѣ покорный
Родныхъ полей оплотъ,
И ожидала терпѣливо,
Когда-жъ кроваваго разлива
Конецъ Господь пошлетъ?

И онъ нагрянулъ!.. Врагъ рѣшился,
На приступъ дружно устремился;
Подъ градомъ чугуна,
При звукахъ трубъ, при крикахъ боя
Вкатилась съ яростью прибоя
Его колоннъ волна!

Давно мы дня такого ждали,
Не растерялись, не бѣжали—

И всюду сброшенъ врагъ!
Лишь на Малаховомъ курганѣ
Въ кроваво-облачномъ туманѣ
Его виднѣлся флагъ.

Настала ночь... мы отступили...
Пожары взрывовъ намъ свѣтили...
На южномъ берегу,
Средь полныхъ трупами прогалинъ,
Ряды могилъ, ряды развалинъ
Мы отдали врагу!

. . . . . .

Судьба Руси самодержавной,
Вплетая листъ кроваво-славный
Въ нашъ боевой вѣнецъ,
На новый путь насъ призывала
И моремъ крови подписала
Отжившему—конецъ!

Тучи уходятъ, небо яснѣетъ,
Вѣтромъ тепла благодатнаго вѣетъ,
Близится солнца восходъ.

8.

Площадь въ Петроградѣ.
Знакъ минувшихъ лѣтъ,

Ангелъ на колоннѣ—
Памятникъ побѣдъ.

Посреди коляска.
Въ ней сидитъ, одинъ,
Царь самодержавный,
Ру́си властелинъ.

Мощная осанка,
Свѣтлый, кроткій ликъ,
И слеза во взорѣ,
Какъ любви родникъ.

Благостный, веселый!
А кругомъ народъ
Свой привѣтъ сердечный
На колѣняхъ шлетъ.

По́дъятыя руки—
Не мольба, не страхъ!
Радостныя слезы
На его глазахъ.

Жаркія молитвы,
Знаменья креста,
Полны ликованья
Сердце и уста!

То не въѣздъ побѣдный
Средь мечей, въ крови—

Мирное вѣнчанье
Силы и любви.

Не легко и скоро
Довелось царю
Оградить отъ тучи
Свѣтлую зарю.

Сколько хитрыхъ козней
Выслушать пришлось,
И напрасныхъ страховъ,
Гибели угрозъ.

Слушалъ терпѣливо
Царь не мало лѣтъ
И корыстный отзывъ,
И благой совѣтъ.

Но въ душѣ державной
Онъ рѣшилъ давно
Снять съ раменъ народа
Тяжкое ярмо.

И могучимъ словомъ
Разомъ; безъ борьбы,
Обрѣли свободу
Русскіе рабы!

Время обновленья,
Полное труда,

Полное надежды—
Свѣтлые года!

Мирною работой
Волновалась грудь.
Но святою кровью
Окропился путь.

И недолго ясенъ
Жизни былъ расцвѣтъ;
Ослѣпилъ безумныхъ
Непривычный свѣтъ.

Страшенъ и печаленъ
Былъ его конецъ,
И вплелися терны
Въ царственный вѣнецъ.

Царь-Освободитель,
Ты свое свершилъ.
Духъ твой свѣтоносный
Къ Богу воспарилъ.

Въ жертву искупленья
Отъ крамольныхъ грезъ
Ты, многострадальный,
Жизнь свою принесъ!

Заклубилися тучи въ ущельяхъ вокругъ,
Сѣрой мглой надъ утесомъ поднялися вдругъ,
Съ бѣлоснѣжнымъ покровомъ слились,
И въ туманныхъ волнахъ вереницей-толпой,
Словно саваномъ рѣдкимъ окутаны мглой,
Тѣни жертвъ боевыхъ понеслись.

Съ обагреннаго лона родимой земли,
Съ Волги, съ Дона, съ Днѣпра, и съ Оки, и съ Двины.
Съ азіатскихъ хребтовъ и пустынь,
Изъ дремучихъ лѣсовъ. изъ степей, изъ болотъ,
Гдѣ Нева, съ финскихъ скалъ, съ дагестанскихъ
высотъ,
Съ Севастопольскихъ грозныхъ твердынь;

Съ европейскихъ полей, съ океановъ, съ морей,
Съ утонувшихъ въ пучинѣ морской кораблей,
Изъ заоблачныхъ высей земныхъ,
Гдѣ восходъ, гдѣ закатъ, гдѣ снѣга, гдѣ пески,
Съ Вислы, съ Эльбы, съ Дуная славянской рѣки,
Сытой кровью за братьевъ родныхъ!

Отъ огня, отъ воды и отъ вражескихъ рукъ,
Жажды, голода, стужи, болѣзней и мукъ
Жертвъ погибнувшихъ тѣни неслись—
Не съ упрекомъ въ устахъ, не съ враждою въ груди,
А съ надеждой на лучшую жизнь впереди,
Уносясь въ безпредѣльную высь.

Не видать имъ конца! Все тѣснѣй и тѣснѣй
Становились ряды тѣхъ безмолвныхъ тѣней
Среди мглы и сдвигавшихся тучъ;
Ужасъ смерти ту страшную тьму проникалъ
И душила она... Вдругъ ее пронизалъ
Солнца яркій, живительный лучъ!

Всколыхнулася мгла, стала разомъ блѣднѣй,
И исчезли въ ней облики смертныхъ тѣней,
Разрѣдился туманъ и пропалъ.
Обнажился утесъ. Разъяснѣло кругомъ.
И на сводѣ далекихъ небесъ голубомъ
Новый видъ предъ очами предсталъ.

9.

Чудный край! Весь въ зеленую ризу одѣтъ,
Возвышался, могучъ и великъ,
Гималаевъ сѣдыхъ бѣлоснѣжный хребетъ—
Плодоноснѣйшій влаги родникъ.

Надъ вершиной его величаво парилъ
Всероссійскій державный орелъ,
И охраной отъ вражьихъ стяжаній служилъ
Его бдительно царственный взоръ.

Бѣлый всадникъ съ копьемъ у него на груди—
Имъ раздоръ ниспровергнутъ во прахъ!
И какъ символъ владычества въ духѣ любви,
Вѣтви маслины мира въ когтяхъ.

Надъ короной орла, въ вышинѣ голубой
Возсіялъ искупительный крестъ,
И тепломъ безконечной любви неземной
Согрѣвалъ благодатно окрестъ.

И подъ мощью орла, отъ сіянья креста,
Остановленный жизни потокъ,
Просыпался вокругъ Гиммалаевъ хребта
Въ долгій сонъ погруженный Востокъ.

Недоступный Тибетъ, неподвижный Китай,
Полный силъ сокровенныхъ во мглѣ,
И священный Иранъ, древнихъ праотцевъ рай,
Колыбель всѣхъ племенъ на землѣ;

А на югъ и гдѣ знойнаго солнца закатъ,
Гдѣ далеко шумитъ океанъ,
Индостана цвѣтущій плѣнительный садъ,
Жертва чуждыхъ, стяжательныхъ странъ.

Милліоны людей, средь святынь вѣковыхъ,
Истомленные вѣчной враждой,
Омертвѣлые въ древнихъ преданьяхъ своихъ,
Пробуждалися къ жизни иной.

Оживляла ихъ братскаго чувства волна,
«Святъ Господь!» ихъ твердили уста...
Звѣзды древнихъ святынь и корана луна
Исчезали въ сіяньи креста.

* * *

Велико твое предназначенье,
О народъ моей родной страны!
И плоды великаго смиренья
Ужъ теперь во-очію видны.

Нищъ стяжаньемъ, но богатъ любовью,
Служишь ты предтечею кресту,
Орошая благодатной кровью
Скорбный путь къ Спасителю Христу.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Хроника эта была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ въ г. Вильнѣ въ 1874 г. и къ настоящему изданію немного видоизмѣнена авторомъ для постановки на сцену.

ПРОЛОГЪ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царевна Софья—17 лѣтъ.
Княгиня Анна Никифоровна Лобанова-Ростовская, ея мама.
Симеонъ Полоцкій, царскій духовникъ и наставникъ царскихъ дѣтей.
1 } 2 } **Постельницы.**

Дѣйствіе происходитъ въ 1675 году, въ Коломенскомъ дворцѣ.

Теремъ Царевны Софьи. Ясный лѣтній вечеръ.

Софья сидитъ, задумавшись, у открытаго окна; передъ ней пяльцы съ вышивной работой. Входитъ княгиня Лобанова Ростовская.

КНЯГИНЯ.

О чемъ задумалась царевна? Иль узоръ
Ужъ очень труденъ? Дай-ка разглядѣть мнѣ.
(*Подходитъ къ пяльцамъ*).

*) При постановкѣ на сцену прологъ выпускается.

СОФЬЯ.

Узоръ не труденъ, только лѣнь работать.
Какая-то дремота одолѣла
И давитъ грудь, и странно бьется сердце:
То вдругъ замретъ, то встрепенется разомъ
И такъ неровно, сильно застучитъ,
Какъ будто вырваться на волю хочетъ.
И такъ пріятно: голова кружится,
Въ вискахъ стучитъ, а на душѣ легко;
И плакать хочется, и хочется молиться,
И что-то странное творится надъ тобой.
Что это значитъ, мама? Объясни?

КНЯГИНЯ.

Понять легко: играетъ кровь младая.
Ступай на воздухъ, освѣжи себя
И все пройдетъ.

СОФЬЯ.

Пройдетъ, я это знаю;
А послѣ станетъ вдвое тяжелѣй.
Не любо все и нѣтъ нигдѣ покоя,
И западетъ на сердце грусть-тоска,
И скучно такъ, и злоба безъ причины
Вдругъ обуяетъ бѣдную меня.

КНЯГИНЯ.

Ненужно такъ, царевна, поддаваться
Лукавымъ мыслямъ; насылаетъ врагъ

Ихъ на душу невинную, младую
И миръ ея старается смутить.
Трудись, работай! Если-жъ нападетъ
Тоска дѣвичья—дурокъ призови
И тѣшься ихъ дурацкимъ смѣхотворствомъ;
Иль пѣсни пѣть заставь сѣнныхъ ты дѣвокъ,
Иль позови гусляра—и тебя
Онъ позабавитъ пѣснею правдивой,
Отъ дѣдовъ слышанной, о старинѣ святой.
Затѣевъ много.

СОФЬЯ.

Всѣ онѣ мнѣ скучны,
И ужъ не тѣшатъ болѣе меня.
Одно и то-же!

КНЯГИНЯ.

Коли надоѣли,
Такъ мало-ли заняться можно чѣмъ.
Потѣхѣ—часъ, разумной же бесѣдѣ
Всегда съ охотой слѣдуетъ внимать.
Читай псалтырь, читай святыя книги
О житіи Пречистой и святыхъ.
Иль позови многострадальныхъ странницъ
И слушай ихъ. Онѣ тебѣ разскажутъ,
Что видѣли: какъ сподобилъ Господь
Ихъ чудотворцамъ разнымъ поклониться
И гробъ Святой Спасителя уярѣть;
Какъ нехристи поганые тѣснятъ
Родъ христіанскій; какъ живутъ тамъ люди;

Какіе тамъ и звѣри, и цвѣты,
И птицы разныя, что гласомъ человѣка,
Порою, говорятъ между собой.

СОФЬЯ.

Я знаю все; я слышала ихъ много;
Онѣ одно и то-же говорятъ.

КНЯГИНЯ.

Чего-жъ ты хочешь?

СОФЬЯ.

И сама не знаю.
Скажи, бывало-ли подобное съ тобой?

КНЯГИНЯ.

Не помню, милая; а если и бывало,
Такъ проходило скоро, безъ слѣда.

СОФЬЯ.

Пройти—пройдетъ, а послѣ вновь настанетъ,
И съ каждымъ разомъ хуже да сильнѣй.
Что дѣлать, мама? Научи, скажи? *(склоняется къ ней на грудь и плачетъ).*

КНЯГИНЯ.

О чемъ ты плачешь? Не больна-ли, полно?
Не сглазилъ-ли тебя злодѣйскій глазъ?
Ты никого не встрѣтила сегодня,
Когда гуляла давеча въ саду?

СОФЬЯ.

Нѣтъ, никого.

КНЯГИНЯ.

А кушала исправно?

СОФЬЯ.

Да, хорошо.

КНЯГИНЯ.

Должно быть долетѣли
Къ тебѣ въ окно заглазное шептанье
Иль чей-нибудь злодѣйскій наговоръ. (*встаетъ*).
Постой! вотъ я водой Богоявленской
Съ молитвою опрыскаю тебя,
И все пройдетъ, и вражье навожденье
Тебя не станетъ мучить, да смущать.

СОФЬЯ.

Останься, мама! Это такъ, пустое!
Вотъ и прошло! Поговори со мною;
Тебя о многомъ надо мнѣ спросить.

КНЯГИНЯ (*садится*).

Поговоримъ, изволь! И буду рада,
Коль развлеку я чѣмъ-нибудь тебя.
Ну, спрашивай!

СОФЬЯ.

Спросить тебя... о чемъ-же?
Съ чего начать? Такъ много думъ нашло,
Такъ много накопилося желаній,
Что ужъ не знаю, какъ ихъ передать. (*думаетъ*).

Скажи мнѣ, мама... отчего должны мы...
Весь вѣкъ свой въ теремѣ закрытомъ жить?

КНЯГИНЯ.

Такъ ѝстари ведется. Наши предки
Такой обычай положили—и должны
Мы исполнять его безпрекословно.
Такъ нужно, милая, и такъ оно и будетъ:
Не нами создано. не намъ и измѣнять.
Да развѣ въ теремѣ тебѣ ужъ стало скучно?
Раненько, кажется; забавамъ нѣтъ конца.
А если надоѣли, такъ придумай;
Отказу вамъ не встрѣтится ни въ чемъ.

СОФЬЯ.

Забавы всѣ мнѣ надоѣли, мама,
И вамъ меня ужъ ими не развлечь.
Другія думы, странныя такія,
Мной овладѣли—страшно и сказать!

КНЯГИНЯ.

Какія-же?

СОФЬЯ (*помолчавъ*).

Недѣли двѣ назадъ,
Сидѣла я у тетушки Татьяны
И вышивала съ нею пелену;
И видѣла, какъ утромъ молодые
Къ ней бить челомъ съ подарками пришли.

КНЯГИНЯ.

А, это, вѣрно, Дунька мастерица,
Что выдали намедни за стрѣльца?

СОФЬЯ.

Она и есть. Я видѣла ихъ вмѣстѣ,
И вотъ что мнѣ пришло съ тѣхъ поръ на умъ:
Изъ нашихъ дѣвокъ всѣ выходятъ замужъ,
А изъ царевенъ до сихъ поръ никто
Еще не выданъ...

КНЯГИНЯ (*перебивая*).

Замолчи, царевна!
Не договаривай! Какая срамота!
Откуда это у тебя явились
Такія думы? Вѣрно ты болтала
Съ постельницами? Я вотъ имъ задамъ
Дѣвчонкамъ сквернымъ!

СОФЬЯ.

Мама дорогая,
Я не отъ нихъ, я такъ... сама... одна...
Сама додумалась.

КНЯГИНЯ.

Тогда еще срамнѣе!
Въ твои лѣта! Вѣдь ты еще ребенокъ,
Тебѣ бы только тѣшиться, гулять,
Да играми лишь въ пору забавляться.
А ты о чемъ...

СОФЬЯ (*перебивая*).

Да развѣ не пригоже
Объ этомъ мнѣ съ тобою толковать?

КНЯГИНЯ.

Конечно не пригоже въ эти лѣта.
Я не затѣмъ приставлена къ тебѣ,
Чтобы вести съ тобой такія рѣчи.
Не даромъ я клялась передъ крестомъ
Беречь тебя, какъ собственное око,
И сохранить въ невинности святой
Твою царемъ мнѣ ввѣренную душу.

СОФЬЯ.

Голубушка, да выслушай меня!

КНЯГИНЯ.

Не стану слушать! Никогда ни слова
Не смѣй со мной объ этомъ говорить!
Забудь и думать! Слыхано-ли дѣло
Съ ребенкомъ о замужествѣ болтать.
Стыдись, царевна! Не клади ты сраму
На голову боярскую мою.
То тяжкій грѣхъ! Молитвою святою
Ты изгони ту мысль изъ головы.
То сатаны грѣховное смущенье,
То прелесть дьявольская...

СОФЬЯ.

Ну, пошла опять
Сердиться, да бранить меня безъ толку.
О чемъ тебя ни спросишь, никогда
Хорошихъ словъ въ отвѣтѣ не услышишь.
На рѣчь мою, на полное довѣрье,
Ты отвѣчаешь смѣхомъ, иль ворчишь,
Иль прочь уйдешь, одну меня оставишь,
Или поклоны класть порой заставишь,
А у меня другое на умѣ.
Нѣтъ, видно ты меня не любишь, мама!
Кого-же мнѣ спросить, какъ не тебя?
А у тебя на все однъ отвѣтъ:
Молись, забудь, не намъ о томъ судить,
Не время... у, какая злая!
Лишь плакать заставляешь ты меня (*плачетъ*).

КНЯГИНЯ.

Ну успокойся, милая, не плачь!
Прости меня; хоть побраню слегка,
Такъ для твоей-же пользы все стараюсь.
Ну, успокойся! Кто-то къ намъ идетъ (*входитъ* постельница).

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Матушка-боярыня, пожалуйте! Боярыня Анна Никитишна просить приказали.

КНЯГИНЯ.

Иду, иду! А тебѣ, Сонюшка, я дурку Малашку пришлю. Ты еще не видѣла, какъ она лягушкой скачетъ и квакаетъ. Умора! И сластей царьградскихъ принесу. Превкусныя!

СОФЬЯ.

Не присылай, не надо. Не впущу! *(княгиня и постельница уходятъ).*

СОФЬЯ.

Вотъ такъ всегда! На всѣ мои вопросы
Всегда готовъ у ней одинъ отвѣтъ.
И все твердитъ, что я такъ молода;
Что обо всемъ мнѣ разсуждать раненько;
Что время мнѣ лишь бѣгать, да играть,
Да дѣтскою потѣхой забавляться.
Не время... рано... Нѣтъ, должно быть время,
Когда въ моей горячей головѣ
Само собой тѣ думы родилися!
Кто-жъ разрѣшитъ ихъ мнѣ? Кого спросить?
Къ кому могу я съ вѣрой обратиться?
Кто пожалѣетъ, наконецъ, меня
И объяснитъ мнѣ все, что накопилось
Въ минуты одиночества, въ часы
Ночной тоски и скуки безпокойной?
Я сирота! На свѣтлыхъ небесахъ,
Въ жилищѣ Бога нынѣ обитаетъ

Царица Рýси, мнѣ родная мать.
Царица-жъ новая лишь козни точитъ;
И царь-отецъ вполнѣ поддался ей,
И отъ себя давно насъ отдаляетъ.
Царевны сестры? но и тѣ, навѣрно,
Немного больше вѣдаютъ меня.
Вѣдь и онѣ, какъ я, заключены
Все въ той же клѣткѣ; тѣ же у нихъ мамы—
И, вѣрно, тѣ же самыя слова
Онѣ въ отвѣтъ всегда лишь получали.
Кого-жъ спросить? Кто дастъ мнѣ, наконецъ,
Отвѣтъ простой, но ясный и правдивый?
Никто, никто!

(*Входитъ* **постельница**).

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Царевна Евдокія
Тебя просить велѣла, коли ты
Не занята какой-нибудь работой.

СОФЬЯ.

Зачѣмъ?

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Не знаю!

СОФЬЯ.

Есть тамъ кто-нибудь?

ПОСТЕЛЬНИЦА.

Нѣтъ никого.

СОФЬЯ.

Подай мнѣ тѣлогрѣю.

(*Надѣваетъ тѣлогрѣю и уходитъ*)
(*Изъ другихъ дверей входитъ другая* постельница)

ПЕРВАЯ (*оглядываясь, вполголоса*)

Ты, Машка, слышала? Сегодня снова
Была съ царицей перебранка; страсть!

ВТОРАЯ.

Изъ-за чего?

ПЕРВАЯ.

Доподлинно не знаю.

ВТОРАЯ.

А началъ кто?

ПЕРВАЯ.

Вѣстимо, какъ всегда,
Царевна Евдокія.

ВТОРАЯ.

Да, зубаста!

ПЕРВАЯ.

Ужъ не полѣзетъ за словомъ въ карманъ.
Какъ запоетъ, такъ что твой соловей,
Такъ и стрекочетъ! Ну, конечно, къ ней
Пристали остальныя. Шумъ такой
Поднялся въ теремѣ, что Боже упаси!
Не знали что и дѣлать; да спасибо
Царевнѣ Аннѣ, та какъ припугнула,
Что приведетъ царя—и пріутихли,
И разошлись, какъ съ боя индюки.

ВТОРАЯ.

Нехорошо, когда въ родной семьѣ
Да заведется мачиха. Начнутся
Невольно ссоры, и ужъ тутъ никто
Не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ;
А паче всѣхъ отецъ—всегда потянетъ
Онъ сторону жены.

ПЕРВАЯ.

Небось сумѣютъ
Онѣ ее поддѣть.

ВТОРАЯ.

Не говори.

ПЕРВАЯ.

Вѣдь много ихъ, а мачиха одна.

ВТОРАЯ.

А все-жъ она царица, да жена.
Постой! Никакъ идутъ! (*прислушивается*) Шаги мужскіе.
Быть можетъ царь! Бѣги, бѣги скорѣй!

(*Убѣгаютъ*)

(*Входитъ* Симеонъ Полоцкій)

СИМЕОНЪ.

Да, не легко ты дѣло просвѣщенья;
И трудно снять невѣжества кору,
Наросшую вѣками. Что за люди,
Которымъ здѣсь священныя права
Служителей Господнихъ присвояютъ.
Безграмотны, не знаютъ даже толкомъ
Сказать молитвы—круглые невѣжды!
Зато до денегъ алчны, какъ нигдѣ.
Самъ патріархъ, владыка духовенства,
Великій пастырь душъ—и тотъ едва
Наученъ грамотѣ, а въ дѣлѣ книжномъ,
Въ великихъ догмахъ, въ спорахъ вѣковыхъ,
Такъ раздирающихъ Христову церковь,
Не знаетъ ничего—и потому,
Конечно, насъ не жалуетъ; страшится
Не своего невѣжества, но только,
Чтобы его на дѣлѣ не явить.
Да, при такихъ наставникахъ народъ
Не далеко уйдетъ; и нынѣ въ людяхъ
Умножились и злоба, и лукавство,

И волхвовство, и пьянство, и разбой,
И, наконецъ, неслыханный расколъ
Не изъ-за догмъ иль таинства, а просто
Изъ-за безсмысленныхъ ошибокъ, въ перепискѣ
Невольно вкравшихся. И льется кровь,
И гибнутъ люди только потому.
Что мéньшіе не могутъ, а большіе
Не знаютъ, да и не хотятъ познать
Великую полезность просвѣщенья.
Но и средь нихъ нашелся человѣкъ,
Который понялъ всю необходимость
Познанья книжнаго, въ великомъ дѣлѣ
Служенья Богу и правленья паствой,
Ввѣряемой ради спасенья душъ.
Великій Никонъ! ты теперь въ опалѣ;
Но не погибнетъ то. что ты призналъ
Необходимымъ, чтобы духовенству
Дать власть великую надъ всѣмъ народомъ,
Которая, по Божьему завѣту,
Принадлежать вездѣ ему должна.
Ты вызвалъ насъ и научилъ царя
Намъ воспитанье царскаго семейства
Вполнѣ довѣрить, понимая мудро,
Что просвѣщеніе должно начаться съ нихъ,
Съ главъ вѣнценосныхъ и ужъ отъ нихъ идти
На молодыя силы государства (*ходитъ*).
Да, велико могущество познанья!
Я, сирота, невѣдавшій отца,
Незнавшій мать, безъ роду, безъ богатства,

Достигъ того, о чемъ не смѣлъ мечтать,
О чемъ боялся даже думать прежде.
Я—духовникъ Великаго царя.
Владыки столь обширнѣйшаго царства,
И знаю даже помыслы его;
Я царскаго наслѣдника учитель
И просвѣтитель молодыхъ царевенъ.
Я здѣсь какъ дома! Во дворцѣ царей,
Въ ихъ теремѣ ревниво охраненномъ,
Я—властелинъ! все слушаетъ меня,
Все вѣритъ мнѣ и всѣ—мои слова
За истину святую принимаютъ.
И я тружусь, по мѣрѣ силъ и знанья,
Чтобъ пріучить къ разумному труду
И поселить довѣріе къ наукѣ
Въ семействѣ царскомъ, ввѣренномъ моимъ
И мудрости, и опыту, и знанью.
Мой ученикъ Ѳеодоръ хоть охотно
Внимаетъ мнѣ, но тихо, понемногу,
Идетъ впередъ. Изъ остальныхъ—царевны
Не очень-то прилежны къ поученью,
За исключеніемъ Софіи; въ ней—
Великій умъ и страстное стремленье
Къ познанію, къ наукѣ, ко всему,
Что ей невѣдомо, но что желаетъ
Она вполнѣ усвоить и познать!
И молода еще... О, если-бъ ей
Родиться вмѣсто Ѳедора! тогда—
Съ ея умомъ, да волею возможно

Достигнуть многаго (*задумывается*). Но даже. если
На царство вступитъ Ѳедоръ... можетъ быть.
Когда придетъ желанная пора,
Онъ, изъ довѣрія ко мнѣ, предложитъ,
По смерти Іоакима, на престолъ
Великій патріаршій, Симеона—
То-есть меня, монаха, и тогда...

(*Входитъ* Софья).

СОФЬЯ.

Благослови, Владыко!

СИМЕОНЪ.

Благословенъ
Господь всегда и присно, и во вѣки.
Здорова-ли?

СОФЬЯ.

Здорова, слава Богу!

СИМЕОНЪ.

Чѣмъ занималася сегодня?

СОФЬЯ.

Да ничѣмъ!
Въ саду бродила, вышивала въ пяльцахъ,
Да съ мамою бранилась цѣлый день.

СИМЕОНЪ.

За что? Иль, вѣрно, старая княгиня
Немного разнедужилась—ворчитъ?

СОФЬЯ.

Ворчитъ она всегда и безъ причины,
А нынѣ разсердилась на меня.

СИМЕОНЪ.

За дѣло?

СОФЬЯ.

Нѣтъ!

СИМЕОНЪ.

За что-же?

СОФЬЯ.

Да не знаю.
За то, что я задумала спросить
Ее о томъ...

СИМЕОНЪ.

О чемъ?

СОФЬЯ (*нерѣшительно*).

Зачѣмъ должны
Мы цѣлый вѣкъ сидѣть, какъ птицы въ клѣткѣ,
Въ постыломъ теремѣ.

СИМЕОНЪ (*всматриваясь*).

Позволь, царевна,
Тебя спросить: откуда эти думы
Къ тебѣ пришли? и отъ кого слыхала
Ты эти рѣчи?

СОФЬЯ.

Такъ, сама дошла;
Своимъ умомъ.

СИМЕОНЪ.

И что же отвѣчала
Тебѣ княгиня?

СОФЬЯ.

Тоже, что всегда!
Что такъ оно у насъ заведено;
Такъ быть должно и такъ оно и будетъ!
А почему и кѣмъ заведено,
Того она не знаетъ.

СИМЕОНЪ.

Гдѣ же знать
Объ этомъ ей. Не женское то дѣло!
Да ей о томъ и знать не надлежитъ.

СОФЬЯ.

А ты, Владыко? Ты вѣдь знаменитъ
Своей ученостью. Скажи, откуда
Такой обычай завелся у насъ?

СИМЕОНЪ.

Да, мнѣ извѣстно. Тотъ обычай древній
Изъ христіанскихъ царствъ у насъ однихъ
Теперь ведется, а въ странахъ заморскихъ
Иной уставъ. Тамъ взрослый женскій полъ

Не запираютъ въ теремъ, и свободно
Онѣ тамъ всюду могутъ пребывать.
Тамъ даже имъ, по праву первородства,
Случалося и царствомъ управлять.

СОФЬЯ.

Давно то было?

СИМЕОНЪ.

Гдѣ ужъ и давно,
А гдѣ недавно. Въ царствѣ Фараоновъ,
Въ землѣ египтянъ тамъ давно, давно
Была славна царица Клеопатра;
А вотъ у англичанъ еще недавно,
И вѣка нѣтъ, какъ были на престолѣ
И царствовали вслѣдъ одна другой
Марія, а за ней Елисавета (*подумавъ*).
Хотя у насъ, какъ въ древней Византіи,
Не можетъ быть царицы безъ царя,
Но было такъ, и это достовѣрно,
Что, въ сущности, разумная жена,
Родная мать, иль смѣлая сестра
Держали власть привычною рукою.
Пульхерія въ Царьградѣ—такъ она
Отъ Ѳеодосія, отъ брата своего,
Искусно перенявъ бразды правленья,
Со славою и долго управляла
Обширнымъ царствомъ. Было и у насъ
Подобное. Вотъ, напримѣръ, когда
Былъ Грозный царь Іоаннъ еще ребенкомъ

На царство избранъ—мать его Елена,
Изъ рода Глинскихъ, Русью управляла
И долго власть держала за собой.

СОФЬЯ.

Какъ много знаешь ты. Откуда слышалъ
Ты это все? иль въ книгахъ прочиталъ?

СИМЕОНЪ.

Есть много книгъ. Смиренные монахи,
Въ своихъ убогихъ, но уютныхъ кельяхъ,
Писали все, что дѣлалось при нихъ
На бѣломъ свѣтѣ. Что порой слыхали
Отъ богомольцевъ, странниковъ, служилыхъ,
Толпами приходившихъ въ монастырь—
Все заносили въ книгу. Гдѣ одинъ
Кончалъ за смертью, тамъ тяжелый трудъ
Ужъ начиналъ другой—и такъ сложились,
Сказанья драгоцѣнныя. Изъ нихъ
И я узналъ, что̀ дѣлалось до насъ
На Божьемъ свѣтѣ.

СОФЬЯ.

Отчего же прежде
Не говорилъ объ этомъ ты со мной?

СИМЕОНЪ.

Да такъ! Зачѣмъ тебѣ объ этомъ знать?
А впрочемъ, коль занятнымъ показались
Мои слова, такъ я могу охотно
Тебѣ еще о многомъ разсказать.

СОФЬЯ.

Пожалуйста! Я такъ довольна буду.
Начни сейчасъ! Хотя бы до разсвѣта
Ты говорилъ, готова слушать я.

СИМЕОНЪ.

Ужъ и сейчасъ! Успѣешь! Я на-дняхъ
Зайду къ тебѣ. А нынче вѣдь поздненько —
Совсѣмъ стемнѣло; время на покой.
Прощай, царевна!

СОФЬЯ.

Погоди немного!

СИМЕОНЪ.

Успѣешь, милая; ты слишкомъ горяча.
Нельзя же все узнать въ одну минуту.
Прощай! Да будетъ надъ тобой Господь.
Спи съ миромъ! Отойди ко сну съ молитвой
И слышаннымъ покой свой не смущай (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

Нѣтъ, не заснуть мнѣ долго! Эти рѣчи
Во мнѣ смутили разумъ и покой.
Не всюду же проводятъ взаперти
Царевны жизнь. У дальнихъ англичанъ,
Онѣ свободны... даже доставалось

Имъ на престолѣ быть. Да и у насъ
Возможно было въ прошломъ недалекомъ,
За малѣтствомъ, царствомъ управлять. (*садится*)
Какъ хочется скорѣе мнѣ узнать
О Глинской. Отчего же?.. Вѣдь и я,
При помощи совѣтниковъ разумныхъ,
Могла бы править царствомъ. Здѣсь же теремъ
Мнѣ давитъ грудь! Мнѣ тяжело дышать
Въ замкнутой клѣткѣ; шире!.. шире!.. шире!..
Не для тюрьмы на свѣтъ я рождена!

ДѢЙСТВІЕ I.

(14—15 мая 1682 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царевна Софья.
Боярин Иванъ Михайловичъ Милославскій.
Александръ Милославскій, Петръ, Иванъ } Толстые — стольники, родственники Милославскаго.
Иванъ Цыклеръ, Иванъ Озеровъ — стрѣлецкіе подполковники.
Родимица, украинская казачка.
Никитка, шутъ.
Власьевна, верховая богомолица 80 лѣтъ.
Вѣра Васютинская, Авдотья Григорьева, Ульяна Колужкина — постельницы Софьи.
Дворецкій боярина Милославскаго.
Безмѣстный попъ.
Волчиха, жена цѣловальника.
Офемья, стрѣльчиха.
Тума, Гладкій, Петровъ, Черный — стрѣльцы.

Первый
Второй
Третій
Четвертый } стрѣльцы.
Пятый
Шестой
Седьмой

Стрѣльцы разныхъ полковъ.

Сцена первая.

Теремъ Царевны Софьи въ Кремлѣ. Вечеръ.

(Постельницы Софьи **Вѣра Васютинская, Авдотья Григорьева и Ульяна Колужкина**).

ВѢРА.

Слыхали, дѣвушки? Неладно сильно
Промежъ стрѣльцовъ по слободамъ творится.
Опять буянятъ.

АВДОТЬЯ.

Утромъ я вчера
Къ Родимицѣ ходила, такъ повѣришь,
Едва отъ страху ноги унесла.
Такое буйство! Пьяные стрѣльцы
Толпами съ пѣснями, да съ крикомъ бродятъ
И все грозятъ кровавымъ правежомъ.

УЛЬЯНА.

Кому?

АВДОТЬЯ.

О томъ не трудно догадаться.

ВѢРА.

Царицыной породѣ! Не уйти
Имъ отъ бѣды. Хоть Артамонъ Сергѣичъ*)
И возвратился вновь въ Москву, а все же
Спокойнѣе не стало; даже хуже
Пошли стрѣльцы буянить, да мутить.

УЛЬЯНА.

Спаси Господь насъ грѣшныхъ и помилуй!
Какъ вздумаютъ добраться до Кремля,
Тогда и намъ достанется, пожалуй.

ВѢРА.

Чего боишься? Насъ никто не тронетъ!
Въ царевнины хоромы не посмѣютъ
Ступить ногою. Сроду не бывало,
Чтобъ въ тихій теремъ царскій кто рѣшился
Придти незванный, коли не ностыло
Ему на свѣтѣ бѣломъ проживать.

АВДОТЬЯ.

А если и найдутся лиходѣи,
Которые осмѣлятся ворваться
Къ царевнѣ нашей, такъ она сама
Получше стражи всяческой сумѣетъ

*) Бояринъ Морозовъ.

Остановить безумныхъ и заставитъ
Ихъ удалиться со стыдомъ назадъ.

УЛЬЯНА.

Дивлюся я на матушку царевну:
Обильна разумомъ, сладка и рѣчью;
Не женскій духъ въ нее Господь вселилъ.

ВѢРА.

Что говорить! Ума у ней палата.
И словно создалъ самъ Господь ее
На то, чтобъ быть надъ всѣми старшей.

АВДОТЬЯ.

Всегда добра да ласкова, а все же
Ее боишься какъ-то. Только взглянетъ
Когда съ укоромъ, жутко станетъ такъ
Отъ взгляда строгаго, и вся невольно
Вдругъ задрожишь.

УЛЬЯНА

Зато когда довольна,
Такъ лучше всѣхъ подарковъ наградить
Сумѣетъ словомъ ласковымъ, да взглядомъ.

АВДОТЬЯ.

Не позабудетъ и подаркомъ.

ВѢРА.

Иногда

Хоть ничего не подаритъ, да лаской
Согрѣетъ сердце больше, чѣмъ казной.
Я за нее готова все отдать!

УЛЬЯНА

И я!

АВДОТЬЯ.

И я! хоть съ жизнію разстаться!

ВѢРА.

Тсс... не кричите! Кто-то къ намъ идетъ.
Уйдемте; время къ ужину сбираться.
А то опять какъ станетъ ворковать
Ворона старая, такъ лучше вовсе
Безъ ужина ложиться спать, чѣмъ слушать
Ея попреки вѣчные, да брань.

(*Входитъ* **Власьевна**).

ВЛАСЬЕВНА.

Опять всѣ вмѣстѣ! Языки чесали.
Бездѣльничать охочи.

ВѢРА.

Да съ тебя
Примѣръ беремъ. А у тебя во рту
Для языка свободное мѣстечко.

(*Входитъ* **шутъ**).

ВЛАСЬЕВНА.

Ты, скоморохъ, зачѣмъ сюда явился?

ШУТЪ.

Тебя давно не видѣлъ, сохнуть сталъ.
Все жду, когда тебѣ я приглянуся,
Чтобъ замужъ взять.

ВЛАСЬЕВНА.

Гудошникъ окаянный!
Со мной не смѣй балясничать! Не то
Пожалуюсь царевнѣ, такъ съ тебя
Повыбьютъ смѣхъ кнутами на конюшнѣ.

ШУТЪ.

Извини, красавица, обмолвился. Забылъ, что ты съ нашимъ братомъ не знаешься. У тебя знакомые все люди родовитые, домовитые; вотъ и теперь, какъ по двору пойду, отъ тебя цѣпному псу поклонъ занесу.

ВЛАСЬЕВНА.

Молчи, проклятый!

ШУТЪ (*приплясывая и увертываясь отъ Власьевны, которая хочетъ ударить его клюкой*).

Эхъ, Власьевна, рожа масляна! Какъ за ней добра, три пустыхъ ведра, да и тѣ безъ дна. Земли лопата, воды три ушата, лѣсу — полѣно, грязи по колѣно, крестьянъ три вдовы, да и тѣ безъ головы. Ну, ну, ну, не сердись, да не танцуй! а то неравно упадешь, такъ и костей твоихъ не соберешь! Эхъ, ты, лебедушка!

(*Постельницы громко хохочутъ*).

ВЛАСЬЕВНА (*угрожая имъ клюкою*).

А вы чего? Вотъ я васъ!

ПОСТЕЛЬНИЦЫ (*убѣгая*).

Ай, ай, ай!

ВЛАСЬЕВНА.

Ну, а съ тобою послѣ! Погоди!
Напляшешься иначе. Тьфу, поганецъ!

(*Уходитъ*).

ШУТЪ.

Корга столѣтняя! Вѣдь вотъ живетъ
И хлѣбъ жуетъ, а чѣмъ?—сама не знаетъ.

(*Входитъ* **Родимица**).

РОДИМИЦА *).

Совсѣмъ устала. Цѣлый день съ утра
По слободамъ стрѣлецкимъ походила.
Зато не даромъ! все, кажись, готово,
И примутся за дѣло горячо. (*Входитъ* шутъ).

РОДИМИЦА.

Здорово, скоморохъ!

---

*) Украинская казачка, наперсница Софьи, выданная ею впослѣдствіи замужъ за стрѣлецкаго полковника.

ШУТЪ.

Здорово, тетка!
Довольно-ль землянички собрала,
Какъ по́ лѣсу ходячему бродила?

РОДИМИЦА.

Что собрала, разсыпала дорогой.
Пусть подберутъ другіе. Завтра сокъ
Изъ ягодъ выжмутъ, а ужъ тамъ царевна
Укажетъ, изъ чего намъ медъ варить.

ШУТЪ.

Сокъ изъ голубицы, сродниковъ царицы,
Изъ дьяковъ приказныхъ, что кореньевъ разныхъ;
Изъ головъ боярскихъ стараго дурману,
Изъ подваловъ крѣпкихъ денегъ для дувану;
Черпать не ковшами, черпать бердышами,
Да мѣшать побольше, да мутить подольше—
Станетъ подниматься, станетъ разливаться,
По цѣнѣ кровавой станетъ продаваться!

РОДИМИЦА.

Ты былъ сегодня тамъ?

ШУТЪ.

У Милославскихъ?
Бывалъ! Хотя боярина не видѣлъ,
Но видѣлъ Чермнаго, да съ нимъ Петра Толстаго.

У нихъ готово все! а сорванцовъ
По слободамъ поднять труда не стоитъ.
Давно ужъ ждутъ. Ты знаешь: близко дѣло!
Наказывалъ Толстой придти опять,
Когда совсѣмъ стемнѣетъ, говоритъ,
Что я сегодня ночью пригожуся.
А ты была?

РОДИМИЦА.

Была и принесла
Такія вѣсти—и сказать нельзя!
Пойдемъ отсюда вмѣстѣ къ Милославскимъ.
Найдутъ для насъ работу; потрудимся...

ШУТЪ.

И матушкѣ царевнѣ пригодимся.

РОДИМИЦА.

Ты о царевнѣ ни гу-гу! Такъ, къ слову,
Лишь мимоходомъ въ рѣчи вспомяни,
Да и замажь опять. Такое слово
Засядетъ крѣпче въ головы и скоро
Такъ разрастется—не узнаешь самъ,
Что отъ тебя пошли людскія рѣчи.

ШУТЪ.

Ты не учи, сама лишь хлопочи!
А я слова умѣю подбирать
И знаю ими такъ играть, какъ баба,
Когда ей отвѣчать предъ мужемъ надо.

РОДИМИЦА.

Никакъ идетъ царевна? Ты уйди!
Мнѣ приказалъ бояринъ доложить
Ей съ глазу на́ глазъ кое-что.

ШУТЪ.

Пожалуй,
Я и уйду. Коль надо, позовите.
Я буду недалеко. Можетъ быть,
Понадоблюсь царевнѣ.

(*Уходитъ*).

РОДИМИЦА.

Хорошо!
А ловокъ же! И такъ словами сыплетъ,
Какъ бисеръ съ нитки.

(*Входитъ* **Софья**).

РОДИМИЦА.

Матушка царевна
Какъ отдохнуть изволила?

СОФЬЯ.

Спасибо!
Я жду тебя давно. Какія вѣсти
Ты принесла съ собою? Говори!

РОДИМИЦА.

Хорошія, царевна! Хороши
Ужъ тѣмъ однимъ, что завтра ты сама
Увидишь все, что сбудется; а дальше,
Не черезъ насъ твоихъ покорныхъ слугъ,
И не тайкомъ, а громко, всенародно,
Приступишь къ дѣлу правому, заставишь
Избрать царя законнаго и станешь,
Въ царево мѣсто, царствомъ управлять.

СОФЬЯ.

Готово все?

РОДИМИЦА.

Готово! Нынѣ въ ночь
Сойдутся слуги вѣрные твои
У нашего боярина, и тамъ
Ужъ разберутъ, кому за что приняться.
Съ разсвѣтомъ же... (*подходитъ ближе*) Велѣлъ сказать
бояринъ,
Что если ты услышишь звонъ, набатъ,
Да крики буйные—то не смущайся
И знай, что крикъ тотъ страшенъ не для васъ,
Царевенъ нашихъ, но что страшенъ только
Онъ для враговъ твоихъ, которымъ время
За ихъ дѣла безбожныя отвѣтить
И мѣсто дать приверженцамъ твоимъ.

СОФЬЯ.

Съ разсвѣтомъ?.. завтра? Кто же изъ враговъ
Обречены на смерть?

РОДИМИЦА.

О томъ бояринъ
Велѣлъ тебѣ сказать, что онъ не хочетъ
Смущать покой твой перечнемъ именъ
Твоихъ враговъ, которые на утро
Должны разстаться съ жизнью. Знаетъ самъ
О томъ бояринъ; вѣдаютъ и люди,
Которые сумѣютъ ихъ найти
И передать на правый судъ народный.
А ты, царевна, не смущай себя.
Ты не причастна въ томъ. что этотъ судъ
Рѣшитъ по правдѣ, сотворивши тутъ же
Кровавую расправу надъ врагами.

СОФЬЯ.

А много ихъ?

РОДИМИЦА.

Не знаю, не считала...
Да и сказать нельзя. Какъ разойдутся,
Такъ не удержишь скоро. Можетъ быть,
Кто ускользнетъ, а кто и ненарокомъ
Вдругъ подвернется; послѣ перечтутъ.
Вотъ почему велѣлъ сказать бояринъ,
Чтобъ ты была готова. Завтра, рано,
Пріѣдетъ онъ къ тебѣ, тогда укажетъ,

Что нужно будетъ; а теперь
Просилъ тебя заснуть, да постараться
На утро бодрой быть, не растеряться,
Не упустить, что въ руки поплыветъ.

СОФЬЯ.

Ты здѣсь одна?

РОДИМИЦА.

Со мною шутъ Никитка.

СОФЬЯ.

А гдѣ-же онъ?

РОДИМИЦА (*подходитъ къ двери и кличетъ шута*).

Ужо, сейчасъ придетъ.
Ему работы нынѣшнюю ночь
Достанется довольно. Въ слободахъ
Его ужъ дѣло подзадорить ловко,
Давно готовыхъ къ бою молодцовъ.

(*Входитъ* ШУТЪ).

ШУТЪ.

Что, государыня, изволишь приказать
Ты своему слугѣ шуту Никиткѣ?

СОФЬЯ.

А ты все веселъ. На тебя ничто,
Ни даже кровь подѣйствовать не можетъ?

ШУТЪ.

Кровь, государыня, та же вода,
Только что красная: много не стоитъ.
Кабы толковѣй ее выпускали,
Можетъ и люди умнѣе бы стали.

СОФЬЯ (*къ Родимицѣ*).

Отсюда ты куда?

РОДИМИЦА.

Отсюда прямо
Пойдемъ къ боярину и будемъ ждать,
Что приказать изволитъ.

СОФЬЯ.

Передай-же
Боярину, что я вмѣсто отца
Его всегда считала и ввѣряюсь
Во всемъ его совѣту. Буду ждать
Его я завтра во́ время и стану
Я дѣлать все, что онъ считаетъ нужнымъ,
Чтобы достигнуть замысловъ своихъ.
Скажи ему, что стану я молиться,
Чтобы Господь простилъ намъ тяжкій грѣхъ
Невольнаго убійства, чтобы правда
Исконная надъ Русью воцарилась,
И чтобъ возможно меньше обагрилась
Родной Москвы, родимая земля.

ШУТЪ.

Заснешь—царевной, проснешься орлицей,
Могучей, державной, московской царицей!

(Родимица *и* шутъ *уходятъ*).

СОФЬЯ.

Такъ скоро... завтра. Страшно и подумать,
Чѣмъ можетъ кончиться, когда народъ,
Какъ бурная рѣка, прорветъ плотину
И въ ярости безумной уничтожитъ
Все, что ни встрѣтитъ на своемъ пути.
Сумѣютъ-ли они остановить
Порывъ народной ярости и снова
Его на путь обычный возвратить?
Управятся-ли? (*задумывается*). Ну, а если нѣтъ!
Такъ я одна управиться сумѣю
И царскій духъ въ себѣ имъ докажу!
Народъ Москвы, хотя народъ крамольный,
Хотя онъ часто дружно возставалъ,
Когда ужъ очень круто приходилось
Ему отъ разныхъ ненасытныхъ рукъ;
Но никогда еще до сей поры
Онъ не дерзалъ включать въ свою расправу
Свой царскій родъ. Державныя права
Своихъ владыкъ онъ зорко охраняетъ,
И онъ поймetъ меня, и покорится,
Передъ моею твердостью смирится,
И изберетъ законнаго царя.

Сцена вторая.

Комната въ домѣ боярина Ивана Михайловича Милославскаго. Ночь.

Милославскій и Петръ Толстой.

МИЛОСЛАВСКІЙ (*Сидитъ у стола и просматриваетъ списокъ*).

Теперь готово все! А я ужъ думалъ,
Что Артамонъ избѣгнетъ нашихъ рукъ.

ПЕТРЪ ТОЛСТОЙ.

Какъ принимали-то! Въ былое время
Однимъ царямъ такой бывалъ почетъ.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Почетъ и мы дадимъ ему за это:
Недаромъ первымъ въ спискѣ онъ стоитъ. (*Смотритъ въ списокъ*).
Довольно ихъ! Нарышкиныхъ порода
Вся цѣликомъ прописана. Постой...
А вѣдь еще забыли приписать
Ивана Ѳомича—онъ парень ловкій
И можетъ быть опасенъ намъ потомъ.

ПЕТРЪ ТОЛСТОЙ.

Пиши иль нѣтъ, а вѣдомо стрѣльцамъ,
Что всю семью Нарышкиныхъ, какъ есть,
Въ конецъ известь! а главное Ивана,
Боярина съ козлиной бородой.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

И что за время нынече настало!
Молокососа, дерзкаго щенка.
Въ боярскій санъ почетный, величавый,
Вдругъ возвели и дали управлять
Надъ нами всѣми, вѣрными слугами
Почившаго во Господѣ Царя.
Бояринъ Ванька! Онъ еще ходить,
Какъ подобаетъ намъ, не научился;
Какъ молодой теленокъ все въ припрыжку,
Да какъ козелъ все скачетъ и юлитъ,
А тоже санъ боярскій, вишь, имѣетъ.
Сравняться съ нами вздумалъ; погоди!
Давно-ль твоя сестра въ лаптяхъ ходила.
А нынче стала матерью царя,
Такъ, думаешь, что нѣтъ на васъ расправы.
Почуешь, другъ! (*входитъ* дворецкій). Подайка-ка намъ медку!

ДВОРЕЦКІЙ.

Родимицѣ, да и шуту Никиткѣ
Прикажешь ждать, аль можно на покой?

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Пусть подождутъ! Успѣютъ нагуляться.

(*дворецкій уходитъ*).

(*Входятъ*: **Александръ Милославскій** *и* **Иванъ Толстой** *въ шубахъ и шапкахъ*).

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ (*не своимъ голосомъ*).

Здоровы-ли?

Милославскій (*тихо поднимаясь*).

Ты здѣсь! (*всматривается*). Тьфу, напужалъ!
Мнѣ показалось—будто Ванька вздумалъ
Ко мнѣ пожаловать.

ИВАНЪ ТОЛСТОЙ.

А вѣдь похожъ?
Да какъ отлично вышло!

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Знаешь, я
Ловлю стрѣльцовъ, встрѣчая по дорогѣ,
И бью ихъ крѣпко, а Иванъ Андреичъ
Знай приговариваетъ: „отпусти, бояринъ
Иванъ Кириловичъ, довольно, будетъ!“
А я-то пуще! „Погоди, кричу,
Не то еще васъ завтра ожидаетъ!
Всѣхъ перевѣшу!“ Ревъ такой поднялся,

Что слышно за́ версту. Ужъ стали всюду
Толпы стрѣльцовъ показываться—мы же
Другимъ путемъ заѣхали къ себѣ,
Перемѣнили сани, да степенно
Къ тебѣ пожаловали.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Ну, снимай доспѣхи!
Садись къ столу, да выкушай медку. (*къ Ив. Толстому*).
Иванъ Андреичъ, кушай на здоровье!
Не обезсудь! (*къ Петру Толстому*). И ты не отставай.

(*входитъ* ДВОРЕЦКІЙ).

ДВОРЕЦКІЙ.

Стрѣльцы пришли.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Такъ позови сюда!

(*Входятъ*: *подполковники*: **Цыклеръ**, **Оверовъ** *и стрѣльцы*: **Иванъ Гладкій**, **Оброснмъ Петровъ** *и* **Кузьма Чермный**.)

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*).

Прошу покорно! Сядьте здѣсь къ столу,
Да осушите кубки на здоровье! (*къ стрѣльцамъ*).
А вы, ребята, встаньте въ уголку,
Да чтобы васъ ко сну-то не клонило, (*къ дворецкому*).
Такъ принеси имъ добрый жбанъ медку,

И ковшикъ дай! (*дворецкій уходитъ*) Промачивайте глотку,
Чтобъ къ утру не охрипла невзначай.

(*Дворецкій приноситъ жбанъ меду, съ ковшомъ, ставитъ предъ стрѣльцами на окнѣ и уходитъ. Стрѣльцы кланяются и пьютъ*)

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*).

Ну, все, кажись, готово! Какъ у васъ?

ЦЫКЛЕРЪ.

У насъ, бояринъ, все кипитъ давно
И сдерживать ужъ больше невозможно!

ОЗЕРОВЪ.

Того гляди, что какъ-нибудь прорвутся,
Тогда не остановишь ужъ ничѣмъ.
Пойдетъ потѣха!

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ стрѣльцамъ*).

Черезъ часъ, къ разсвѣту,
Вы понагнать старайтесь въ кабаки
Стрѣльцовъ побольше. Не жалѣйте денегъ,
Поите всѣхъ, да умными рѣчами
Сумѣйте всѣхъ стрѣльцовъ одушевить
На дѣло важное, на лютую расправу
Съ измѣнниками нашего царя,
Законнаго наслѣдника престола.
Когда услышите на Троицкой набатъ,
Валите въ Кремль, да захватите пушки
И съ Богомъ начинайте вашъ правежъ!

Вотъ вамъ пока! (*вынимаетъ кошель съ деньгами. Черный подходитъ, цѣлуетъ у него руку и беретъ деньги*).

Потомъ прибавятъ больше.
За службу царь сумѣетъ наградить.

(*Стрѣльцы уходятъ*).

МИЛОСЛАВСКІЙ (*къ подполковникамъ*).

Вы, храбрые и вѣрные друзья,
Когда стрѣльцы сберутся ко дворцу,
Старайтесь тотчасъ всѣ въ Кремлѣ ворота,
Какъ крѣпкою стѣною оградить
И не пускайте чернаго народа,
Который любитъ всюду поглазѣть
На зрѣлище безплатное. Довольно
Въ Кремлѣ лишь вѣрнымъ быть стрѣльцамъ. Еще...
Вы припишите-ка... тамъ... въ вашемъ спискѣ...
Къ нарышкиной породѣ... упустили...
Мы стольника Ивана Ѳомича.

ЦЫКЛЕРЪ.

Зачѣмъ писать! И такъ давно ужъ знаемъ,
Что всю породу эту извести
Намъ нужно завтра.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Все таки на случай,
Чтобъ въ торопяхъ не позабыть кого.

ОЗЕРОВЪ.

Не позабудемъ! Положись, бояринъ,
На нашу память.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Вѣрному слугѣ
И отъ царя великая награда
За службу будетъ. Съ Богомъ! Въ добрый часъ!
А посошокъ въ дорогу позабыли?

(*Подполковники выпиваютъ кубки, кланяются и уходятъ.*)

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Ты Алексаша, да Иванъ Андреичъ,
Чуть только станетъ брезжиться заря,
Валяйте въ слободы, кричите громче,
Что, молъ, Нарышкины сегодня въ ночь
Царевича Ивана задушили!
Велите бить въ набатъ; сзывайте въ Кремль—
И пріѣзжайте слѣдомъ ко дворцу.
Я буду тамъ. А нынче отдохните.

АЛЕКСАНДРЪ МИЛОСЛАВСКІЙ.

Мы спать не будемъ. Прикажи-ка намъ
Подать медку, да если здѣсь Никитка,
Такъ разрѣши позвать его сюда;
Онъ дремоту сгонять умѣетъ ловко
И скоротаетъ время какъ-нибудь.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Никиткѣ время въ слободахъ работать,
Онъ тамъ нужнѣй; а вы и безъ него
Здѣсь обойдетесь. Ну, пойду и я!
Предъ Господомъ обычную молитву
На сонъ грядущій время совершить.
Прощайте, дѣти! (*Цѣлуетъ ихъ и уходитъ*).

ТОЛСТЫЕ.

Будь здоровъ, бояринъ!

Сцена третья.

Царскій кабакъ въ стрѣлецкой слободѣ. Разсвѣтъ. Слышенъ стукъ въ дверь.

ВОЛЧИХА. (*выходя изъ-за печки*)

Ишь, проклятые! Ни свѣтъ ни заря, а они ужъ опять лѣзутъ! (*Стукъ*) Успѣете! Дайте хоть волосникъ-то повязать! (*Стукъ и крики: отворяй тетка, а не то отсюда поможемъ! Живо!*) Иду, иду! (*отворяетъ дверь, входятъ шесть стрѣльцовъ*).

ПЕРВЫЙ.

Здорово, тетка! Аль не выспалась? Ишь, какая сердитая.

ВОЛЧИХА.

Когда отъ васъ покой будетъ? Съ вечера намаешься, а къ утру, еще солнышко не покажется, а ужъ вы опять лѣзете.

ВТОРОЙ.

Давай вина! На вотъ тебѣ, получай! За свои деньги всякій у тебя хозяинъ. (*Волчиха приноситъ вино*).

ПЕРВЫЙ.

Приспѣло и наше время. Знатно поработали! Досталось полковничкамъ, да и другихъ не забыли. Выпьемъ за ихъ здоровье, братцы! Чай не скоро шкура срастется; исполосовали!

ВТОРОЙ.

Мало денегъ съ нихъ взяли, вотъ что! Грабили они насъ десятками лѣтъ, а тутъ небось пожалѣли. Чай на половину спустили съ того, что межъ нами уговорено было. Вотъ ужъ и нѣтъ ничего!

ТРЕТІЙ.

Погоди! какъ заживетъ, опять потребуемъ. Не уйдутъ! (*Входятъ еще три стрѣльца*).

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А, ребята, вы ужъ съ утра за работой. Похвально! Труды-то ваши тяжкіе. Не помочь-ли?

ПЕРВЫЙ.

Для-че не помочь. Садись! Отколѣ путь держите? Мимоходомъ, что-ли, забрели?

ПЯТЫЙ.

Домой бредемъ. Вчера у малиновыхъ чертей, у Перхуровцевъ, такую выпивку учинили, что и ночевать остались. Не только ногъ—и головы не чуяли, есть ли на плечахъ, али нѣтъ!

ШЕСТОЙ.

Теперь ихъ опять зачѣмъ-то къ кабаку скликаютъ, а мы домой побрели. Эй, Волчиха, подавай вина! Голова трещитъ, словно расклепалась совсѣмъ. (*Волчиха подаетъ вино; всѣ садятся*).

ВТОРОЙ.

Недобрыя вѣсти вечоръ наслышались. Говорятъ—старый волкъ Юрьичъ *) зубы показать хочетъ. Розыскъ учинить собираются. Главныхъ заводчиковъ казнятъ, а прочихъ въ дальніе города сошлютъ; пуще всего на васъ, Астраханцевъ, злятся. Больно ужъ вы имъ солоно пришлись.

ПЕРВЫЙ.

Пущай злятся! Языкъ длиненъ, да руки коротки. Кого они противъ насъ поведутъ? Сами-то немного сдѣлаютъ,

*) Боярин Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, начальникъ Стрѣлецкаго приказа.

а вѣдь насъ вонъ сколько! Какъ встанемъ всѣ заодно —никто насъ не одолѣетъ.

(*Входятъ*: Тума *и еще нѣсколько стрѣльцовъ, за ними безмѣстный поп*ъ. *).

СЕДЬМОЙ.

Стой, братцы! На дневку пришли! Приведетъ Богъ, такъ и заночуемъ тутъ же. Волчиха! Подноси, что-ли. Аль не замѣтила?

ВОЛЧИХА.

Какъ тебя, окаяннаго, не замѣтить—изъ кабака не лѣзешь.

СЕДЬМОЙ.

Такъ чего-жъ ты ротъ-то разинула? Подноси! (*бросаетъ ей деньги. Волчиха подаетъ вино*).

ВОЛЧИХА.

Пей, луженая утроба! Вонъ, говорятъ, и до васъ добираются. Не миновать тебѣ висѣлицы, заводчику.

СЕДЬМОЙ.

Кто-жъ бы это добираться могъ?

---

*) Такъ назывались попы, лишенные своихъ мѣстъ, но не сана, за неграмотность или пороки. Въ одной Москвѣ число ихъ было довольно значительно. Обычнымъ мѣстомъ ихъ сборища были Спасскіе ворота въ Кремлѣ, гдѣ, за ничтожную цѣну, они служили панихиды и молебны или, для той же цѣли, приглашались и на домъ.

ВТОРОЙ.

Бояре, говорятъ. Нарышкинское сѣмя, да Матвѣевъ съ нашей бочкой Юрьичемъ.

СЕДЬМОЙ.

А Матвѣевъ отколѣ взялся? Аль воротили?

ТРЕТІЙ.

Еще-бы! Своими глазами видѣлъ. И царей такъ не встрѣчаютъ, какъ его встрѣтили. Говорятъ—и отъ насъ хлѣбъ-соль подносили.

ТУМА.

А и вернулся, такъ не много подѣлаетъ. За насъ царевна стоитъ; заступница!

(*Входитъ* шутъ *съ двумя стрѣльчихами*).

ГОЛОСА.

А вотъ и Никита Бояновичъ съ козами пришелъ. Здорово, Никита! Здорово, косой! Давно тебя ждемъ. Милости просимъ! Повесели!

ШУТЪ.

Честному народу наше нижайшее, отъ кабака ближайшее! Всѣмъ головамъ кабацкимъ, сотникамъ, пятисотскимъ, пьяницамъ, скляницамъ и тебѣ, мать-Волчиха, поклонъ! Много ли посуды опорожнили, родимые?

ПЕРВЫЙ.

Довольно! Присядь Никитушка, потолкуемъ. Безъ тебя и разгулу нѣтъ.

ШУТЪ (*къ Волчихѣ*)

Дурману не нужно ли, тетушка? Коли у тебя весь вышелъ—свѣженькаго подпущу, самаго забористаго.

ВОЛЧИХА.

Здорово, Никитушка, здорово! Не нужно мнѣ твоего дурмана.

ШУТЪ (*садится*).

Дай-ка, мать-Волчиха, молочка для старичка. (*Къ стрѣльчихамъ*) А вы что-жъ, разлапушки? Садитесь, пока ноги держатъ, да голова не перевѣшиваетъ.

ПЕРВЫЙ.

Откуда ты ихъ привелъ?

ШУТЪ.

Съ улицы, братъ. Онѣ вѣдь у васъ убогія, босоногія, а тоже пить хотятъ.

ВТОРОЙ.

Откуда тебя-то самого принесло? Вѣстей не захватилъ-ли?

ШУТЪ.

Есть, голова, вѣсти пудовъ въ двѣсти, да все вѣсти недобрыя.

ПЕРВЫЙ.

А что? Здорова ли царевна, наша кормилица?

ШУТЪ.

Здорова-то, здорова. Да ужъ больно страху натерпѣлась. Чуть самой не досталось!

ВТОРОЙ.

Выпьемъ за ея здоровье, ребята! Подай ей Богъ! Вотъ такъ! (*выпиваетъ залпомъ*).

ШУТЪ.

Стой! Борода-то у тебя густая, а голова пустая. Нешто за ея государское здоровье такъ пьютъ? Эй, Волчиха! Давай ведро! Бери, братцы, разбирай посудину! Наливай! Готово, что-ли? (*Волчиха, при помощи стрѣльцовъ, приноситъ ведро, стрѣльцы разбираютъ посуду и толпятся около ведра*).

ГОЛОСА.

Готово! готово!

ШУТЪ (*встаетъ, подходитъ къ ведру и зачерпнувъ вина*).

За матушку-царевну Софью Алексѣевну! За ея государское здоровье! Подай ей Богъ всякаго благополучія за ея милосердіе, что нашего брата не забываетъ, во всякой бѣдѣ помогаетъ. Любо-ли?

ГОЛОСА.

Любо, любо! Давай Богъ!

(*Пока стрѣльцы толпятся около ведра, шутъ съ Тумой отходятъ въ сторону*).

ТУМА (*вполголоса*)

Ну что-жъ? Скоро ли за дѣло приниматься велятъ?

ШУТЪ.

Сегодня.

ТУМА.

Когда же?

ШУТЪ.

Ступай на Троицкую колокольню. Какъ завидишь конныхъ Милославскаго, да Петра Толстого, такъ и валяй въ набатъ! А ужъ я ихъ тутъ науськаю. Какъ по маслу пойдетъ.

(*Тума незамѣтно уходитъ*).

ПЕРВЫЙ.

Что-жъ они, проклятые, съ царевной сдѣлали. Говори!

ШУТЪ.

Вотъ какое дѣло было, страшное дѣло! Ужъ какихъ какихъ штукъ не творилъ этотъ собачій сынъ Ванька Нарышкинъ, а вотъ еще что выдумалъ—царскій вѣнецъ на себя наложилъ.

ГОЛОСА.

Ахъ онъ поганецъ! Царскій вѣнецъ! Да какъ это у него голова еще не отвалилась!

ШУТЪ.

Да это еще что! Въ царскую одежу облачился и на тронъ государевъ сѣлъ. Никому. говоритъ, такъ вѣнецъ не присталъ, какъ мнѣ. (*выраженіе общаго негодованія*). Тутъ же и царевичъ Иванъ былъ, котораго престоломъ обошли Нарышкинцы, и матушка-царевна. Стала это она его попрекать, а онъ, татаринъ, кинулся на царевича, да и ну его душить. Досталось и царевнѣ; насилу отбили поганца.

ГОЛОСА.

Ахъ онъ душегубъ окаянный! На колъ его! На висѣлицу! И съ породой-то всей!

ШУТЪ.

Стой! Не горлань да не лай, а пей да на усъ мотай! Придетъ время, все припомнимъ. Не миновать ему стрѣлецкой расправы. Эй, Волчиха, давай еще! За царевича здоровье пить будемъ. Надо бы ему царемъ быть, да и будетъ, когда время придетъ.

(*Приносятъ другое ведро и пьютъ*).

ШУТЪ (*къ попу*)

Тебя, честной отецъ, какимъ вѣтромъ занесло? Ишь чутье-то у тебя какое тонкое.

ПОПЪ *).

У меня, братъ, здѣсь мѣсто нагрѣтое; часто бываю.

ШУТЪ.

Что, видно надоѣло у Спаса торчать? Много тамъ вашего брата нынѣ развелось, оттого и дѣло перевелось. Какъ мертваго поминать пойдешь, такъ на одного мертваго десятокъ вашего брата за алтынъ наймешь.

ПОПЪ.

Много-то много! Это ты правду молвишь. Совсѣмъ работы нѣтъ. Чтобы вамъ, храбрые вои, хоть правежъ какой учинить.

ПЕРВЫЙ.

А тебѣ зачѣмъ?

ПОПЪ.

По крайности хоть панаѳидки потребовались бы, али молебны. Ну, и перепала бы малая толика. А то совсѣмъ народъ отъ рукъ отбился и въ Бога не вѣруетъ.

ШУТЪ.

Да ты по какимъ книгамъ, по старымъ аль по справленнымъ панаѳидки-то служишь?

*) При постановкѣ на сцену мѣсто попа замѣняетъ странникъ.

ПОПЪ.

Я, братъ, ни по какимъ, а по памяти. Съ малолѣтства былъ при этомъ дѣлѣ—и пріобыкъ, и выучилъ. А въ грамотѣ я не горазднъ, едва бреду. Гдѣ-гдѣ слово разберу. Мудрена она грамота-то.

ПЕРВЫЙ.

Что, братцы, сидѣть; ноги чешутся! Валяй Никита Ивановичъ, потревожь балалаицу!

ГОЛОСА.

Валяй Никита! Начинай! Да съ пѣснею! Важно! Ухъ!

ШУТЪ.

Становись въ кругъ! Эй ты, Офемья, поднимай руки, становись противъ! Съ тобой ходчѣе!

ОФЕМЬЯ.

И одинъ начнешь; ишь, тѣсно какъ!

ШУТЪ.

Говорятъ—становись! а не то, знаешь, такъ свистну—собакою залаешь! Ну, вотъ такъ! Раздайся ребята! Эхъ, баба, баба! Безъ грозы хуже козы! Ну, подтягивай!

ШУТЪ (*наигрываетъ на балалайкѣ и поетъ*)

Ходи баба, ходи два,
Ходи ягода моя!

ОФЕМЬЯ (*поетъ*)

Ходитъ баба, хожу я
И головушка моя!

ШУТЪ.

Слушай баба, коль пришлось,
Съ чего дѣло началось.

ОФЕМЬЯ.

А съ чего-бъ ни началось,
Лишь бы ладно обошлось.

ШУТЪ (*къ толпѣ*)

Сказывать, что-ли?

ГОЛОСА.

Сказывай, сказывай!

ШУТЪ.

Какъ Нарышка-то мальчишка
Вздумалъ царствомъ управлять.

ОФЕМЬЯ.

А стрѣльцы-то не допустятъ,
Его вóзьмутъ, да казнятъ.

ШУТЪ.

А царица разозлится
И стрѣльцовъ всѣхъ изведетъ.

ОФЕМЬЯ.

А царевна не допуститъ
И въ отвѣтъ за нихъ пойдетъ.

ШУТЪ И ОФЕМЬЯ (*вмѣстѣ*)

Ахъ стрѣльцы, стрѣльцы, стрѣльцы,
Боевые молодцы!
За царевну всѣ горой,
Не хотятъ царицы злой!

ШУТЪ.

Ну, ходи, разговаривай! Живо! Эхъ вы!
Ходи баба ходенемъ,
Ходи ночью, ходи днемъ,
Ходи домъ, ходи дворъ,
Ходи вся слобода!

(*Начинается общая пляска. Въ это время раздается звукъ набата. Въ кабакъ вбѣгаетъ толпа стрѣльцовъ*).

ГОЛОСА.

Въ Кремль ребята! Живо! Нарышкины царевича задушили! Изъ дворца послы прискакали! Живо!

ТОЛПА.

Въ Кремль! въ Кремль! Смерть Нарышкинымъ! Смерть!

(*Всѣ убѣгаютъ за исключеніемъ шута и попа. Въ сумятохѣ одинъ изъ стрѣльцовъ хватаетъ штофъ, Волчиха бѣжитъ за нимъ*)

ШУТЪ.

Куда, тетка! Постой! За однимъ погонишься, всѣ разтаскаютъ.

ВОЛЧИХА (*возвращаясь*).

Ахъ онъ окаянный, мошенникъ эдакой!

ШУТЪ.

Ну, пошла потѣха! (*къ попу*) А ты, отче, чего зазѣвался? Ступай, перепадетъ нынче и тебѣ.

ПОПЪ.

Рано еще, родимый! Мое дѣло къ вечеру понадобится. (*къ Волчихѣ*). Матушка-Волчиха, отпусти въ долгъ. Завтра, вѣрно, деньги принесу.

ВОЛЧИХА.

Когда принесешь, тогда и спрашивай. Ступай, пока ноги держатъ!

ПОПЪ.

Эхъ ты, черствая душа! (*уходитъ*)

ШУТЪ.

Ну, Кирилычъ! Ты у меня клокъ волосъ изъ бороды вырвалъ, а теперь твоя вся цѣла останется—вмѣстѣ съ головой отвалится.

КОНЕЦЪ I-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

(31 Мая 1682 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царевна Софья.
Боярин Иванъ Михайловичъ Милославскій.
Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.
Іоакимъ—патріархъ *)
Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, думный дьякъ.

Митрополиты, архіереи со всѣмъ духовнымъ соборомъ, бояре, думные люди, дьяки и пр.

Сѣни передъ Спасскою церковью во дворцѣ.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Благодаренье Господу! Опять
Для насъ пришла минувшая пора,
И родъ почившей праведной царицы
Маріи Ильичны **) беретъ свои права

---

*) При постановкѣ на сцену—старшій боярин.

**) Первая жена царя Алексѣя Михайловича изъ рода Милославскихъ.

Въ лицѣ царевны Софьи. Подивился
Невольно я ея не женской волѣ,
Напомнившей усопшаго царя
И самодержца Руси Алексѣя.
Когда поднялись грозные стрѣльцы
И ворвалися пьяною толпою,
Какъ стадо псовъ, въ кремлевскія палаты,
Въ исконное жилище государей,
Когда предъ ними жалкая порода
Приверженцевъ царицы разбѣжалась
И пряталась, какъ дѣти, по постелямъ
Да тайникамъ,—одна царевна Софья
Не потеряла головы и смѣло,
Въ права царя вступивъ, остановила
Мятежъ кровавый, усмирила разомъ
Толпы стрѣльцовъ и водворила всюду
Порядокъ и спокойствіе.

(*Входитъ* Софья)

СОФЬЯ.

Зачѣмъ
Ты звалъ меня?

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Меня опять прислали
Просить тебя: дозволь еще хоть разъ,
Въ послѣдній разъ твои увидѣть очи,
И снова всѣмъ съ покорною мольбой
Тебѣ челомъ ударить, чтобы царство
Ты не забыла милостью своей.

Въ *послѣдній* разъ, царевна! не упорствуй!
Склонись на то, что ужъ на самомъ дѣлѣ
Тебѣ одной принадлежитъ. Пора!

СОФЬЯ.

Я объявила имъ свое рѣшенье;
Я ихъ просила выбрать межъ собой
Достойнаго блюстителя престола.
Пускай придутъ, не въ правѣ отказать
Я просьбѣ ихъ мои увидѣть очи.
Быть можетъ, мнѣ укажутъ и того,
Кого они достойнѣйшимъ считаютъ
Взять на себя тяжелыя заботы
Правленья царствомъ. Жду ихъ! Позови!

(*Милославскій уходитъ*).

СОФЬЯ.

Теперь пора! Я знала хорошо,
Что безъ меня они не обойдутся.
Довольно я отказывалась, время
Мнѣ снизойти на общую мольбу
И сдѣлаться правительницей царства.

(*Входятъ: патріархъ, митрополиты, архіереи со всѣмъ духовнымъ соборомъ, бояре, думные, люди, дьяки и пр.*)

СОФЬЯ (*ко всѣмъ*)

Намъ доложилъ бояринъ Милославскій,
Что, пообдумавъ зрѣло межъ собой,
Вы пожелали снова передъ очи
Мои предстать. Должно быть, обсудили

Вы рѣчь мою и, съ общаго совѣта,
Избрали мужа, близкаго къ царямъ,
Знакомаго съ заботами правленья
И зрѣлаго годами, да умомъ.
Скажите, кто онъ? дабы. вмѣстѣ съ вами,
И я могла бы упросить его
Не отказать всеобщему желанью
И тяжкій трудъ правленья государствомъ
Принять съ смиреньемъ. Кто онъ?

ПАТРІАРХЪ.

Межъ собой
Мы совѣщались долго—но напрасно
Искали всѣ, кто могъ бы замѣнить
Намъ, государыня, тебя; не даромъ
На совѣщаньи нашемъ всѣ согласно
Въ отвѣтъ твое лишь имя произносятъ.
Мы всѣ къ тебѣ еще разъ припадаемъ
И слезною мольбою умоляемъ:
Не оставляй ты насъ своихъ сиротъ.
Помилосердуй! претвори на милость
Свое ты сердце. Лишь о томъ помысли,
Что безъ тебя напрасно ожидать
Въ Москвѣ спокойствія; что снова смуты
Повсюду вспыхнутъ; что пойдутъ раздоры
Между народомъ, да и промежъ насъ
Не будетъ мира. Только ты одна,
Великая пресвѣтлая царевна,
Своею твердой царственной рукой,

Принять способна управленье царствомъ
И водворить спокойствіе и миръ.
Не откажи же, слезно умоляемъ!
Не отпускай ты насъ съ печалью тяжкой.
Возрадуй всѣхъ согласіемъ—и съ миромъ
Насъ отпусти, чтобы могли народъ
Мы успокоить вѣстію желанной.
Помилосердуй! *(всѣ становятся на колѣни)*.

СОФЬЯ.

Встаньте! Какъ ни тяжко
Мнѣ огорчать отказомъ васъ, но снова
Я повторить вамъ прежнее должна.
Негожа я. Мой слабый женскій умъ
Не въ силахъ справиться съ такой заботой,
Какъ управленье царствомъ. Изберите
Изъ думы царской, изъ владыкъ духовныхъ,
Совѣтъ достойный, какъ бывало прежде
Въ подобные же смутные года.
И будетъ онъ всѣмъ править государствомъ
За малолѣтствомъ избранныхъ царей.

ПАТРІАРХЪ.

Совѣтъ—совѣтомъ, но и надъ совѣтомъ,
Какъ головѣ надъ тѣломъ, быть должно
Лишь одному правителю. Не даромъ
И воля Божія, и голосъ всѣхъ бояръ,
И общее желаніе народа
Намъ указуютъ на тебя. Смирись,

Царевна Софья! Не смущай напрасно
Своимъ отказомъ тишины народиой.
Которую тебѣ лишь удалось
Такъ водворить разумно. Не противься!
Прими, прими!

ГОЛОСА.

Прими, не откажи!
Ты разумъ свой на дѣлѣ доказала!
То воля Божія! Прими, прими!

СОФЬЯ.

Предъ волею народа, передъ вами
Царей московскихъ вѣрными слугами,
Сподвижниками моего отца,
И предъ тобой, святѣйшій патріархъ,
Который нынѣ вѣщими устами
Мнѣ волю Божію изрекъ—я не дерзаю
И не имѣю силы устоять
Въ моемъ рѣшеньи. Милостивъ Господь!
И если онъ грѣхамъ моимъ потерпитъ
И дастъ мнѣ силу, мудрость и совѣтъ,
Готова я принять святое бремя
Правительницы царства всей Руси.
Я принимаю власть—и постараюсь
Ее всецѣло передать царямъ,
Когда на то приспѣетъ время; вы-же—
Вы будете мнѣ дружно помогать
Въ великомъ дѣлѣ. Ты, святой отецъ,

Ты будешь мнѣ совѣтникомъ, въ которомъ
Я такъ нуждаюсь сильно. Вы, бояре,
Поддержите избранницу свою
И въ дѣлѣ думномъ, и въ совѣтахъ ратныхъ,
И въ управленьи государствомъ—всюду,
Гдѣ я безъ васъ не въ силахъ обойтись.
Я соглашаюсь. Объявите всѣмъ,
Что я, сестра и дочь царя, царевна Софья,
Склонясь на просьбы избранныхъ людей
Отъ всей Москвы, соизволеньемъ Бога
И милостью Владычицы пречистой,
Беру бразды правленья—сохраню,
При вашей помощи, ихъ честно и достойно
И передамъ, когда придетъ пора,
Ихъ, какъ святыню, нашимъ государямъ.
Теперь ступайте! Изберу достойныхъ
Я между вами и, призвавъ къ себѣ,
Имъ объявлю свои распоряженья,
Кому что вѣдать. Ты-жъ, святой отецъ,
Мнѣ испроси благословенье Бога
На тягость власти, принятую мной.

ПАТРІАРХЪ.

Благослови тебя Владыко міра
За доброту достойную твою.

ГОЛОСА.

Благодаренье Господу! Спасибо,
Что не оставила сиротъ своихъ! Прими

Поклонъ земной за мудрое рѣшенье!
Да умудритъ тебя во всемъ Господь!

(*Всѣ, кромѣ Софьи, уходятъ*).

СОФЬЯ.

Свершилось! То, о чемъ я такъ мечтала,
Что въ грезахъ мимолетныхъ лишь смущало
Мой юный духъ—исполнилось. Теперь
Я буду властвовать надъ всѣми! Боже правый,
Невидимый владыка, помоги
Мнѣ быть достойной выбора народа,
Въ которомъ воля лишь твоя видна!
Благослови меня на тяжкій подвигъ
И даждь мнѣ силы, мудрость и совѣтъ
Во всемъ достойной моего отца
И государя сдѣлаться. (*стучитъ ногой; входитъ спальникъ*).
Попроси
Пожаловать ко мнѣ бояръ Ивана
Михайлыча, Василія Васильича, да съ ними
И Шакловитаго, дьяка; скажи,
Чтобъ вмѣстѣ всѣ пришли. (*спальникъ уходитъ*). Сегодня я
Лишь съ ними побесѣдую; о прочемъ
Успѣемъ послѣ.

(*Входятъ* **Милославскій, Голицынъ и Шакловитый**).

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Мой поклонъ земной
Правительницѣ царства! Древній родъ
Служилый Милославскихъ оказался

Вполнѣ достойнымъ почести такой
Въ лицѣ твоемъ, царевна. Что прикажешь
Твоимъ слугамъ покорнымъ?

СОФЬЯ.

Въ этотъ день,
Столь для меня великій, не могла
Я позабыть, бояринъ, всѣ услуги,
Которыя оказывалъ ты мнѣ
Въ минуты тяжкія, въ былое время,
Когда мятежъ безумно бушевалъ
И ужъ грозилъ кровавою волною
Залить Москву. Тогда твои совѣты
Мнѣ послужили много, помогли
Смирить народъ, что̀ вздумалъ самовластно
Творить свой судъ надъ дерзкимъ беззаконьемъ,
И водворить вездѣ порядокъ. Нынѣ,
Прими бояринъ нашу благодарность
И нашъ поклонъ. *(кланяется)*. Чтобъ отличить достойно,
Я возлагаю на тебѣ сегодня-жъ
Почетнѣйшую службу: отправляйся
И объяви ты отрокамъ-царямъ
Рѣшенье наше. Да узнаютъ всѣ,
Что съ этой вѣстью, столь для нихъ желанной,
Я посылаю именно тебя,
Изъ всѣхъ бояръ, по роду и усердью,
Достойнѣйшаго нашего слугу.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Поклонъ земной за милость! (*кланяется, дотрагиваясь правою рукою до полу*). И готовъ
Тебѣ служить я вѣрно до могилы,
Которую ужъ мнѣ не долго ждать. (*уходитъ*).

СОФЬЯ (*къ Шакловитому*).

А ты, Ѳедоръ Леонтьичъ, поѣзжай
Къ боярину Хованскому; снеси
Ему поклонъ нашъ. Сожалѣемъ очень,
Что тяжкая болѣзнь позадержала
Его въ постели. А затѣмъ поѣдешь
Ты въ слободы стрѣлецкія и тамъ
Повѣдай всѣмъ, что волею Господней.
Склонясь на просьбы слезныя бояръ,
Властей духовныхъ и самихъ царей,
Рѣшилась я принять бразды правленья,
О чемъ тебя послала повѣстить
Полки стрѣлецкіе, которыхъ службу
И важныя заслуги оцѣнить
И наградить достойно я сумѣю.
Вели имъ дать изъ царскихъ погребовъ
Вина и меду вдоволь, пусть пируютъ
И празднуютъ весельемъ этотъ день.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Исполню, государыня. (*уходитъ*).

СОФЬЯ.

А ты,
Бояринъ, что теперь намъ скажешь?
Послушаемъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты призвала меня.
Приказывай, и я исполню все,
Что повелѣть мнѣ нынѣ соизволишь.
Правительница царства!

СОФЬЯ (*ласково*).

Ну такъ слушай!
Правительница я—но для тебя
Все та-же Сонюшка, твоя голубка,
Которой ты такъ дорогъ. Свѣтъ мой, Вася,
Голубчикъ мой! Теперь я дамъ тебѣ
Возможность быть со мною чаще. Ну же,
Пріободрись! Иль я ужъ такъ страшна,
Что навожу лишь ужасъ?

ГОЛИЦЫНЪ.

Онѣмѣетъ
Во рту языкъ, когда въ ушахъ раздастся
Твоя холодно-царственная рѣчь.
Ты женщина, какой еще доселѣ
Я не видалъ у насъ, и предъ тобой
Невольно подгибаются колѣни,
Какъ гнулись только предъ твоимъ отцомъ.
(*становится на колѣни*).

СОФЬЯ.

Встань! Если это правда, такъ прими-же
Ты нашъ холодно-царскій поцѣлуй.
(*Цѣлуетъ его въ лобъ. Голицынъ встаетъ*).
Родной ты мой! Правительницѣ царства,
Великой государынѣ, нѣтъ мѣста
Отраднѣе, чѣмъ у твоей груди!
(*Склоняется къ нему на грудь*).
Теперь ступай и ожидай посла,
Котораго пришлю я звать откушать
Тебя, мой милый! Соберу сегодня
Вокругъ себя я вѣрныхъ слугъ моихъ
И съ ними проведу въ живой бесѣдѣ
Мой первый день правленья. Милый мой!
(*Цѣлуетъ Голицына и уходитъ*).

ГОЛИЦЫНЪ.

Правительница царства—а со мной
Все такъ-же ласкова. О Боже, Боже,
Что предстоитъ мнѣ! Страшно и подумать,
Чего теперь достигнуть я могу.

КОНЕЦЪ 2-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

(въ 1686 году).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царевна Софья.
Боярин Иванъ Михайловичъ Милославскій.
Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.
Панъ Криштофъ Гримультовскій.
Князь Александръ Огинскій.
Панъ Александръ Пріемскій.
Панъ Янъ Потоцкій.
} польскіе послы.

Украинцевъ.
Возницынъ.
} думные дьяки.

Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа.

Сильвестръ Медвѣдевъ, настоятель Заиконоспасскаго монастыря.

Павлюкъ Силинъ, колдунъ изъ Литвы.
Арсеній, послушникъ.
Стольникъ.
Первый
Второй
} бояре.

Бояре, боярыни, карлицы и пр.

Сцена первая.

Золотая палата подъ Спасскою церковью во дворцѣ. Съ боку, на государевомъ мѣстѣ, кресло оправное съ алмазными запонами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него съ обѣихъ сторонъ по двѣ боярыни вдовы въ убрусахъ и телогрѣяхъ и по двѣ карлицы, перевязки на нихъ низанныя, шубы золотыя на соболяхъ. По стѣнамъ сидятъ съ каждой стороны, на лавкахъ, ближніе бояре, окольничьи и дьяки.

Князь **Голицынъ** *и боярин* **Милославскій** *ходятъ по палатѣ.*

ГОЛИЦЫНЪ.

Сейчасъ должны придти.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Напрасно только
Ихъ допустила матушка-царевна
Сперва къ царямъ. Вѣдь править государствомъ
Теперь она, и слѣдовало-бъ ей
Отъ имени царей чинить присягу
На вѣрность миру. А цари малы́,
И учинять присягу имъ негоже
Въ такія лѣта.

ГОЛИЦЫНЪ.

Я ужъ говорилъ
Тебѣ, бояринъ, почему царевна
Такъ не могла устроить дѣло.

МИЛОСЛАВСКІЙ.

Вздоръ!
Лишь захотѣла-бы,—никто перечить
Ей не осмѣлится.

(*Входитъ* СТОЛЬНИКЪ).

СТОЛЬНИКЪ.

Идутъ, бояринъ!

(*Голицынъ уходитъ*).

МИЛОСЛАВСКІЙ (*вполголоса*).

Кого полюбитъ баба, такъ того
Ничѣмъ не пересилишь. Приворотитъ
Почище зелья всякаго—и мнѣ
Бороться съ нимъ, напрасный трудъ выходитъ.

Входитъ **Софья** *въ вѣнцѣ низанномъ изъ жемчуга, съ запонами и въ шубѣ оксамитной, золотой, собольей, опушенной соболями, обложенной большимъ кружевомъ, и садится на кресло. Возлѣ нея становятся: слѣва—Голицынъ, справа—Милославскій.*

СОФЬЯ (*къ стольнику*).

Скажи, что мы принять пословъ готовы.

(*Стольникъ уходитъ*).

(*Входятъ: думный дьякъ* **Украинцевъ**, *за нимъ польскіе послы:* **Гримультовскій** *князь* **Огинскій**, **Пріемскій** *и* **Потоцкій**. *За ними* **Шакловитый** *и два стрѣлецкіе полковника.*

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Русѝ!
Предъ очи свѣтлыя твои предстали,
И бьютъ тебѣ челомъ передъ отъѣздомъ
Послы державнѣйшаго короля
И Рѣчи Посполи́той всей.

(*Послы кланяются*).

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*).

Скажи,
Что жалуемъ мы ихъ къ своей рукѣ.

УКРАИНЦЕВЪ (*къ послам*ъ).

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси
Васъ жаловать къ рукѣ своей изволитъ.

(*Послы подходятъ по очереди, цѣлуютъ у Софьи руку и отходятъ на прежнее мѣсто*).

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*).

Скажи, что мы желаемъ знать, здоровы-ль
Державнѣйшаго короля послы?

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя и Бѣлыя Руси,

По милости своей неизрѣченной,
Васъ приказала опросить здоровы-ль?
Тебя, ясневельможный и яснѣйшій,
Маршалокъ королевина двора,
Панъ Криштофъ съ Гримультовицъ Гримультовскій,
Познанскій Воевода, и тебя,
Ясневельможный пане Александръ
Съ Козельска князь Огинскій, графъ въ Дубровнѣ
И канцлеръ княжества Литовскаго,
А также и тебя, ясневельможный
Панъ Александръ Пріемскій, что̀ въ Остринѣ
Подстоліемъ короннымъ, и тебя
Вельможный панъ съ Потока Янъ Потоцкій,
Старо́ста Каменецкій.

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Дай Господь
Тебѣ, Великой Самодержицѣ Царевнѣ,
Здоровой быть на многіе года!
А мы, по милосердію Господню
Да по твоей великой милости, здоровы.

СОФЬЯ (*къ послам*ъ).

Великіе Цари и Государи
Уговоренный вѣчный миръ изволятъ
Держать, безъ всякихъ нарушеній, крѣпко;
Надѣются, что также поступать
И Королевское Величество изволитъ?

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Наияснѣйшій и державнѣйшій король,
Пресвѣтлое Величество всегда
Своихъ пословъ слова содержитъ крѣпко.
Надѣется и онъ, что Государи
Блюсти по правдѣ станутъ договоръ,
Межъ нами установленный на вѣки.

СОФЬЯ (*къ Украинцеву*).

Скажи, что мы достойно оцѣнили
Труды пословъ, съ которыми пришлось
Намъ заключить желанный, вѣчный миръ
И кончить споръ столь давній. Объяви,
Что нынѣ мы ихъ съ миромъ отпускаемъ
Въ далекій путь и съ нашего стола
Ихъ жалуемъ и явствомъ, и питьемъ.

УКРАИНЦЕВЪ.

Великая и благовѣрная Царевна
И Самодержица всея Великія
И Малыя, и Бѣлыя Руси,
Цѣня достойно ваши всѣ труды,
При помощи которыхъ довелося
Покончить споръ, давно уже возникшій,
И заключить желанный, вѣчный миръ—
Васъ отпускаетъ съ миромъ въ путь далекій,
И въ знакъ своей къ вамъ милости изволитъ
Васъ жаловать и явствомъ, и питьемъ
Съ ея, Великой Государыни, стола.

ГРИМУЛЬТОВСКІЙ.

Мы сохранимъ въ признательныхъ сердцахъ
Изъ устъ Царевны слышанную милость—
И дай ей Богъ, по благости своей,
На много лѣтъ желаннаго здоровья!

(*Послы кланяются и уходятъ*).

СОФЬЯ (*встаетъ*).

Благодаренье Господу! Сподобилъ
Онъ милостью своей неизрѣченной
Намъ древній Кіевъ удержать; отнынѣ
Онъ снова нашъ, и больше никогда
Мы никому его ужъ не уступимъ!

(*Сходитъ съ трона и, проходя мимо дьяка Возницына, останавливается*).

Ты намъ докладывалъ намедни, утромъ,
Что французане лютеровой вѣры,
Ихъ королемъ Людовикомъ за то,
Что не хотятъ къ папежству обратиться,
Изъ королевства изгнаны и просятъ
Явить къ нимъ милость, въ службу ихъ принять,
Или дозволить выселиться къ намъ,
Торговлею заняться, ремеслами,
И насъ всему, что знаютъ, научить?

ВОЗНИЦЫНЪ.

Такъ, государыня!

СОФЬЯ.

Они народъ надежный?

ВОЗНИЦЫНЪ.

Не знаю. Только свейскій резидентъ
Мнѣ говорилъ, что ихъ король охотно
Имъ разрѣшилъ селиться у себя
И многихъ въ службу принялъ. И изъ Польши
Доносятъ намъ, что эти французане
Живутъ по чести, трудовой народъ,
И намъ полезны будутъ.

СОФЬЯ.

Прикажи же
На рубежахъ повсюду имъ чинить
Свободный пропускъ. Тѣхъ, кто пожелаетъ,
Служить намъ въ дѣлѣ ратномъ, допустить
И записать въ полки, смотря по званью,
Какое кто носилъ въ своей землѣ;
А тѣхъ, кто ремесломъ или торговлей
Заняться хочетъ, записать накажешь
Гостями ихъ, и дать имъ тѣ же льготы,
Которыми гостиный людъ владѣетъ.
Такіе люди нужны намъ, за ними
И нашъ народъ потянетъ и, конечно,
Полезное сумѣетъ перенять.

(Уходитъ. Всѣ расходятся).

(Два боярина).

ПЕРВЫЙ (*вполголоса*)

И самодержицей ужъ стала величаться.

ВТОРОЙ (*тихо*)

Какъ поживемъ, не то еще увидимъ.
(*Замѣтивъ подходящаго Шакловитаго, громко*)
Премудра какъ, да царски величава—
И правитъ царствомъ такъ, что всѣмъ на радость.

ПЕРВЫЙ.

Ужъ невозможно лучше и желать.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да, эдакаго мира не случалось
Еще царямъ московскимъ заключать.

Сцена вторая.

Келья Медвѣдева въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ. Ночь. **Шакловитый** *и* **Медвѣдевъ** *сидятъ у стола.*

МЕДВѢДЕВЪ.

Такъ... хорошо.. И польскіе послы
Челомъ ей били розно отъ царей,
И самодержицею даже величали?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да, величали. Отъ нея самой
Теперь зависитъ кончить это дѣло
И самодержицею сдѣлаться вполнѣ.

МЕДВѢДЕВЪ.

Правда, правда! Надобно рѣшиться
Ей на себя корону возложить;
А иначе не будетъ никогда
Царевны власть незыблемо спокойна.
Теперь пока никто не прекословитъ;
Но царь меньшой, когда войдетъ въ года,
Ужъ не захочетъ больше подчиняться
И вырветъ власть.

ШАКЛОВИТЫЙ.

А старшій царь на что?
Онъ не допуститъ! Да и Петръ едва-ли
Протянетъ долго. Говорятъ, что съ нимъ
Случаются припадки бѣсованья
И порчи тяжкой, вотъ зачѣмъ его
И изъ Москвы царица увезла.

МЕДВѢДЕВЪ.

Не догадалась мудрая царевна
Вѣнчаться съ государями на царство
Въ ту смутную пору́, когда ее
На управленье государствомъ звали.
Тогда бы всѣ на это согласились,

И повѣнчали бы, и ужъ крѣпка
Она на царствѣ стала бы, а нынѣ...

ШАКЛОВИТЫЙ.

А нынѣ что-жъ?

МЕДВѢДЕВЪ.

Крѣпка, да не совсѣмъ.
Противъ нея давно ужъ козни точатъ
Бояре многіе, и даже патріархъ
На видъ покоренъ ей, но втихомолку,
Въ кругу своихъ, такое говоритъ,
Что срамно слушать.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Пусть себѣ толкуетъ!
Отъ словъ не станется. Пока держу
Въ своихъ рукахъ стрѣлецкіе полки,
Я не боюсь ихъ болтовни. Царевнѣ
Стрѣльцы послушны будутъ; противъ нихъ-же
Никто не станетъ спорить.

МЕДВѢДЕВЪ.

Слова нѣтъ!
Съ такою силой можетъ всякій править,
Пока она послушна. Но ты знаешь,
Что вѣдь она надежна не совсѣмъ.
И если только патріархъ подниметъ
Противъ нея служилыхъ да народъ,
Такъ и стрѣльцы...

ШАКЛОВИТЫЙ.

Да кто-жъ его допуститъ
Мутить народъ. Додумался я, отче,
Что если всѣ стрѣлецкіе полки
Промежъ себя напишутъ челобитье,
Чтобы государынѣ теперь вѣнчаться
Самой на царство—кто же противъ нихъ
Посмѣетъ спорить? Если-жъ патріархъ
Задумаетъ противиться, такъ можно
Благословенье прочихъ патріарховъ
Легко достать; не дорого возьмутъ!
А старика низложимъ, изберемъ
Такого патріарха, чтобы онъ
Былъ и ученъ, и мудръ, да и царевнѣ
До гроба преданъ. Не придется долго
Искать такого, есть ужъ на примѣтѣ,
Да и тебѣ извѣстенъ хорошо:
Какъ самъ себя, давно его ты знаешь.

МЕДВѢДЕВЪ.

Да, если отъ самихъ стрѣльцовъ начнется
Такое дѣло, ну, тогда... конечно...
Совсѣмъ другое выйти можетъ. Ты
Ужъ говорилъ объ этомъ съ ними?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Какъ-же...
То есть не то чтобъ прямо, вѣдь нельзя-же

Такое дѣло разомъ начинать.
Такъ... намекалъ...

МЕДВѢДЕВЪ.

И что-же?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Обѣщались
Поразузнать. А если ужъ дойдетъ
До челобитной, такъ тогда придется
Тебя просить, чтобъ написалъ ее.
Ты не откажешь?

МЕДВѢДЕВЪ.

Отчего же. можно.
Конечно, надо такъ изобразить,
Чтобы оно законно выходило.
Постой! Стучатъ. Бояринъ князь Голицынъ,
Должно быть, жалуетъ. Ну, такъ и есть!
(*Уходитъ*).

ШАКЛОВИТЫЙ.

О! только бы на царство повѣнчать
Намъ удалось царевну. Съ нею крѣпокъ
Я буду надъ боярствомъ, а затѣмъ,
Какъ властелинъ стрѣльцовъ, могу легко
Въ своихъ рукахъ всю власть сосредоточить.
(*Входятъ* **Медвѣдевъ** *и* **Голицынъ**).

МЕДВѢДЕВЪ.

Войди, бояринъ, милости прошу!
Да только-что вернулся съ колокольни
И нашъ Павлюкъ; сегодня для тебя
Я посылалъ его.

ГОЛИЦЫНЪ.

Такъ позови!
Ужъ поздно очень.

МЕДВѢДЕВЪ.

Позову сейчасъ..
(*Уходитъ*).

ГОЛИЦЫНЪ.

А ты давно пожаловалъ, бояринъ?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Давно толкуемъ.
(*Входятъ* **Медвѣдевъ** *и* **Павлюкъ**).

МЕДВѢДЕВЪ.

Ну, входи, входи!
Желаетъ знать бояринъ, что́ ты видѣлъ
Сегодня въ ночь.

ПАВЛЮКЪ.

Немного.

ГОЛИЦЫНЪ.

Почему же?

ПАВЛЮКЪ.

Твоя звѣзда, бояринъ, не надолго
Была видна. На свѣтлыхъ небесахъ,
Для вашихъ глазъ, какъ будто бы спокойно
Мерцаютъ звѣзды въ блескѣ полнолунья.
Не такъ на дѣлѣ. Грозное сегодня
Смятеніе на небѣ происходитъ
И что-нибудь недоброе сулитъ
Странамъ восточнымъ. И твоя звѣзда
Сегодня намъ немного указала.
Горитъ спокойно.

ГОЛИЦЫНЪ.

А звѣзда царевны?

ПАВЛЮКЪ.

Не отыскалъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Когда-жъ ее отыщешь?

ПАВЛЮКЪ.

Не знаю.

ГОЛИЦЫНЪ.

Кто же знаетъ?

ПАВЛЮКЪ.

Не ропщи!
Не отъ меня зависитъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Вѣдь должна же
Она на небѣ быть?

ПАВЛЮКЪ.

Должна, конечно.

ГОЛИЦЫНЪ.

Такъ отчего же ты до сей поры
Ее найти не можешь?

ПАВЛЮКЪ.

Не могу.

ГОЛИЦИНЪ.

Когда-жъ найдешь? (*Павлюкъ молчитъ*). И ничего сегодня
Не скажешь больше?

ПАВЛЮКЪ.

Говорю, что видѣлъ;
А врать не стану.

ГОЛИЦЫНЪ.

Можетъ быть, не въ силахъ
Увидѣть все, что можно увидать
Тому, кто знаетъ звѣздную науку?

ПАВЛЮКЪ.

Кто знали все, ужъ тѣхъ давно на свѣтѣ
Не встрѣтишь ты.

ГОЛИЦЫНЪ.

Откуда-жъ научился
Ты тайнѣ ихъ? Или морочишь только?

ПАВЛЮКЪ.

Ты хочешь знать?

ГОЛИЦИНЪ.

Хочу!

ПАВЛЮКЪ.

Изволь, скажу!
Было время, время древнее,
Время древнее, минувшее,
На Литвѣ, на нашей родинѣ,
Въ заповѣданныхъ лѣсахъ,
Возвышались храмы чудные,
Гдѣ горѣли, отражаючи
Славу Знича *) вѣковѣчнаго,
Негасимые огни.
Собирались люди вѣщіе
Тамъ въ полнощную пору,
И на башняхъ семиярусныхъ
Проводили ночи ясныя.
Да читали книгу звѣздную
И взирали на луну.
Много, много тайнъ премудрости

*) Зничъ—богъ солнца и огня у литовцевъ.

Довелось, по небу звѣздному,
Людямъ тѣмъ постичь;
Но запала къ нимъ дороженька
Съ той поры, какъ вѣщихъ пастырей
Успокоилъ въ царствѣ избранныхъ
Вѣковѣчный Зничъ.
Расшатались храмы чудные,
Развалились башни крѣпкія,
Разбрелись по свѣту бѣлому
Слуги тѣхъ людей,
И съ собой частичку малую
Унесли былой премудрости,
Кривъ-Кривейтами *) добытую,
Съ вѣрой чуждой позабытую,
Даже прóклятую ей.
Смотримъ мы, знаемъ мы, кто же намъ не вѣритъ.
Пусть того своимъ лучомъ мѣсяцъ перемѣритъ.

(*Уходитъ*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Нельзя не вѣрить! У меня три года,
Какъ онъ живетъ въ монастырѣ, и часто
Его слова сбывалися вполнѣ.
У королей, у разныхъ государей,
У всѣхъ живутъ такіе вѣдуны,
И называются астрологóсы—
По-нашему же значитъ звѣздочеты,

*) Кривейты—жрецы. Криве-Кривейто—главный жрецъ всей Литвы.

Науку звѣздъ постигшіе вполнѣ.
Наука та извѣстна съ давнихъ поръ;
Отъ пастуховъ халдейскія страны
Она ведетъ свое существованье.
Какъ по звѣздѣ восточные цари
О Рождествѣ Спасителя узнали,
Такъ и о грѣшномъ человѣкѣ можно
Его судьбу, по звѣздамъ вѣковѣчнымъ,
Которымъ нѣсть числа на небеси,
Узнать навѣрно. Много разъ пытался
Я упросить хилого старика,
Чтобъ научилъ премудрости небесной
Онъ и меня.

ГОЛИЦЫНЪ.

И что-же?

МЕДВѢДЕВЪ.

Не согласенъ.
Подъ страшной клятвой состоитъ; нельзя
Ему ни съ кѣмъ той тайной подѣлиться.

ГОЛИЦЫНЪ.

Да, много тайнъ открыто человѣку.
Невольно вѣришь.

МЕДВѢДЕВЪ.

Выпей-ка, бояринъ,
Ты монастырскаго медку. Разгонитъ разомъ
Онъ мысли тяжкія. Арсеній!

(*Входитъ* Арсеній).

АРСЕНІЙ.

Что прикажешь?

МЕДВѢДЕВЪ (*достаетъ изъ шкапа ключъ и отдаетъ Арсенію*).

Сходи на погребъ, нацѣди-ка жбанъ
Медку боярскаго.

(*Арсеній уходитъ*).

ШАКЛОВИТЫЙ.

Ну, ужъ и медъ!
И въ царскихъ погребахъ ему, навѣрно,
Въ ряду отборномъ мѣсто отведутъ.

МЕДВѢДЕВЪ (*къ Голицыну*).

А мнѣ Ѳедоръ Леонтьевичъ сейчасъ
Какую вѣсть принесъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Какую?

МЕДВѢДЕВЪ.

Будто,
Между стрѣльцами рѣчь идетъ о томъ,
Чтобъ челобитьемъ войскомъ всѣмъ ударить,
И упросить премудрую царевну
На царство повѣнчаться.

ГОЛИЦЫНЪ.

Не слыхалъ
Я ничего про это.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я и самъ
Узналъ объ этомъ лишь сегодня. Утромъ
Мнѣ дьякъ въ приказѣ сообщилъ, а слышалъ
Онъ отъ полковниковъ стрѣлецкихъ.

ГОЛИЦЫНЪ.

Знаетъ
Объ этомъ государыня?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Не знаетъ
Такія вѣсти невозможно тотчасъ
Докладывать царевнѣ. Разузнать
Подробнѣй надо.

МЕДВѢДЕВЪ.

Разъ ужъ уступила
Царевна просьбѣ общей, приняла
Правленье царствомъ—такъ и нынѣ, если
Народъ захочетъ видѣть на престолѣ
Не недорostковъ-двойниковъ, а ту,
Которая столь долго управляетъ
Московскимъ царствомъ... (*Арсеній приноситъ медъ и уходитъ. Медвѣдевъ наливаетъ стопы*). Выкушай, бояринъ!

ГОЛИЦЫНЪ (*пьетъ*).

Спасибо, отче! Трудно будетъ нынѣ
Заставить патріарха, да бояръ
На эдакое дѣло согласиться.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Коль захотятъ стрѣлецкіе полки,
Такъ на своемъ поставить ужъ сумѣютъ

ГОЛИЦЫНЪ.

Ты хорошо ихъ знаешь?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я? Еще бы!

ГОЛИЦЫНЪ.

И истинно, что эта мысль идетъ
Отъ нихъ самихъ?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Должно быть.

ГОЛИЦЫНЪ.

И межъ ними
Не станетъ розни?

ШАКЛОВИТЫЙ.

Можно удалить,
Всѣхъ несогласныхъ, коль они найдутся.

МЕДВѢДЕВЪ.

Вѣдь государыня изволила начать
Писаться самодержицей въ указахъ—
И всѣ молчатъ. И сами патріархи,
Въ своихъ посыльныхъ грамотахъ, и тѣ

Ее такимъ же титломъ величаютъ...
Такъ вѣдь придется только закрѣпить,
Что ужъ давно на дѣлѣ совершилось.

ГОЛИЦЫНЪ (*къ Шаховитому*)

Что-жъ, разузнай! Коль вѣсти справедливы
Я доложу царевнѣ. Можетъ быть,
Она и согласится. Ну, прощайте!
Пора домой! (*встаетъ*).

МЕДВѢДЕВЪ (*достаетъ книгу съ полки*).

Позволь тебѣ, боярин,
Вручить вотъ эту книжицу; ее
Я получилъ изъ Полоцка сегодня.

ГОЛИЦЫНЪ.

Какая книга?

МЕДВѢДЕВЪ.

Съ польскаго письма
На нашъ языкъ переведенная, зовется
Исторіей о Магилонѣ Королевнѣ.
Быть можетъ, и царевна пожелаетъ
Ее прочесть; занятно нарочито
Она написана.

ГОЛИЦЫНЪ.

Спасибо, отче.
Благослови въ дорогу!

МЕДВѢДЕВЪ.

Надъ тобою
Да почіетъ Господь. Прости, бояринъ!
Не проводить-ли до воротъ?

ГОЛИЦЫНЪ.

Не надо.
Знакомый путь! А на Ильинкѣ ждетъ
Меня Демидка. (*къ Шакловитому*). Ты-жъ другой дорогой
Отсюда выйди.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Знаю! Не въ первой
Намъ выходить приходится. Прощай
Честной отецъ! И мнѣ благословенье
Подай Господне.

МЕДВѢДЕВЪ (*благословляетъ*).

Коли нужно будетъ,
Такъ упредите—и ночной порой
Опять сберемся.

ГОЛИЦЫНЪ.

Ладно! Благодарствуй!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Спасибо на словѣ. Прощай!

МЕДВѢДЕВЪ.

Прощайте!
(*Голицынъ и Шакловитый уходятъ*).

МЕДВѢДЕВЪ.

Ужъ поздно какъ! Заблаговѣстятъ скоро
Къ заутрени. Не стоитъ и ложиться.
Займуся чтеніемъ. (*достаетъ книгу, садится и читаетъ немного, затѣмъ задумывается*). Ишь, какую штуку
Ты выдумалъ Леонтьичъ! Коль удастся,
Тогда... А можетъ быть,.. возможно, право—
И я... Придется Павлюка спросить,
Что скажутъ звѣзды. Вѣчныя свѣтила
Вѣрнѣе всѣхъ грядущее откроютъ,
И истины не утантъ старикъ.

КОНЕЦЪ 3-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(въ 1689 году).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царевна Софья.
Боярин Троекуровъ.
Боярин Шакловитый.
Нарбековъ, окольничій.
Нечаевъ, стрѣлецкій полковникъ.
Думный дьякъ.
Обросимъ Петровъ, Безухій, Головня, Тума, Гладкій, Корнѣевъ, Первый, Второй, Третій, Четвертый — стрѣльцы.
Первый, Второй — стрѣльцы Нечаева полка.
Молодой стрѣлецъ.
Первый, Второй, Третій — стрѣльцы Титова полка.

Первый } старые стрѣльцы.
Второй }
Проходящій стрѣлецъ.
Первый }
Второй }
Третій } выборные стрѣльцы.
Четвертый }
Первый }
Второй } торговцы суконной сотни.
Третій }
Первый }
Второй } посадскіе.
Молодой }
Евдокимовъ, истопникъ въ теремѣ Софьи.
Никитка, шутъ.
Постельницы.

Стрѣльцы, посадскіе и народъ.

Сцена первая.

(31 августа).

Обширный дворъ, обнесенный деревяннымъ частоколомъ. На право домъ съ широкимъ крыльцомъ, на лѣво службы. Группы стрѣльцовъ. На крыльцо выходитъ стрѣлецъ Тума.

ТУМА.

Сбирайся въ путь! Пора! Совсѣмъ стемнѣло.
Огни зажгите!

(*Стрѣльцы собираются къ крыльцу*).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Сборы-то не долги.

БЕЗУХІЙ.

Дойти—дойдемъ! Но приведетъ-ли Богъ
Вернуться по добру да по здорову—
Невѣдомо.

ТУМА.

О томъ узнаешь послѣ,
Когда настанетъ время. А теперь
Раздумывать объ этомъ не годится.
Куда велятъ, туда и путь держи!

БЕЗУХІЙ.

Да коли путь къ застѣнку приведетъ,
Такъ не совсѣмъ-то-ладно тамъ придется.

ТУМА.

Кто трусить сталъ, тому, какъ зайцу въ полѣ,
Вездѣ дорога. Силой не удержимъ!
Ступай назадъ.

БЕЗУХІЙ.

Отъ міра не отстану.
Пойду съ другими.

ГОЛОСА.

Вздора не толкуй!
Да не смущай другихъ! И безъ тебя
Не заблудимся! Заяцъ! Трусъ! Собака!

ТУМА.

Довольно вздоръ молоть! Эй, Головня,
Возьми съ собой двоихъ, что́ посмышленѣй,

Да отбери коней у мужиковъ
И поѣзжай впередъ дозоромъ. Если
Неладное завидишь, такъ сейчасъ-же
Лети назадъ.

ГОЛОВНЯ.

Каримка, ты вѣдь зорокъ.
И ты Косарь—гайда впередъ за мной!
Возмемъ коней и въ путь! Скажи царевнѣ,
Что даже зайца не пропустимъ къ ней.

(*уходятъ*).

ТУМА.

Ну становись въ порядокъ по былому,
Да зажигай огни! Сейчасъ изволитъ
Царевна выйти. (*вполголоса*). Что-то медлитъ очень.
Должно быть не надѣется дойти
Добромъ до Лавры.

(*Стрѣльцы зажигаютъ факелы и становятся около крыльца, на которое выходитъ* Софья).

СОФЬЯ.

Какъ спустилась быстро
На землю ночь. Пора! Идемъ впередъ!
Недалеко до Лавры ужъ осталось.

(*Вбѣгаетъ* Головня).

ГОЛОВНЯ.

Стрѣльцы идутъ!

СОФЬЯ.

Откуда?

ГОЛОВНЯ.

Къ намъ на встрѣчу.
Должно быть съ Лавры.

СОФЬЯ.

Близко?

ГОЛОВНЯ.

Да сейчасъ
Придутъ сюда.

СОФЬЯ,

А съ ними кто?

ГОЛОВНЯ.

Не знаю.

СОФЬЯ.

И много ихъ?

ГОЛОВНЯ.

Поболѣе чѣмъ насъ.

ТУМА.

Эй, не зѣвать! Ворота на запоръ!
Да въ бердыши дружнѣе принимайте!
(*Стрѣльцы запираютъ ворота и готовятся къ бою*).

СОФЬЯ.

Ты не видалъ кто ихъ ведетъ?

ГОЛОВНЯ.

Не знаю.
Но по горлатной шапкѣ домекаю,
Что съ ними есть бояринъ. Вотъ они!
(*Слышенъ шумъ шаговъ, затѣмъ раздается стукъ въ ворота*).

ТУМА.

Кто тамъ?

ГОЛОСЪ.

Пусти!

ТУМА.

Откуда?

ГОЛОСЪ.

Отъ царя!

ТУМА.

А прислалъ кто?

ГОЛОСЪ.

Бояринъ Троекуровъ.

ТУМА.

Къ кому идетъ?

ГОЛОСЪ.

Къ царевнѣ.

(*Тума вопросительно смотритъ на Софью*).

СОФЬЯ.

Пропусти!
Коль отъ царя, такъ выслушать готова
Его посла.

(*Отворяютъ ворота. Входитъ* **Троекуровъ** *за нимъ толпа стрѣльцовъ, которые становятся по другую сторону сцены*).

СОФЬЯ.

Ты къ намъ?

ТРОЕКУРОВЪ (*подходитъ къ Софьѣ, снимаетъ шапку и кланяется*).

Къ тебѣ, царевна.

(*Всѣ стрѣльцы кланяются*).

СОФЬЯ.

А отъ кого?

ТРОЕКУРОВЪ.

Изъ Лавры, отъ царя
И государя нашего.

СОФЬЯ.

Готова
Я отъ царя всегда принять посла.

Какую вѣсть принесъ отъ государя
Ты къ намъ, бояринъ? Говори скорѣе!
Намъ время въ путь.

ТРОЕКУРОВЪ.

Изволилъ приказать
Мнѣ государь, провѣдавъ, что рѣшилась
Идти ты въ Лавру, чтобы отложила
Ты это дѣло и назадъ въ Москву
Скорѣй вернулась.

СОФЬЯ.

Только?

ТРОЕКУРОВЪ.

Да.

СОФЬЯ.

Не много.
А для чего?

ТРОЕКУРОВЪ.

Не знаю.

СОФЬЯ.

И тебѣ
Самъ братъ нашъ Петръ во-очью передалъ
Слова такія?

ТРОЕКУРОВЪ.

Соизволилъ лично
Мнѣ передать, что я тебѣ сказалъ.

СОФЬЯ.

Ты вѣдаешь, зачѣмъ теперь иду
Я въ Лавру?

ТРОЕКУРОВЪ.

Нѣтъ. О томъ мнѣ неизвѣстно.

СОФЬЯ.

Такъ знай же! Для того. чтобъ положить
Конецъ великой смутѣ, чтобы снова
Намъ водворить спокойствіе и миръ
И вывесть всѣхъ, которые дерзнули
Меня поссорить съ братомъ,—я рѣшилась
Пойти къ нему сама, чтобъ при свиданьи
Ему открыть на все глаза и вмѣстѣ
Въ Москву вернуться. Возвратись же съ миромъ
Ты снова въ Лавру и царя Петра
Ты упреди о всемъ, что нынѣ слышалъ
Изъ нашихъ устъ. Я вѣдаю, что онъ
Такою вѣстью огорченъ не будетъ.
А намъ пора въ дорогу.

(сходитъ съ крыльца)

ТРОЕКУРОВЪ.

Не могу
Я возвратиться въ Лавру.

СОФЬЯ.

Почему-же?

ТРОЕКУРОВЪ.

Мнѣ повелѣлъ Великій государь
Его исполнить точно приказанье.

СОФЬЯ.

Ты и исполнилъ. Передалъ ты намъ
Желанье брата, а затѣмъ, конечно,
Отъ насъ самихъ зависитъ нашъ отвѣтъ.

ТРОЕКУРОВЪ.

То не желанье.

СОФЬЯ.

Что же?

ТРОЕКУРОВЪ.

То приказъ.

СОФЬЯ.

Приказъ? Кому? Правительницѣ царства?
Да разсудилъ ли ты, бояринъ, что сказалъ?

ТРОЕКУРОВЪ.

Приказъ, царевна.

СОФЬЯ.

Прочь скорѣе съ глазъ,
Покуда живъ! Тума, веди впередъ
Моихъ стрѣльцовъ! Подайте колымагу!
Чего намъ мѣшкать.

ТРОЕКУРОВЪ.

Погоди, царевна;
Не доводи до боя. Повелѣлъ
Мнѣ государь, во чтобы-то ни стало,
Тебя, гдѣ встрѣчу, удержать въ пути
И не пускать впередъ.

СОФЬЯ.

И ты посмѣешь
Насъ удержать?

ТРОЕКУРОВЪ.

Я только исполняю
Приказъ царя.

СОФЬЯ.

Посторонись! не время
Съ тобой балясничать!

ТРОЕКУРОВЪ.

Ты не гнѣвись, царевна.
Одумайся! Я не пущу тебя!

СОФЬЯ.

Посмотримъ. Прочь! (*наступаетъ на Троекурова*).

ТРОЕКУРОВЪ (*медленно отодвигаясь*).

Не доводи, царевна,
Меня до силы. Коль на то пошло—
Такъ я приказъ имѣю поступить
Съ тобой нечестно.

СОФЬЯ (*останавливаясь*).

Что? Что ты сказалъ?

ТРОЕКУРОВЪ.

Ты слышала. (*указываетъ на стрѣльцовъ*). Мнѣ стоитъ
приказать—
Они исполнятъ. Нынѣ лишь одной
Мы царской волѣ повинуемся.

СОФЬЯ (*оборачиваясь къ своимъ стрѣльцамъ*).

А вы?
Вы за кого стоите? (*молчаніе*). Я вѣдь смѣло
Ввѣряюсь вамъ. Вы слышали? (*молчаніе. Софья вполголоса*).
Молчать!

ТРОЕКУРОВЪ.

Прольется кровь напрасно—но до Лавры
Тебѣ, царевна, не дойти. Довольно
Есть у царя народа, и со всѣми
Тебѣ не справиться. Вернись.

СОФЬЯ.

Могла бы
Я рѣчь съ тобой повесть теперь иную;
Но не хочу напрасно тратить словъ.
Насъ мало здѣсь! Хотя не сомнѣваюсь
Я въ храбрости моихъ надежныхъ слугъ,
Но для меня ихъ кровь дороже вашей—
И не хочу ей жертвовать для васъ!

Я возвращусь въ Москву. Коль не желаетъ
Со мной свиданья младшій государь,
Пускай же самъ придетъ ко мнѣ и къ брату
И дастъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.
Мы будемъ ждать. А тамъ народъ разсудитъ,
Кому прямить, кто нынѣ правъ изъ насъ.
Идемъ въ Москву!

(медленно уходитъ съ своими стрѣльцами).

ТРОЕКУРОВЪ (*и его стрѣльцы снимаютъ шапки и кланяются*).

Поклонъ тебѣ, царевна,
За мудрое рѣшенье. Тяжело
Мнѣ было бы приказъ царя исполнить.
Кто-жъ правъ изъ васъ, о томъ разсудитъ Богъ!

(подождавъ, пока всѣ стрѣльцы вышли за ворота).

Ты, Артамонъ, лети, какъ вѣтеръ, въ Лавру
И доложи царю, что согласилась
Вернуться государыня въ Москву.

(боярскій сынъ уходитъ).

Корнѣевъ, захвати съ собой двухъ конныхъ
И издали слѣдите осторожно,
Куда пойдетъ царевна. Если только
Она задумаетъ окольною дорогой
Пробраться въ Лавру, тотчасъ дайте знать.

(Корнѣевъ съ двумя стрѣльцами уходятъ).

А намъ придется здѣсь вплоть до разсвѣта
Остановиться. Съ Богомъ! На ночлегъ!

Да оставайтесь въ сборѣ. Неравно
Придется въ путь, такъ гдѣ васъ собирать.

(*Стрѣльцы располагаются бивакомъ и разводятъ огонь*).

(*Входитъ* **Безухій**).

ТРОЕКУРОВЪ.

Тебѣ что надо?

БЕЗУХІЙ.

Я остался здѣсь.

ТРОЕКУРОВЪ.

Зачѣмъ?

БЕЗУХІЙ.

Хочу царю служить, не бабѣ.

ТРОЕКУРОВЪ.

Ну, оставайся съ нами. Хорошо,
Что во́-время одумался.

БЕЗУХІЙ.

Да много
Сегодня въ ночь къ вамъ въ Лавру прибѣгутъ.

ТРОЕКУРОВЪ.

Пойдемъ въ избу. Поразспросить не худо
Тебя о томъ, что дѣется въ Москвѣ.

(*Уходятъ въ избу*).

Сцена вторая *).

(31 Августа).

Сѣни во дворцѣ на Верху. Ночь.

(Шакловитый и Нарбековъ).

НАРБЕКОВЪ.

Плохія времена пришли, бояринъ!
Такая завязалась кутерьма,
Что страшно и подумать. Возвратилась
Сейчасъ царевна гнѣвна и смутна—
Недопустили, говорятъ, ее
Дойти до Лавры. Въ Вздвиженскомъ селѣ
Остановили и назадъ вернуться
Заставили бы силой, коль она
Упорствовать бы долѣе рѣшилась.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Давно я ждалъ того, что называешь
Ты кутерьмой; но чаялъ, что иной
Конецъ ей будетъ—а выходитъ нынче
Совсѣмъ другое. Знатные бояре,
Какъ мухи къ меду, къ Троицѣ стеклись;

*) При постановкѣ на сцену эта сцена можетъ быть выпущена.

Самъ патріархъ остался у Петра.
Но ничего не значило-бъ и это,
Когда-бъ въ стрѣльцахъ не завелася рознь.
На Сухарева полкъ не полагался
Я никогда, но не успѣлъ во время
Его спровадить изъ Москвы, и онъ
Весь цѣликомъ ушелъ къ Петру. За нимъ
Перебѣгать изъ прочихъ тоже стали—
Полковники: Нечаевъ, Спиридоновъ,
Нормацкій, Дуровъ, оба Сапоговы
И даже Цыклеръ, тотъ, кто мной всегда
Считался преданнымъ душой царевнѣ.
Да, время трудное! Не даромъ мнѣ
Все это время тяжкія видѣнья
Во снѣ покоя не давали. Будетъ
Конецъ и скоръ, и страшенъ.

НАРБЕКОВЪ.

Можетъ быть,
Еще успѣетъ, способомъ разумнымъ,
Царевна съ братомъ примириться.

ШАКЛОВИТЫЙ.

Нѣтъ!
Теперь ужъ примиренья быть не можетъ.
Теперь возможенъ лишь одинъ исходъ:
Или она, иль онъ—а вмѣстѣ имъ,
Какъ двумъ медвѣдямъ, въ царственной берлогѣ
Ужъ не ужиться больше! О себѣ

Я перестaлъ и думать. До конца
Я послужу царевнѣ, а затѣмъ,
Что Господу угодно, то и будетъ.

(*Входитъ* **Софья**).

ШАКЛОВИТЫЙ.

Вернулась государыня?

СОФЬЯ.

Вернулась
Невольно я, бояринъ! Смѣло шла
Я къ Лаврѣ, окруженная толпою,
Какъ мнѣ казалось, преданнѣйшихъ слугъ.
Но въ Вздвиженскомъ ужъ ожидалъ меня
Ивашка Бутурлинъ и объявилъ
Мнѣ волю брата, чтобъ остановилась
И далѣе не шла. Посла такого,
Я слушать бы не стала и хотѣла
Пуститься въ путь; но въ слѣдъ за нимъ прислали
Ивана Троекурова, тотъ тоже
Мнѣ передалъ, чтобъ я остановилась,
И даже мнѣ, правительницѣ царства,
Осмѣлился сказать, что если я
Пойду впередъ, то онъ указъ имѣетъ
Со мною поступить нечестно. Боже!
Отъ дерзкихъ словъ, неслыханныхъ доселѣ,
Вскипѣла гнѣвомъ страшнымъ грудь моя,
И приказать хотѣла я тотчасъ же
Замкнуть на вѣки дерзкія уста,

Которыя осмѣлилися мнѣ
Такую рѣчь промолвить, и затѣмъ
Идти впередъ—но мало вкругъ меня
Стрѣльцовъ надежныхъ было, да и тѣ
Въ смущеніи стояли, и на лицахъ
Почти у всѣхъ какое-то раздумье,
Да робость проявились. Не рѣшилась
Я казнь изречь боярину; боялась,
Чтобъ не ушелъ на вѣтеръ мой приказъ—
И возвратилася въ Москву. Но здѣсь
Еще не все потеряно! Довольно
У насъ еще осталось вѣрныхъ слугъ,
Такихъ, какъ вы!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я за тебя, царевна,
Готовъ на смерть!

НАРБЕКОВЪ.

А если жизнь моя
Тебѣ полезна будетъ, пожалѣю
Лишь объ одномъ, что только разъ, не больше,
Ее отдать могу.

СОФЬЯ.

Спасибо! Вѣрю
Я въ вашу преданность. Сейчасъ послала
Я въ слободы, чтобъ привели Петрова
Съ товарищами. Передамъ имъ все,

Что сдѣлали со мной дорогой. Вы же.
Усильте всюду стражу и поставьте
На выѣздахъ надежные дозоры,
Чтобы никто, а пуще изъ стрѣльцовъ,
Къ Петру тайкомъ пробраться не дерзали.
Старайтесь быть спокойными; сулите
Для храбрыхъ—милости, для трусовъ—казни,
И не жалѣйте денегъ да угрозъ.
Ступайте!

ШАКЛОВИТЫЙ.

Постараемся!

НАРБЕКОВЪ.

Дай Богъ
Тебѣ во всемъ желаннаго успѣха!

(*Уходятъ*).

СОФЬЯ.

Еще не все потеряно! Сумѣю
Я удержать послушными стрѣльцовъ.
А съ ними можно до всего достигнуть,
И неизвѣстно, чья еще возьметъ.

(*Входитъ* Евдокимовъ).

СОФЬЯ.

Привелъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Привелъ.

СОФЬЯ.

Такъ позови сюда!

(*входятъ*: **Петровъ, Гладкій** и *8 стрѣльцовъ*).

СОФЬЯ.

Вамъ вѣдомо, конечно, что вчера
Поѣхала я въ Лавру, чтобы съ братомъ
Во-очью свидѣться и объяснить ему,
Что безъ причины онъ затѣялъ смуту,
Которая волнуетъ такъ Москву?

ПЕТРОВЪ.

Слыхали, государыня!

СОФЬЯ.

Такъ знайте,
Что я едва живая добралась
Опять сюда! Въ Воздвиженскомъ, дорогой,
На насъ напало множество людей,
Вооруженныхъ съ головы до ногъ,
И мнѣ безчестьемъ пригрозить посмѣли,
Коль я поѣду дальше. Тамъ же я
Узнала, что Нарышкины рѣшились
Царя Ивана извести. Затѣмъ
И на меня, правительницу царства,
Кровавый замыселъ имѣютъ и хотятъ
Меня убить, а послѣ и до васъ,
За то, что вы столь много лѣтъ служили
Опорою правленья моего,

Хотятъ добраться и въ конецъ известь
Полки стрѣлецкіе. Напрасно мнятъ
Они свершить столь страшныя злодѣйства!
У насъ еще довольно вѣрныхъ слугъ
Въ Москвѣ осталось—съ честью постоите
Вы за царя Ивана и за насъ.

СТРѢЛЬЦЫ.

Приказывай, царевна! За тебя
На смерть пойдемъ! Отъ насъ не жди измѣны!
Не выдадимъ! Сумѣемъ постоять!

СОФЬЯ.

Я вѣрю вамъ! Кому же мнѣ и вѣрить,
Какъ не моимъ испытаннымъ слугамъ,
Которыхъ службу вѣрную сумѣю
Я наградить. На утро соберу
Я всѣ полки у Краснаго крыльца
И буду рѣчь сама держать имъ—вы же
Служите мнѣ по чести и постойте,
По-прежнему, за правду и за насъ.

ГЛАДКІЙ.

Спокойна будь, пресвѣтлая царевна,
Не выдадимъ!

(Софья стучитъ въ дверь. Постельница приноситъ на блюдѣ крестъ. Софья беретъ его въ руки).

СОФЬЯ.

Чтобъ черная измѣна
Къ вамъ не подкралась въ души ненарокомъ,
Чтобы рѣшимость вашу закрѣпить
Божественною клятвой—такъ цѣлуйте
Вы предо мной животворящій крестъ!
Цѣлуйте въ томъ, что вы не измѣните,
Но будете мнѣ вѣрны до конца!
Что до послѣдней капли вашей крови,
До самой смерти, будете служить
По чести и по правдѣ; что скорѣе
Вы, вашей смѣлою, могучею рукой,
Зарѣжете дѣтей своихъ, чѣмъ въ Лавру
Перебѣжать рѣшитеся къ Петру.
Клянитеся!

(*поднимаетъ руку съ крестомъ*).

СТРѢЛЬЦЫ.

Клянемся!

СОФЬЯ.

Такъ цѣлуйте
Вы этотъ крестъ!

ПЕТРОВЪ (*подходитъ первымъ и цѣлуетъ крестъ*).

И помоги, Господь,
Намъ послужить опять тебѣ на пользу.

(*Остальные цѣлуютъ молча и отходятъ на прежнее мѣсто*).

СОФЬЯ.

На утро соберите всѣ полки
Вы къ Красному крыльцу и ждите мирно,
Пока я выйду къ нимъ. Да если письма
Къ вамъ подошлютъ изъ Лавры, такъ не смѣть
Читать ихъ передъ съѣзжими, но тотчасъ
Нести ко мнѣ! Теперь ступайте съ Богомъ!
Да сохранитъ Господь васъ, и да будетъ
Надъ вами сила честная креста,
Который вы на клятвѣ цѣловали.
Но горе тѣмъ, которые рѣшатся
Священной клятвѣ измѣнить! Того
Проклянетъ Богъ и вѣчному мученью
Предастъ по смерти; на дѣтяхъ дѣтей,
На всемъ потомствѣ вашемъ отразится
Проклятье Бога, если кто изъ васъ
Рѣшится измѣнить подобной клятвѣ.

СТРѢЛЬЦЫ.

Помилуй Богъ! Спаси насъ и помилуй!
Нѣтъ тяжелѣй грѣха, извѣстно всѣмъ!
Помыслить страшно!

СОФЬЯ.

Ну, ступайте съ Богомъ!
(*Стрѣльцы уходятъ*).

СОФЬЯ (*одна*)

Съ крестомъ въ рукахъ, да съ горстью слугъ надежныхъ
Хотя на смерть готова я идти!

Сцена третья.

(1 Сентября).

Площадь передъ Краснымъ крыльцомъ. Стрѣльцы и народъ.

(*Три торговца суконной сотни*).

ПЕРВЫЙ.

Пора бы ужъ святому патріарху,
На дѣйство многолѣтняго здоровья
Съ соборомъ выйти.

ВТОРОЙ.

Никакого дѣйства
Не будетъ нынче. Развѣ ты не видишь:
Нѣтъ ни помоста предъ дворцомъ. ни мѣсто
Для государей не устроено.
Не до того теперь.

ТРЕТІЙ.

Самъ патріархъ
У Троицы остался; видно тамъ
И новолѣтье возгласитъ, а здѣсь
Сойдетъ и такъ.

(ДВА СТРѢЛЬЦА)

ПЕРВЫЙ (*вполголоса*)

Слыхалъ? Сегодня ночью
Побольше сотни утекло стрѣльцовъ;
Да и изъ нашихъ тоже потянулись.

ВТОРОЙ.

Помалчивай! И мы не простаки!
Дай только высмотрѣть, а тамъ найдемъ
И для себя лазейку. Погляди,
Никакъ послы изъ Троицы? Изъ нашихъ!

ПЕРВЫЙ.

Нечаевъ со своими. Что-то онъ
Привезъ отъ государя.

(*Показывается полковникъ* Нечаевъ *съ нѣсколькими стрѣльцами*).

ГОЛОСА.

Эй, дорогу!
Изъ Троицы посолъ! Отъ государя!
И грамоту привезъ! Дорогу дайте!

(*Толпа разступается.* Нечаевъ *подходитъ къ Красному крыльцу. Два стрѣльца, стоящіе на стражѣ у крыльца, скрещиваютъ передъ нимъ бердыши*).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Откуда ты?

НЕЧАЕВЪ.

Я присланъ отъ царя
И грамоту имѣю. Пропустите!

ТОТЪ-ЖЕ.

Не велѣно!

НЕЧАЕВЪ.

Такъ доложите сами.

ТОТЪ-ЖЕ.

Не наше дѣло! Намъ одинъ наказъ:
Не пропущать на верхъ—и не пропустимъ!

(*Ходящій по верхней площадкѣ лѣстницы дьякъ останавливается*).

ДЬЯКЪ (*къ Нечаеву*)

Тебѣ что надо?

НЕЧАЕВЪ.

Доложи царевнѣ,
Что присланъ я изъ Троицы царемъ
И государемъ нашимъ и имѣю
Съ собою грамоты.

ДЬЯКЪ.

Подай сюда!
Я отнесу ихъ самъ.

НЕЧАЕВЪ.

Возьми! Но только
Ты доложи царевнѣ, что имѣю
Я передать ей царскія слова,
Которыя наказывалъ прекрѣпко
Мнѣ не забыть Великій государь.

(*Дьякъ уноситъ грамоту во дворецъ*).

ОДИНЪ ИЗЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Ну что, у Троицы народу много?

НЕЧАЕВЕЦЪ.

Не сосчитать! Бояре, духовенство,
Самъ патріархъ, и нашихъ набралось.

ДРУГОЙ НЕЧАЕВЕЦЪ.

Эхъ, не зѣвайте, братцы, выйдетъ худо!
Сегодня позамедлите, а завтра,
Гляди—ужъ поздно будетъ. Не добромъ,
Такъ силой одолѣютъ.

(*Показывается толпа стрѣльцовъ съ грамотами въ рукахъ и проталкивается ко дворцу*).

ГОЛОСА.

Неси на Верхъ! Зачѣмъ? Наказъ царевны!
Кто допустилъ предъ съѣзжими читать?

(*Съ верхней площадки сходитъ* **Нарбековъ**).

НАРБЕКОВЪ.

Что тутъ за шумъ?

СТРѢЛЬЦЫ.

Указы отъ царя!
Предъ съѣзжими прочитаны!

НАРБЕКОВЪ.

А кто
Читать позволилъ?

СТРѢЛЕЦЪ.

Мы того не знаемъ.

НАРБЕКОВЪ.

Давайте мнѣ.

СТРѢЛЬЦЫ.

На, отнеси! бери!

(**Нарбековъ** *беретъ грамоты и уноситъ со дворецъ*).

СТРѢЛЕЦЪ (*изъ принесшихъ грамоты*).

Прочитано указовъ было больше,
Да выдали не всѣ—а остальные
Попрятали по съѣзжимъ и хотятъ
Потолковать въ кругу между собою.

(*Изъ дворца выходитъ* **Софья**, *за ней* **Шакловитый**, **Нарбековъ**. **дьякъ** *и еще нѣсколько лицъ. За ними* **Петровъ** *съ 12 стрѣльцами разныхъ полковъ. Въ толпѣ водворяется тишина.*)

СОФЬЯ (*останавливается на верхней площадкѣ и обращается къ дьяку спокойно и гордо*).

Кто, говоришь ты, грамоту привезъ?

ДЬЯКЪ.

Нечаевъ со стрѣльцами.

СОФЬЯ.

Позови

Его сюда!

(**Нечаевъ** *входитъ на площадку безъ шапки, низко кланяется и останавливается на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы*).

СОФЬЯ (*показывая грамоту*).

Ты отъ кого привезъ
Намъ эту грамоту?

НЕЧАЕВЪ.

Отъ государя.

СОФЬЯ.

Отъ государя? Отъ котораго? Ты знаешь,
Что ихъ на царствѣ двое?

НЕЧАЕВЪ.

Отъ царя
Изъ Лавры Троицкой, гдѣ съ патріархомъ
Онъ пребывать изволитъ.

СОФЬЯ.

И ты знаешь,
Что въ грамотѣ написано?

НЕЧАЕВЪ.

Извѣстно
Мнѣ, государыня, о томъ. Самъ царь
Мнѣ прочиталъ ее и повелѣлъ
Тебѣ сказать, чтобъ выдала ты намъ
Ослушниковъ призывнаго наказа,
Которые означены въ письмѣ.

СОФЬЯ.

Ослушниковъ? А вѣдомо-ль тебѣ,
Полковнику излюбленнаго войска,
Кто править царствомъ? *(Нечаевъ молчитъ).* Или позабылъ,
Кому прямить ты клятвой обязался?
Ну, отвѣчай!

НЕЧАЕВЪ.

Царямъ!

СОФЬЯ.

А кто за нихъ
Былъ избранъ всѣми править государствомъ?

НЕЧАЕВЪ *(въ смущеньи).*

Тебя избрали.

СОФЬЯ *(грозно).*

Какъ-же ты дерзнулъ,
Отъ имени лишь младшаго царя,
Мнѣ передать неслыханную рѣчь
О выдачѣ ослушниковъ? Кого
Они ослушались? Кому должны
Они служить по правдѣ? Кто надъ ними
Имѣетъ власть? Холопъ презрѣнный!
Какъ ты осмѣлился съ подобной рѣчью
Предстать предъ очи наши? Какъ языкъ
Тебя послушался слова такія
Предъ нами вымолвить; и какъ ты смѣлъ
Твоимъ стрѣльцамъ дозволить разнести

По съѣзжимъ избамъ лживые указы,
Чтобы смущать достойныхъ нашихъ слугъ?

(*Нечаевъ молчитъ*).

Молчишь? И нынѣ замолчишь на вѣки!
И эти дерзкія мятежныя слова
Послѣдними ты въ жизни произносишь.
Казнить его!

(**Петровъ** *съ двумя стрѣльцами берутъ* **Нечаева** *за руки и уводятъ во дворецъ.* **Софья** *спускается съ лѣстницы и останавливается на нижней площадкѣ подъ шатромъ*).

СОФЬЯ (*къ стрѣльцамъ и народу*)

Вы, вѣрные стрѣлецкіе полки,
Надёжа и опора государства,
И ты народъ, который съ давнихъ лѣтъ
На царскій родъ взиралъ какъ на святыню—
Вы не смущайтесь лживыми рѣчами
Злодѣевъ дерзкихъ! Знаете вы всѣ,
Что въ смутную тяжелую годину
Самъ патріархъ съ соборомъ освященнымъ,
Бояре, власти, войско и народъ,
За малолѣтствомъ царскимъ, упросили
Меня принять правленья тяготы.
Я согласилась. Съ самой той поры
Я посвятила всѣ свои заботы
На управленье царствомъ; я старалась,
При помощи Господней, послужить
На пользу государству и достигла,
Чего сама не чаяла достичь.

Я водворила тишину повсюду;
Я заключила славный миръ
Съ сосѣднимъ государемъ; возвратила
Я древній Кіевъ русскому престолу.
Я правила семь лѣтъ—и всѣ согласно
Повиновались мнѣ. Но не дремали
Мои враги и нынѣ возмутили
Они царя Петра, внушивъ ему,
Что будто я, сестра его родная,
Его хотѣла извести. О Боже!
Я не повѣрила столь гнусной клеветѣ.
Я поспѣшила къ Троицѣ, чтобъ лично
Увидѣться мнѣ съ братомъ и ему
Открыть глаза на страшную неправду.
Но дерзкіе, коварные враги
Не допустили насъ дойти до брата,
Остановили въ Вздвиженскомъ и мнѣ,—
Правительницѣ царства и сестрѣ
Царей обоихъ, дерзостно рѣшились,
Какъ будто-бы отъ имени Петра,
Повѣдать, чтобы я остановилась
И далѣе не шла, а то, инáче,
Со мной поступлено нечестно будетъ!
Теперь прислали новаго гонца.
Вы слышали—моихъ надежныхъ слугъ,
Заступниковъ за ваши всѣ нужды,
Опору царства, называть дерзаютъ
Заводчиками умысла на жизнь
Царя Петра, и именемъ его

Потребовать ихъ выдачи рѣшились.
Въ своихъ дѣяньяхъ гнусныхъ позабыли,
Что братъ нашъ Петръ не царствуетъ одинъ;
Что правлю царствомъ я, и что еще
Живъ царь другой, царь старшій Іоаннъ,
Которому, когда еще вѣнчали
На царство ихъ обоихъ, положили
Быть старшимъ государемъ, и чтобъ онъ
Московскимъ царствомъ правилъ. О, я знаю,
Чего желаютъ дерзкіе: сперва
Они хотятъ казнить всѣхъ нашихъ слугъ,
Чтобъ послѣ и до насъ самихъ добраться!
Не головы ихъ ищутъ—а меня,
Да брата нашего, царя Ивана,
Хотятъ известь! Но не удастся имъ
Исполнить столь неслыханное дѣло.
Довольно слугъ у насъ, и не дадите
Вы насъ въ обиду! Съ помощію Бога,
Да съ вашей вѣрностью мы не допустимъ
Вновь разразиться смутѣ и сумѣемъ
Возстановить порядокъ. Возвратитесь
Въ свои дома и ждите тамъ приказа,
Да не смущайтесь дерзкими рѣчами
И не ходите въ Лавру. Не забудьте,
Что ваши жены, дѣти и дома
Останутся въ Москвѣ, и что измѣна
Карается ужасно! Не забудьте,
Что для измѣнниковъ, со всею ихъ породой,
Пощады нѣтъ! Ступайте-жъ по домамъ

И передайте вашимъ домочадцамъ
Вы отъ меня и отъ царя Ивана
Поклонъ и поздравленье съ новолѣтьемъ,
Которое, съ обычнымъ торжествомъ,
Намъ не привелъ Всевѣдущій Господь
На этомъ мѣстѣ совершить сегодня.
Ступайте съ Богомъ! (*къ Шакловитому*) А стрѣльцамъ прикажешь
Ты выдать погребъ, пусть себѣ во здравье
Повеселятся въ новолѣтья день.

СТРѢЛЬЦЫ.

Спасибо, государыня, за милость!
За царское здоровье мы готовы
Не выходить изъ царскихъ погребовъ!

(*Софья со свитою уходятъ. Толпа медленно расходится*).

(ДВА СТРѢЛЬЦА.)

ПЕРВЫЙ (*вполголоса*).

Ты слышалъ?

ВТОРОЙ.

Слышалъ.

ПЕРВЫЙ.

Что-жъ теперь намъ дѣлать?

ВТОРОЙ.

Да то же, что задумали досель.

ПЕРВЫЙ.

Ну, а ребята съ бабой?

ВТОРОЙ.

Какъ стемнѣетъ,
Ты приходи на Дуровскій задворокъ,
Тамъ побесѣдуемъ. А здѣсь не мѣсто
Болтать пустое.

ПЕРВЫЙ.

Ладно, я приду!

(*Проходятъ*).

(КУЧКА СТРѢЛЬЦОВЪ.)

ПЕРВЫЙ.

Ужъ постоимъ за матушку-царевну!
Не выдадимъ!

ВТОРОЙ.

Еще бы!

ТРЕТІЙ.

За нее
Стояли прежде, постоимъ и нынѣ. (*къ проходящимъ мимо стрѣльцамъ*).
А вы, козлы, что распустили нюни?
Аль въ головахъ ужъ мыслите о томъ,
Какъ бы скорѣй до Троицы добраться?

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Спроси свою! А мы вѣдь не ребята.
И сами поразмыслимъ, что намъ дѣлать.
Тебя не спросимъ.

ТРЕТІЙ.

Заячья порода!
За вашими полковниками. видно.
И вы готовы на утекъ. Козлы!

(*Проходятъ*).

(ДВА СТАРЫХЪ СТРѢЛЬЦА)

ПЕРВЫЙ.

Не мнѣ, съ моей сѣдою головою,
Царевнѣ измѣнять, а только плохо
Придется ей. Съ такою мелюзгой
Не сваришь пива.

ВТОРОЙ.

Побѣгутъ, какъ псы,
Другъ передъ другомъ взапуски.

ПЕРВЫЙ

А намъ
Одинъ конецъ! И краше умереть
Подъ топоромъ, чѣмъ на печной лежанкѣ.

(*Проходятъ*).

(три стрѣльца титова полка.)

ПЕРВЫЙ.

Воздастся коемуждо по дѣламъ его!
Дерзнула ты великихъ страстотерпцевъ.
Хранителей древлецерковныхъ правилъ,
Ревнителей божественныхъ писаній
И вѣры истинной предать на казнь—и нынѣ
Тебѣ самой отъ Бога воздаются
Твои дѣла.

ВТОРОЙ.

И праведенъ Господь!
Ты отреклась отъ истинныя вѣры
И, захвативши отроковъ-царей,
За Троицкія стѣны схоронилась;
Изъ Троицы и нынѣ указуютъ,
Чтобъ ты отъ власти царской отреклась.

ТРЕТІЙ.

Въ Воздвиженскомъ, боярина Ивана
Хованскаго на плаху обрекла—
И кровь его остановила нынѣ
Походъ царевны.

ПЕРВЫЙ.

Все-же за нее
Стоять должны мы! Къ древнему обычью
Она прилежнѣй будетъ, чѣмъ тотъ царь,
Скомрашныхъ игрищъ, бѣсовскихъ затѣй,
Да нѣмчуры заморской покровитель.

(*Проходятъ*)

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ (*выпивши. Поетъ*).

Эхъ, головушка моя да забубенная!
Эхъ, лебедушка моя да разоренная!
Жить пожить недолго добру молодцу,
Съ чарой зелена вина помѣриться,
Къ молодой женѣ посадской присосѣдиться.
Эхъ гуляй, гуляй ты до поры, до времени,
На плечахъ доколѣ голова продержится!

ГОЛОСА.

Чего распѣлся! Ишь, нашелъ гдѣ мѣсто!
Гоните вонъ!

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Коли пьянъ—такъ скачи!
Коль дуракъ—такъ молчи!
Кто по брагѣ родня.
Тотъ не тронетъ меня!

(*Скрывается въ толпѣ*).

(КУЧКА ПОСАДСКИХЪ, *три старика и два молодыхъ*).

ПЕРВЫЙ.

Вотъ намъ и новолѣтіе. Бѣда,
Гдѣ баба замѣшается!

ВТОРОЙ.

Бывало,
Святѣйшій патріархъ, со всѣмъ соборомъ,

На этой площади обѣдню совершалъ—
И послѣ съ поздравленьемъ государю
Челомъ всѣ били, да и мы могли
Ему желать на много лѣтъ здоровья.
И міру царь, поклономъ величавымъ,
Отвѣтствовалъ душевно; и спокойно
Всѣ расходились, чтобъ снести семьѣ
Благословенье Божье, да поклонъ
Великаго царя и государя.
А нынѣ что?

ПЕРВЫЙ.

Постыдно и сказать!

МОЛОДОЙ.

Вотъ баютъ, тятенька....

ПЕРВЫЙ.

А ты молчи!
Не суйся съ рѣчью глупою и слушай,
Коль старшіе бесѣдуютъ.

МОЛОДОЙ.

Простите-съ!
Я такъ, по глупости.

ПЕРВЫЙ.

Ну, и молчи!

ВТОРОЙ.

Какое дѣло-то срамное, право!
Благочестиваго царя отроковица,
Забывъ дѣвичій стыдъ, передъ народомъ
Свое лицо безстыже показуетъ
И рѣчь какую держитъ.

ПЕРВЫЙ.

Пусть болтаетъ.
Недолго промутитъ и съ этимъ стадомъ
Волковъ голодныхъ, къ мятежу обычныхъ.

ПЕРВЫЙ.

Давно пора бы ей въ монастырѣ
Свои грѣхи замаливать. Лишь былъ бы
На православномъ царствѣ государь;
А безъ царевенъ этихъ никогда
Не станетъ хуже.

МОЛОДОЙ СТРѢЛЕЦЪ *(въ глубинѣ сцены).*

Эхъ гуляй, гуляй ты до поры, до времени,
На плечахъ доколѣ голова продержится!
(хлопаетъ себя по ногамъ)
Ну вы, доморощенныя, донесите!

Сцена четвертая.

(6 Сентября).

Въ теремномъ дворцѣ. Вечеръ. За стѣной слышенъ шумъ и говоръ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Охъ плохо, плохо! Видно настаетъ
Другое время. На стрѣльцовъ надежды
Ужъ больше нѣтъ, всѣ къ Троицѣ бѣгутъ;
А вѣрныхъ слугъ царевны похватали
И силой увели. Вчерашній день
Обросима Петрова изловили
И тоже потащили—а теперь
И Шакловитаго ужъ требуютъ. Должно быть,
Придется выдать и его царевнѣ.
Ишь, какъ шумятъ!

(*Входитъ* Софья).

СОФЬЯ.

Гдѣ собрались они?

ЕВДОКИМОВЪ.

Здѣсь, подъ окномъ.

СОФЬЯ.

И много ихъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Довольно.

СОФЬЯ.

А между ними нѣтъ надежныхъ?

ЕВДОКИМОВЪ.

Нѣтъ!
Ты не сходи, царевна, къ нимъ. Ина́че
Они ворвутся слѣдомъ за тобой.

СОФЬЯ (*подходитъ къ окну и отворяетъ его*)

Что нужно вамъ? Какъ смѣете тревожить
Вы нашъ покой? Ступайте по домамъ!

ГОЛОСА (*за сценой*)

За Шакловитымъ! Выдай! Указалъ
Его схватить Великій государь!

СОФЬЯ (*къ Евдокимову*)

Я выйду къ нимъ.

ЕВДОКИМОВЪ.

Охъ, лучше не ходи,
Пресвѣтлая царевна! Ужъ они
Тебя не станутъ слушать: поклялися
Они его хоть мертваго достать.

СОФЬЯ (*въ окно*).

Какой указъ? Да хоть бы и съ указомъ—
Кто вамъ позволилъ лѣзть сюда гурьбой?
Пришлите выборныхъ! Лишь съ ними можно
Намъ рѣчь вести, а съ буйною толпой
Не говорятъ о дѣлѣ.

ГОЛОСА.

Ладно, можно!
Сейчасъ пришлемъ!

СОФЬЯ (*къ Евдокимову*)

Скажи, чтобъ пропустили
Ко мнѣ, сюда.

ЕВДОКИМОВЪ.

Не нужно-ль упредить
Боярина, быть можетъ онъ охотой
Къ нимъ выйдетъ самъ?

СОФЬЯ.

Не нужно! Впрочемъ, послѣ,
Какъ впустишь ихъ, сходи и пригласи
Боярина, пусть постоитъ за дверью
И слушаетъ, но къ намъ бы не входилъ.
Я усмирить надѣюсь ихъ и знаю,
Какъ говорить мнѣ съ ними надлежитъ.

(*Евдокимовъ уходитъ*).

СОФЬЯ.

Не разъ я рѣчью вразумляла ихъ—
Уговорю и нынѣ. Ну, а если
Они меня не станутъ больше слушать?
Что предпринять? Не можетъ быть! Еще
Я говорить не разучилась съ ними,
И не дерзнутъ ослушаться меня.

(Входятъ семь человѣкъ старыхъ стрѣльцовъ. Евдокимовъ запираетъ за ними дверь. Стрѣльцы кланяются и останавливаются у дверей).

СОФЬЯ.

Зачѣмъ пришли?

СТРѢЛЕЦЪ.

По твоему наказу.
Мы выборные.

СОФЬЯ.

Кто же вамъ дозволилъ
Ночной порой нашъ отдыхъ безпокоить
И заводить здѣсь шумъ?

ВТОРОЙ.

Мірское дѣло!
Указъ царя!

СОФЬЯ.

Да кто-же вамъ указы
Помимо насъ дерзаетъ разсылать?

ПЕРВЫЙ.

Не наше дѣло!

ТРЕТІЙ

Выбраны мы съ тѣмъ,
Чтобы, согласно царскому указу,
Намъ Шакловитаго добыть и тотчасъ
Его къ царю съ другими отвести.

СОФЬЯ.

А что онъ сдѣлалъ? Гдѣ его вины?
Прописаны они въ указѣ вашемъ?
Объявлены? Оглашены дьяками?

ВТОРОЙ.

Не наше дѣло! Сказано привесть.
Тамъ разберутъ.

СОФЬЯ.

Не выдамъ я напрасно
Достойнѣйшаго царскаго слугу.
Ступайте прочь! И передайте всѣмъ,
Чтобъ по домамъ спокойно разошлись
И ждали бы обычнаго наказа
Лишь отъ властей стрѣлецкихъ, да отъ насъ
И старшаго царя и государя,
А не изъ Троицы. Стрѣльцамъ извѣстно,
Кто правитъ царствомъ, и должны покорно
Вы лишь мои указы исполнять.
Ступайте!

ТРЕТІЙ.

Нѣтъ! Нельзя! Мы не уйдемъ!
Намъ данъ наказъ не иначе вернуться,
Какъ съ Шакловитымъ.

СОФЬЯ.

Что? И ты дерзаешь
Мнѣ отвѣчать!

ТРЕТІЙ.

Не я одинъ, царевна.
Не въ правѣ мы не исполнять того,
На что насъ выбрали. Нельзя никакъ
Намъ безъ боярина народу показаться.
Насъ не послушаютъ.

ПЕРВЫЙ.

Прости, царевна—
Что я тебѣ скажу. Ты не гнѣвись
На насъ напрасно. Знаешь ты сама,
На что способны буйные стрѣльцы,
Когда они на что-нибудь рѣшатся.
Мы порѣшили всѣ единогласно
Исполнить точно волю государя
И выдать Шакловитаго. Напрасно
Ты станешь намъ перечить. Не властна́
Ты силою боярина укрыть—
Такъ лучше выдай намъ добромъ, ина́че
Не ладно станетъ, если вдругъ стрѣльцы
Въ хоромы вломятся.

СОФЬЯ.

А кто-жъ дерзнетъ
Ворваться силой во дворецъ царей?

ПЕРВЫЙ.

Посмѣютъ государыня... бывало...
Не въ первый разъ—ты вѣдаешь сама.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Не прогнѣвись, царевна, на меня!
А только я скажу тебѣ по правдѣ,
По истинѣ святой—ты не противься
Желанью нашему, не доводи
До мятежа ночнаго, уступи
И выдай намъ боярина. Ручаюсь
Тебѣ своей сѣдою головой,
Что мы его въ сохранности доставимъ,
Куда велятъ. А иначе—бѣда!
Коль ты учнешь противиться, ворвутся
Сюда стрѣльцы—тогда, ночной порой,
Не остановишь долго ихъ; дойдетъ
До боя смертнаго, и много крови
Прольется неповинной во дворцѣ.
Прости насъ, государыня, и выдай
Ты намъ добромъ боярина.

ВТОРОЙ.

Повѣрь,
Что безъ него сегодня изъ Кремля

Стрѣльцы не выйдутъ. Такъ или ина́че
Онъ будетъ нашъ, на томъ рѣшили всѣ!

СОФЬЯ.

И вамъ не жаль того, кто и для васъ
Такъ потрудился много? Или вы
Безумнымъ слухамъ вѣрите?

ПЕРВЫЙ.

Не слухамъ,
А правдѣ истинной. Я видѣлъ самъ
Царя Петра—съ нимъ: патріархъ, бояре,
Стрѣльцы, солдаты. иноземные полки
И множество народа; у тебя-же
Нѣтъ никого вокругъ. Не задержи
Ты долго насъ, а то, неровенъ часъ,
Надумаютъ недоброе. Ты слышишь,
Какъ начали шумѣть. Ужъ прикажи
Ты выдать намъ боярина, ина́че
Не можемъ мы ручаться ни за что!

СОФЬЯ.

Кондратій!

(*Входитъ* **Евдокимовъ**)

ЕВДОКИМОВЪ.

Что прикажешь?

СОФЬЯ.

Позови
Сюда боярина.

ШАКЛОВИТЫЙ (*входитъ изъ другихъ дверей*).

Я здѣсь, царевна!
Что приказать изволишь?

СОФЬЯ.

Вотъ, пришли....
И требуютъ тебя....

ШАКЛОВИТЫЙ.

Я слышалъ все,
Что говорить изволила ты съ ними!
Господня воля! Видно наступилъ
Мой смертный часъ, его же не минуешь.
Прости, царевна! Обѣщалъ предъ Богомъ
Я до конца служить тебѣ по правдѣ—
И честно я исполнилъ обѣщанье,
И нынѣ, для покоя твоего,
Я отдаюсь имъ самъ, пускай ведутъ,
Куда вести имѣютъ указанье.
Прими, царевна, мой земной поклонъ
За царскія твои благодѣянья,
Которыми ты вѣрнаго слугу
Не по его заслугамъ награждала.
Ты часто, государыня, бывало,
По добротѣ, за службишку мою,
Меня казной, да честью одѣляла—
Не откажи же въ милости послѣдней
И царской, милосердною рукой

Благослови на смертныя страданья
Ты твоего послѣдняго слугу!

(становится на колѣни).

СОФЬЯ *(въ волненіи кладетъ ему руки на голову).*

Прости, бояринъ! Нѣтъ, не ожидала
Я для тебя столь тяжкаго конца!
Ты послужилъ мнѣ честно; но напрасно
Я думала.... Благослови Господь
Тебя своимъ.... да осѣнитъ покровомъ
Тебя Владычица... да дастъ тебѣ....
Да ниспошлетъ.... *(поднимаетъ руки къ небу)* О Боже милосердый!
Ты вѣдаешь, что́ дѣется во мнѣ.

ШАКЛОВИТЫЙ *(цѣлуетъ у Софьи руку и встаетъ).*

Прощай, царевна! Больше, въ этомъ мірѣ,
Мнѣ не придется послужить тебѣ;
Но понесу, съ твоимъ благословеньемъ,
Я смѣло голову свою на казнь.
Дай Богъ тебѣ здоровья! Я-жъ готовъ
Теперь на все! Идемте! Лишь отъ Бога
Я ожидаю правды—а отъ нихъ
Мнѣ только смерть за милость счесть придется!

(Уходитъ окруженный стрѣльцами).

ПЕРВЫЙ СТРѢЛЕЦЪ *(въ смущеніи).*

Прощенья просимъ, государыня.

СОФЬЯ (*махнувъ рукой*).

Ступайте!

(*Всѣ уходятъ. Софья подходитъ къ окну и смотритъ*).

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Давай сюда! Тащи! Не тронь!
Ведите къ Троицѣ! Идемте всѣ! Идемъ!

(*Слышенъ шумъ удаляющихся стрѣльцовъ*).

СОФЬЯ.

Все рушится... все гибнетъ... все бѣжитъ...
Все измѣнило! (*Отходитъ отъ окна*). Боже всемогущій!
Владычица! Святители благіе!
На васъ однихъ надежда, вразумите—
И силою небесной помогите
Мнѣ удержать расшатанную власть!

(*Уходитъ. Изъ другой двери входитъ* ШУТЪ)

ШУТЪ *).

Эхъ, никакъ, царевна,
Пѣсенка твоя
До конца ужъ спѣта,
Бѣдная моя!

—

Было, было тѣсно въ теремѣ,
Нынѣ сталъ пустырь;

*) При постановкѣ на сцену весь монологъ шута выпускается.

Ждетъ пождетъ молодку молодецъ,
А царевну—монастырь.

Здѣсь шутки кончены, а тамъ, у Троицы, тоже плохія шутки зачинаются: до костей и до головъ добираются. Я хоть только шутилъ, да порою и миромъ мутилъ. Какъ провѣдаютъ—не погладятъ, пожалуй и на колесо посадятъ. Надо поразмыслить, куда бы удрать! (*думаетъ*).

Побѣгу къ поля́камъ,
Тамъ шуты въ ходу,
Тамъ себѣ я мѣсто,
Теплое найду!

КОНЕЦЪ 4-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ V.

(Въ 1699 году).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царевна Софья—въ иночествѣ Сусанна.
Мать Варсонофія—игуменья Новодѣвичьяго монастыря.
Послушница.

Келья царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ. Сбоку въ глубокой нишѣ окно, невидное со сцены. Зимній лунный вечеръ.

СОФЬЯ.

Какіе дни ужасные настали.
Какъ долго, долго тянутся они,
И нѣтъ конца имъ! Тишина вокругъ,
Въ обычный часъ лишь звономъ колокольнымъ
Тоскливо нарушаемая. Словно тѣни
Скользятъ монахини изъ келій въ храмъ
И снова въ кельи. Я же не могу
Искать въ молитвѣ только утѣшенья.
Я жить хочу! Я царствовать могла бы

Надъ нашимъ, собраннымъ вѣками, царствомъ
И раздѣлять заботы власти съ нимъ,
Съ моимъ Васильемъ ненаглядным. Да,
Я жить хочу! Зачѣмъ меня здѣсь, въ кельи,
Въ темницѣ душной, держать взаперти?
Я не могу здѣсь жить! Мнѣ душно, тяжко!
Меня томитъ безвременный покой
И тишина. подобная могилѣ.
Я предпочла бы смерть. Одна надежда,
Безумная, ничтожная, пустая,
Но все таки возможная, въ меня
Вселяетъ бодрость и даетъ мнѣ силы
Терпѣть и ждать, а не кончать скорѣй
Съ такой безплодной, монастырской жизнью.
Вѣдь жизнь царя, какъ жизнь человѣка,
Отъ воли Господа вполнѣ зависитъ. (*ходитъ*).
Онъ побѣдилъ! Какъ стадо безсловесныхъ,
Предъ нимъ народъ смирился, а стрѣльцы,
Что вздумали противиться, посмѣли
Его права оспаривать—за то
И жизнью поплатились. Въ страшныхъ мукахъ,
Истерзанные пыткою, сложили
Они головушки свои и кровью
Смочили землю. Или вонъ, какъ тѣ (*указываетъ на окно*),
Висятъ высóко надъ землей, и птицы
Клюютъ ихъ очи, да холодный вѣтеръ
Имъ сушитъ мозгъ и медленно, какъ червь,
Ихъ тѣло обращаетъ въ прахъ ничтожный,

Которымъ все кончается. *). (*ходитъ*). Ты думалъ
Ихъ видомъ страшнымъ запугать меня
И тѣмъ, какъ вновь придуманною пыткой,
Въ конецъ измучить, и скорѣй свести
Меня въ могилу, чтобъ затѣмъ ужъ могъ
Ты успокоиться. Ты не посмѣлъ
Меня казнить, какъ русскую царевну,
Но выдумалъ иное. Ты хотѣлъ
Меня замучить страхомъ тѣхъ видѣній,
Который, мнилъ ты, вызвать и развить
Въ моей душѣ, какъ плодъ—воображенья,
Ночей безсонныхъ, праздности, тоски,
Безсильной ярости, да вѣчнаго качанья
На висѣлицахъ вѣрныхъ слугъ моихъ.
Ты челобитныя вложилъ имъ въ руки
И протянулъ ихъ къ моему окну...
Напрасенъ трудъ. Меня не истомишь
Подобной шуткой дьявольской! довольно
Я видѣла ихъ на своемъ вѣку.
Когда еще ты былъ ребенкомъ малымъ,
А я дѣвицей юной, ужъ тогда

*) По окончаніи розыскнаго дѣла о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ, въ числѣ массы казненныхъ, 230 стрѣльцовъ было повѣшено на Дѣвичьемъ полѣ передъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, а три стрѣльца были, по приказанію Петра, повѣшены передъ самымъ окномъ кельи Софьи, причемъ въ руки ихъ были вложены челобитныя, которыя они намѣревались подать Софьѣ. Тѣла этихъ стрѣльцовъ были сняты съ висѣлицъ только чрезъ пять мѣсяцевъ. (См. «Ист. Рос.» Соловьева. Т. 14).

Лилáся кровь предъ нашими глазами
И казнь за казнью слѣдовала. Мы,
Мы дѣти одного отца—и ровно
Господь насъ силой воли одѣлилъ! (*Смотритъ въ окно*).
Мнѣ жалко ихъ. Но, сознаюсь, порой,
Въ ночную тишь, при обликѣ луны
Они меня пугаютъ. Ихъ тѣла
Со скрипомъ висѣлицъ качаясь мѣрно.
Движенья рукъ, бумаги шелестъ, все—
Наводитъ ужасъ! Отвернешь лицо,
Засядешь въ уголъ дальній и закроешь
Платкомъ глаза, но чей-то голосъ тайный
Все шепчетъ неустанно: оглянись,
Смотри... взгляни... и взглянешь—и невольно
Отъ ужаса похолодѣетъ кровь,
Застынетъ въ жилахъ, но затѣмъ мгновенно
Ударитъ въ сердце; хочется бѣжать—
Но головы не слушаются ноги,
И дыбомъ волосъ встанетъ, и на лбу
Холодный потъ вдругъ выступитъ. Ужасно! (*прислушивается*).
Эй, кто тамъ ходитъ?

(*Входитъ* послушница)

ПОСЛУШНИЦА.

Это я.
Что приказать изволишь?

СОФЬЯ.

Гдѣ Лукерья?

ПОСЛУШНИЦА.

Разнемоглась; лежитъ съ утра въ бреду
Въ больничной горенкѣ. А мнѣ сегодня
Честна́я мать-игуменья велѣла,
Въ Лукерьи мѣсто, быть здѣсь у тебя
И исполнять, что приказать изволишь.

СОФЬЯ.

Ты здѣсь давно? Тебя я не видала.

ПОСЛУШНИЦА.

Да не могла и видѣть. Я хотя
Давно въ монастырѣ, но здѣсь недавно —
Всего два года только, и изъ нихъ
Почти все время по святымъ мѣстамъ,
Да по Русѝ родимой побиралась
На нужды монастырскія.

СОФЬЯ.

Давно
Ты возвратилась?

ПОСЛУШНИЦА.

Скоро будетъ мѣсяцъ.

СОФЬЯ.

Что-жъ, на Руси спокойно?

ПОСЛУШНИЦА.

Слава Богу!
Поуспокоились. Теперь идетъ расправа,
И многіе погибли.

СОФЬЯ.

Неужéли
То правда, что стрѣлецкіе полки
Всѣ будутъ уничтожены?

ПОСЛУШНИЦА.

Не знаю.
А только казни каждый день идутъ,
И по Москвѣ у всѣхъ воротъ на зубьяхъ
Торчатъ, какъ пни, головушки стрѣльцовъ.
Считать захочешь—въ день не перечтешь,
Такъ много сгибло.

СОФЬЯ.

Что-же, остальные
Глядятъ спокойно?

ПОСЛУШНИЦА.

Царскому приказу
Послушны всѣ. Кому-жъ судить царя?
Онъ знаетъ самъ, что дѣлаетъ; ему
Предъ Господомъ лишь отвѣчать придется
Въ своихъ дѣлахъ.

СОФЬЯ.

Но все-таки народъ
Промежъ себя о чемъ-нибудь толкуетъ?
Его же дѣти гибнутъ въ мукахъ. Что-же
Онъ говоритъ? Не ропщетъ, не тоскуетъ
О прежнемъ времени привольномъ? Иль ему
Такъ по душѣ пришлись всѣ эти казни,
Что ужъ спокойно онъ на нихъ глядитъ?

ПОСЛУШНИЦА.

Народъ молчитъ.

СОФЬЯ.

И даже не вспомянетъ
Иныхъ временъ?

ПОСЛУШНИЦА.

Не знаю... не слыхать.

СОФЬЯ (*подходитъ ближе*).

А обо мнѣ не вспоминаютъ? Нѣтъ?
Совсѣмъ забыли?

ПОСЛУШНИЦА.

Какъ-же, иногда
И вспоминаютъ. Времени немного
Прошло съ тѣхъ поръ...

СОФЬЯ (*перебивая*)

Что-жъ слышала? скажи?

ПОСЛУШНИЦА.

Да вспоминаютъ разно.

СОФЬЯ.

Что-жъ, жалѣютъ
Меня иль нѣтъ? Жалѣютъ? Отвѣчай!

ПОСЛУШНИЦА.

Да—и жалѣютъ; какъ-же не жалѣть!
Вѣстимо—послѣ царскаго покоя
Да къ монастырской кельѣ не легко
Тебѣ привыкнуть было.

СОФЬЯ.

Разскажи,
Что говорили про меня въ народѣ,
Когда и гдѣ? Мнѣ хочется узнать
Все по порядку. (*подходитъ еще ближе*). Говори, не бойся!
Здѣсь никого нѣтъ. Я же для тебя—
Я ничего, что есть, не пожалѣю
За вѣсти добрыя. Ну, говори скорѣй!

ПОСЛУШНИЦА.

Изволь, царевна; разскажу.

СОФЬЯ (*прислушивается*).

Змѣя!

А, понимаю васъ! Лазутчица! (*быстро подходитъ къ двери и отворяетъ ее. Въ дверяхъ показывается смущенная игуменья*).

Ты что-же
Изволила тутъ дѣлать у дверей?

ИГУМЕНЬЯ (*оправившись, спокойно входитъ въ келью*).

Господь помилуй грѣшныхъ насъ! Я шла
Къ тебѣ, сестра Сусанна, опросить
Здорова-ли? По царскому наказу
Я каждый день должна быть у тебя,
И царскому Величеству подробно
О всемъ, что знаю, доносить.

СОФЬЯ.

Змѣя!
Подслушивать хотѣла! Подослала
Ты подъ меня лазутчицу и знала,
Что я съ тоски безмолвія легко
Готова съ нею разболтаться. Вышли
Ее скорѣе вонъ! Чтобъ никогда
Она ко мнѣ ужъ больше не посмѣла
Придти сюда!

(*Игуменья дѣлаетъ знакъ рукою, послушница уходитъ*).

ИГУМЕНЬЯ.

Смирись, сестра Сусанна!
Смиренье долгъ для инокинь, для насъ.

СОФЬЯ.

Я не Сусанна! Я царевна Софья!
Я дочь покойнаго Великаго царя!
Я родилася ею—и умру
Все той-же Софьей!

ИГУМЕНЬЯ.

Иноческій чинъ
Ты воспріяла и до жна покорна
Быть нашему уставу—а не то
Онъ мѣры строгости намъ разрѣшаетъ
И власть карать даетъ мнѣ.

СОФЬЯ.

Никогда,
Я не давала клятвы отреченья
Отъ свѣта бѣлаго, и силою нельзя
Творить монахинь! Богъ вѣдь принимаетъ
Лишь клятвы добровольныя, а вы—
Вы силою меня постригли! За меня
Ты говорила клятвы и отвѣтишь
Лишь ты за нихъ, да тотъ, кто приказалъ
Вамъ сотворить надъ старшею сестрою
Такое дѣло низкое. Напрасно
Ты хочешь запугать меня уставомъ.
Не смѣешь ты, безъ вѣдома царя,
И слово лишнее со мною перемолвить!
А у него придуманъ для меня
Другой уставъ, построже монастырскихъ.

Вонъ полюбуйся! (*показываетъ на окно*). Подойди поближе,
Коль смѣлости найдется. Посмотри!

ИГУМЕНЬЯ.

Неужели и видъ этихъ несчастныхъ,
Изъ-за тебя замученныхъ, не въ силахъ
Тебя смирить? Сегодня, до вечерни,
Меня, предъ очи свѣтлыя свои,
Призвалъ Великій государь и долго
Онъ о тебѣ бесѣдовалъ со мной.

СОФЬЯ.

Не вздумалъ-ли сослать меня подальше,
Чтобъ тамъ безъ шума порѣшить со мной?
Иль захотѣлъ и здѣсь меня казнить?
Готова я на все!

ИГУМЕНЬЯ.

Нѣтъ, не казнить
И не ссылать тебя онъ хочетъ. Тяжко
Ему съ тобой такъ строго обращаться.
Онъ скорбенъ былъ; онъ говорилъ со мной
Съ великою печалью. Тяжело
На душу царскую, еще столь молодую,
Ложится кровь людская, и порой
Раздумье тяжкое имъ такъ овладѣваетъ,
Что даже санъ царя его томитъ.
Онъ говорилъ, что онъ готовъ охотно
Съ тобою помириться; что готовъ

Онъ дать тебѣ свободу, предложить
Тебѣ на выборъ женскій монастырь,
Въ которомъ ты могла бы жить царевной,
Какъ слѣдуетъ по роду твоему.
Онъ для тебя не пожалѣетъ денегъ;
Онъ окружитъ тебя почетомъ, лишь бы ты
Ему съ священной клятвой обѣщалась
Жить мирно, честно, кротко, навсегда
Отъ замысловъ преступныхъ отказаться
И инокини чина не снимать.

СОФЬЯ.

И ты взялась меня уговорить,
Чтобъ я подъ клятвой страшной, добровольно,
Отъ правъ своихъ законныхъ отреклась—
За пышную темницу отказалась
Отъ жизни всей. Да гдѣ тебѣ, холопкѣ,
Меня понять!

ИГУМЕНЬЯ.

Хотя холопка я,
Но ужъ давно живу на бѣломъ свѣтѣ
И знаю многое. Нашъ древній родъ
Князей Ростовскихъ самъ когда-то правилъ
Великимъ княжествомъ, а послѣ честно
Служилъ князьямъ московскимъ, да царямъ.
Я знаю всѣ права ихъ—никогда
На царствѣ русскомъ не сидѣли бабы,
И правъ твоихъ не вѣдаетъ никто!

Нашъ государь законный, сынъ царя
И самодержца Руси Алексѣя,
Царь Петръ Алексѣичъ; за него
Права исконныя и предковъ царскій родъ,
И милость Божія.

СОФЬЯ.

А за меня народъ!

ИГУМЕНЬЯ.

Какой народъ? Стояли за тебя
Одни стрѣльцы, за то что потакала
Ты ихъ безумству дерзкому. Народъ
Молчалъ и ждалъ, а нынѣ преклонился
Передъ царемъ законнымъ; о тебѣ-жъ
Твердитъ одно—что надлежало сразу
Тебя отправить было въ монастырь.
Смирись, сестра Сусанна! Можетъ быть
Тебѣ на свѣтѣ долго жить осталось.
Такъ не губи себя напрасно. Обрати
Ты душу грѣшную на путь добра,
На жизнь иную по завѣту Бога,
На помощь страждущимъ, на все благое,
На что насъ чинъ монашескій обрекъ.

СОФЬЯ.

Коль ты посолъ царя, коль вправду онъ
Тебя прислалъ со мной переговоры
Отъ имени его вести—такъ отнеси

Ты мой отвѣтъ послѣдній. Никогда
Ему не покорюсь я! Никогда
Ни каяться, ни клясться я не буду,
И симъ путемъ я не куплю себѣ
Спокойствія. Коль онъ меня постригъ,
Коль онъ и имя самое мое,
Которымъ царь отецъ нашъ при крещеньи
Меня нарекъ, отнять не постыдился—
Такъ пусть же онъ и правитъ за меня
Уставъ монашескій! Пусть держитъ здѣсь
Меня, какъ птицу въ клѣткѣ; окружаетъ,
Меня лишь тѣми, кто ему вѣрны
Да слѣпо преданы; пусть дѣлаетъ со мной
Все, что захочетъ, что посмѣетъ—я же,
Я добровольно никогда ему
Не покорюся! Вотъ вамъ мой отвѣтъ!
Каковъ сегодня онъ тобой услышанъ,
Таковъ онъ будетъ завтра и всегда!
Теперь ступай, оставь меня одну.
Мнѣ больше не о чемъ съ посломъ царя и брата
Весть разговоръ. Ступай!

ИГУМЕНЬЯ.

Я все сказала,
Что повелѣлъ сказать мнѣ государь.
Не отклоняй безумно предложеній
Ты самодержца, брата твоего.
Обдумай все спокойно; поразмысли
Наединѣ, въ безмолвіи ночномъ.

Смирись душой, предъ Господомъ склонися,
Владычицѣ Пречистой помолися,
Да осѣнятъ они твой гордый умъ
И тихое смиренье ниспошлютъ
На душу грѣшную и суетное сердце,
Влекущее тебя на ложный путь.
Прощай, сестра Сусанна! Надъ тобою
Да будетъ благодать Господня. Ночь,
Раздумье и горячая молитва
Да ниспошлютъ тебѣ благой совѣтъ.

(*Уходитъ*).

СОФЬЯ.

Черезъ нее, тюремщицу мою,
Сулитъ мнѣ братъ прощенье и свободу,
Коль отрекусь отъ замысловъ моихъ.
Свободное житье! Да развѣ можно.
Да развѣ мыслимо когда нибудь оно
Подъ черною повязкою отшельницъ,
Отъ міра отказавшихся на вѣкъ?
Нѣтъ, мнѣ не нужно эдакой свободы!
Я инáче привыкла жить, и то,
Что мнѣ сулятъ, меня не успокоитъ.
Мнѣ монастырь останется тюрьмой—
Такъ пусть же будетъ для меня могилой,
Чѣмъ теремнымъ, затворничьимъ дворцомъ.
Промаюсь съ годъ, быть можетъ и побольше,
Но все таки не долго—а затѣмъ
И въ міръ иной, гдѣ всѣ равны предъ Богомъ,

Гдѣ нѣтъ ни власти царской, ни борьбы,
Гдѣ всѣмъ отвѣтъ отдать въ дѣлахъ придется.
(садится на кровать)
Недужится мнѣ что-то.. Не могу
Привыкнуть къ одиночеству, да къ этимъ *(указываетъ на окно)*
Безмолвнымъ собесѣдникамъ моимъ,
Которыхъ видъ въ меня вселяетъ ужасъ.
Вы измѣнили мнѣ. Вы не рѣшились
Меня во врéмя дружно поддержать
Въ борьбѣ съ Петромъ. Не догадались, видно,
Что вмѣстѣ съ страшной гибелью моей
И вашъ конецъ наступитъ неизбѣжно.
Вы спохватились поздно и напрасно!
Вамъ стало жаль покинутыхъ домовъ;
Вы вспомнили былое, порѣшили
Въ Москву за мной вернуться—и вернулись
Лишь для того, чтобы задать работу
На цѣлый годъ московскимъ палачамъ.
Васъ раздавили разомъ—и въ грядущемъ
Ужъ никогда Москвы колокола
Не призовутъ стрѣлецкіе полки
На избавленье ихъ царевны Софьи.
Все и для васъ окончено. На вѣкъ
Замолкли ваши вѣщія уста,
Которыхъ рѣчь, какъ молотъ, отдавалась
Въ испуганныхъ, трепещущихъ сердцахъ
Сторонниковъ Нарышкиной породы. *(ложится)*.
Опять пойдетъ тянуться безконечно

Безмолвная, убійственная ночь;
И станутъ думы думами смѣняться,
И прежнее, былое возрождаться
Въ моей душѣ свободной: теремъ... тронъ...
Волненія народныя.... походы....
Пріемъ пословъ... и сыпанье наградъ....

(Раздается бой часовъ на колокольнѣ. Софья поспѣшно приподнимаясь).

Что это? Звуки прежніе? Набатъ? *(прислушивается)*.
Нѣтъ, мѣрный бой часовъ. О Боже, Боже!
Какія грезы... нѣтъ душѣ покоя...
Пошли мнѣ сонъ, будь милостивъ, Господь. *)

(ложится)

(Продолжается мѣрный бой часовъ. Слышенъ скрипъ висѣлицъ. Занавѣсъ медленно опускается).

КОНЕЦЪ.

*) Царевна Софья была заключена въ Новодѣвичій монастырь въ 1689 году, пострижена тамъ же подъ именемъ Сусанны въ 1698 году и умерла въ 1704 году, пробывъ въ монастырѣ четырнадцать лѣтъ.

Сказка шута.*)

Жили были двѣ вдовы,
Жили въ мірѣ честно;
Только у обѣихъ вдовъ
Было по́ верху головъ,
Такъ—пустое мѣсто.

* * *

Стали бабы примѣчать,
Тамъ гдѣ было пусто,
Зеленя пошли рости—
Выросла капуста.

* * *

Вышелъ цѣлый огородъ.
Овощей запасы
Тамъ не мерзнутъ круглый годъ;
Сталъ ходить честно́й народъ
Покупать припасы.

* * *

Такъ то стали двѣ вдовы,
Въ пожилые годы,
И съ пустой то головы
Собирать доходы.

*) Эта сказка находилась въ прологѣ „Царевны Софьи,“ но, при пересмотрѣ для сцены, авторомъ выпущена.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, правитель царства.
Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій.
Князь Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ-Шуйскій.
Князь Дмитрій Ивановичъ Палецкій.
Князь Шкурлятевъ.
Князь Иванъ Семеновичъ Кубенскій.
Иванъ Третьяковъ, казначей Большой казны.
Гаврилычъ, дворецкій.

(Дѣйствіе происходитъ 9 сентября 1543 года).

Комната въ домѣ князя Андрея Шуйскаго. Трое Шуйскихъ сидятъ у стола.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ШУЙСКІЙ.

Ты говоришь, князь Ѳедоръ, что напрасно
Мы Ѳедьку Воронцова допустили
Въ такую дружбу къ юному царю.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Конечно, князь! Ты знаешь, какъ опасны
Любимцы эти. Черезъ нихъ всегда

До государя многое доходитъ,
Чего ему и знать не надлежитъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ШУЙСКІЙ.

Когда бы онъ былъ нашимъ доброхотомъ,
Тогда его, конечно, отчего-жъ
Не допустить къ такому приближенію
Къ царю Ивану.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И выходитъ, князь,
Что ты уменъ, да простъ и недогадливъ!
Ужъ если приближать кого къ царю,
Такъ лишь себя; а друга не легко
Спихнуть во-врѣмя, то есть, если онъ
Захочетъ самъ забрать всю силу.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Правда!
Но и съ врагомъ...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

А Бѣльскаго не помнишь?
А Оболенскаго забылъ? Какіе
Вліятельные были и съ умомъ,
А съ Шуйскими бороться не сумѣли.
Погибли всѣ!

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Послушай, князь Андрей,
То было время, а теперь другое.
Вѣдь царь ростетъ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Да выростетъ не скоро.
А выростетъ, такъ тоже не бѣда!
Такой же будетъ.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Ну, не говори.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Ручаюсь, князь, что все такой же будетъ!
Наука эта не хитра. Бывало
Насъ поучалъ нашъ дядя, князь Иванъ *),
Что можемъ мы спокойно уживаться
Съ царевой властью, даже намъ она
Полезной будетъ. Только надо ею
Искусно прикрываться. Надо тонко

*) Князь Иванъ Шуйскій, бывшій въ малолѣтство Ивана Грознаго два раза правителемъ царства и передавшій по болѣзни правленіе своимъ племянникамъ князьямъ Андрею и Ивану Михайловичамъ Шуйскимъ и Ѳедору Ивановичу Скопину-Шуйскому.

Внушать царю, что, молъ, заботы власти
И тяжелы, и трудны; что ему
Въ забавахъ разныхъ, въ играхъ, да въ весельи,
Какъ молодому парню, надлежитъ
Лишь тѣшиться; а намъ, его слугамъ,
Служить ему и тяготы правленья
Брать на себя, какъ опытнымъ въ дѣлахъ,
И въ боевыхъ, и въ земскихъ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Князь Иванъ
Былъ мудръ зѣло.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

За то въ своихъ рукахъ
Все и держалъ! Онъ насъ училъ, что нужно
Лишь льстить царю и потакать ему
Во всѣхъ его желаньяхъ; надо строго
Не допускать, чтобъ развивались въ немъ:
Ума пытливость, жажда къ изученію
Народныхъ нуждъ; чтобъ онъ не зналъ народа;
Чтобъ съ дѣтскихъ лѣтъ онъ только въ насъ однихъ
Искалъ опоры; чтобъ не могъ помыслить,
Что обойтись онъ можетъ безъ бояръ
Въ правленьи царствомъ. Такъ, пока онъ малъ,
Пусть тѣшится, чѣмъ хочетъ; а потомъ,
Какъ подростетъ и приметъ власть наружно,
Все то же быть должно, но ужъ, конечно,

Потѣха перемѣнится. Тогда
Пусть тѣшится войной, забавой ратной,
Охотою, кулачными боями,
Народной травлей, помня, что народъ—
Презрѣнный рабъ, живущій для забавы
Своихъ царей! Пусть тѣшится еще
Веселой жизнью съ молодой женой,
Когда пора приспѣетъ повѣнчаться.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Послѣдняя потѣха иногда
Заставитъ всѣхъ плясать по женской дудкѣ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Великое искусство быть должно
Въ умѣньи отыскать царю невѣсту.
Не даромъ говорится, что ночная
Кукушка все перекукуетъ. Да,
Тутъ нужно выбрать дѣвушку такую,
Чтобъ твердый нравъ имѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ
Привязанность глубокую къ тому,
Кто ей помогъ свою судьбу устроить.
Изъ худородныхъ—лучше... Впрочемъ, рано
Еще объ этомъ думать. Ну, а если
И ошибемся, такъ поправить можно.
Другое средство есть.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Скажи, какое?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Да страхъ!

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Чего?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (улыбаясь).

Ты догадайся самъ.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Не знаю.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

То-то, все тебѣ скажи
И растолкуй! Да страхъ передъ народомъ;
Боязнь передъ народнымъ мятежемъ,
Предъ чернью злой. И въ этомъ наша сила
Всегда останется! Лишь надо ловко
Внушать царю, и кстати, и не кстати,
Что только нами держится земля.
Что если только насъ онъ промѣняетъ
На худородныхъ и отдастъ на жертву
Народному суду, то вмѣстѣ съ нами
И онъ погибнетъ въ яростномъ потокѣ
Разнузданныхъ и бѣшеныхъ страстей.
Тогда онъ нашъ! Хотя въ своей враждѣ,
Мы будемъ падать, снова подниматься,
Но все-таки борьба произойдетъ
Лишь между нами... Говорилъ Иванъ,
Что преполезно тоже иногда,

Такъ, для острастки, учинить мятежъ
Или волненіе народное. Привыченъ
Нашъ горожанинъ къ дракѣ; надо только
При немъ начать, а тамъ ужъ онъ пойдетъ
Катать по своему!.. Мои холопы
Умѣютъ ловко учинять мятежъ.

(Входятъ князья: Палецкій, Шкурлятевъ и Кубенскій, казначей Третьяковъ и дворецкій Гаврилычъ).

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКІЙ.

Кажись, не запоздали? Бьемъ челомъ
Тебѣ, хозяинъ! Твоему приказу
Послушны мы. За Шуйскими охотно
Пойдемъ всегда.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Спасибо, князь Семенъ,
За ласковое слово! И отъ насъ
Поклонъ примите. (кланяется). Времени довольно
Еще осталось. Сядемте, друзья,
И потолкуемъ. (Къ дворецкому). Прикажи, Гаврилычъ,
Подать медку. Какъ прополощешь горло,
Такъ и языкъ развяжется. (Всѣ садятся).

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Вѣстимо!

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКІЙ.

А твой медокъ и мертваго заставитъ
Разинуть ротъ и руку протянуть.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Не трогай мертвыхъ! Вотъ, посмотримъ лучше,
Какою рѣчью насъ повеселитъ
Иванъ Трофимычъ? (Къ Третьякову). Друже казначей...

ТРЕТЬЯКОВЪ (перебивая)

Охъ, знаю, князь, что рѣчь моя тебѣ
Не по̀ сердцу придется!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Погоди!
Ты прежде горло промочи, а послѣ
И начинай! (Къ дворецкому, который принесъ жбанъ меду и подносъ съ кубками). Налей ему, Гаврилычъ!
(Гаврилычъ наливаетъ всѣмъ и уходитъ).

ТРЕТЬЯКОВЪ (взявъ кубокъ).

Дай Богъ тебѣ здоровья, князь, со чады
И домочадцы рода твоего! (пьетъ).

КНЯЗЬ АНДРЕЙ (тоже пьетъ).

Спасибо! Дай Господь, чтобы казна
Была бы столь обильна постоянно,
Какъ и твое дородство. Ну теперь
Промолви слово, да не огорчай
Ты наши уши рѣчью неповадной.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Казна пуста! Ты, князь, ужъ очень часто
Въ нее заглядываешь.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Знаю самъ,
Что всей казны народной не хватаетъ
Для насъ бояръ. Да что-жъ и дѣлать съ ней!
Неужели дозволить безъ остатка
Пройти межъ рукъ? Вѣдь тамъ, что ни толкуй,
А, знаешь, есть пословица такая:
Что взято, то и свято! Мы вѣдь всѣ
Охотники до денегъ. И нельзя
Отказывать своимъ. Грѣшно при этомъ
Позабывать себя, семью, дѣтей
И ближнихъ нашихъ. Самъ Господь велитъ
О нихъ пещись.

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Охъ, умудрилъ Господь
Тебя, бояринъ! Какъ не умилиться,
Такимъ рѣчамъ внимая.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Оттого
Онъ и силенъ! Извѣстно всѣмъ, бояре.
Какъ князь Андрей заботится о насъ.

КНЯЗЬ ПАЛЕЦКІЙ.

Князь вѣрный взглядъ имѣетъ. Вѣдь бояринъ—
Не то, что смердъ. Онъ завсегда прилично,
Какъ подобаетъ званію, держать

Себя предъ всѣми долженъ. Разсудите-жъ,
Какой расходъ потребенъ ежедневно
Для нашей чести.

КНЯЗЬ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Нынѣ, князь, не всѣ
Такъ разсуждаютъ. О нуждѣ народной
Жужжатъ царю, какъ мухи; злымъ шептаньемъ
Его смущаютъ и поклепъ на насъ,
На старыхъ слугъ, возводятъ неустанно.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Наплюй въ глаза тому, кто выставляетъ
Свое желанье послужить народу,
Ему на пользу! Вретъ, собачій сынъ!
Лишь прикрываетъ громкими словами
Свою корысть.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Не говори; бываютъ
Такіе люди.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Только среди насъ
Ты не ищи ихъ! Наша вся забота,
Чтобы устроиться самимъ, а вмѣстѣ
Своихъ пристроить. Мы съ тобой роды
Отъ крови Рюрика. Не даромъ, княже,
Мы разрослись въ обширную семью,

И всѣ въ ней близки, и должны стараться
Поддерживать другъ друга предъ царемъ.
Ты не забылъ пословицу: рука
Вѣдь руку моетъ и бываютъ обѣ
Чрезъ это чисты.

КНЯЗЬ ШКУРЛЯТЕВЪ.

Такъ!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

А о народѣ
Заботиться не стоитъ! Онъ и самъ
Себя устроитъ. Съ голоду не сгинетъ!
А если и случится иногда
По Божьему произволенью—голодъ,
Пожары, моръ, или иное что,
И передохнутъ—такъ потомъ опять
Свое возьмутъ. Плодятся точно мухи!
Живучи такъ, что, кажется, ничѣмъ
Не изведешь холопье наше племя!

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Правдива рѣчь! Всякъ долженъ о себѣ,
Да о своихъ заботиться, понеже
Одинъ лишь Богъ заботится о всѣхъ.
Конечно, тамъ, въ совѣтахъ царскихъ, въ думѣ,
Мы всѣ толкуемъ лишь объ общей пользѣ,
О благѣ царства, о нуждахъ народа,

О меньшей братіи—а на умѣ
Совсѣмъ другое держимъ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И нельзя
Намъ поступать инáче! Разсуди:
Пока я въ силѣ—я богатъ, и знатенъ,
И власть имѣю, и почетъ отъ всѣхъ.
А наложи опалу на меня—
И все исчезнетъ! Для чего-жъ работать
Для пользы общей, если отъ нея
Тебѣ прибытку нѣтъ?

КНЯЗЬ КУБЕНСКІЙ.

Вѣстимо, князь!
Своя рубашка ближе къ тѣлу.

КНЯЗЬ ѲЕДОРЪ.

Правда!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Правдиво слово! Всѣ должны стоять
За своего! Вотъ вы лишь крѣпки мною,
И за меня должны стоять горой
Противъ враговъ коварныхъ. Если только
Погибну я, и вы со мною вмѣстѣ
Погибнете!

ГОЛОСА.

Конечно! Постоимъ!
Спокоенъ будь! Стѣною встанемъ всѣ,
Да и народъ потянемъ за собою!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Спасибо вамъ! Вотъ и теперь, смотрите,
Намъ угрожаетъ сильная бѣда.
Вѣдь Ѳедька Воронцовъ-то предъ царемъ
Большую силу нынче забираетъ.
Онъ не изъ нашихъ, онъ опасенъ сталъ,
И намъ его спихнуть необходимо.

ГОЛОСА.

Спихнемъ охотно! Только научи!
Лишь укажи!

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Сегодня у царя
Мы соберемся въ думу, на совѣтъ—
Сегодня и покончимъ съ Воронцовымъ. (къ брату).
Ты, князь Иванъ, начни, (къ остальнымъ) вы подхватите,
А я сумѣю кончить. (Встаетъ). Ну, пора
Идти къ царю! Ступайте! А за вами
И мы придемъ съ Иваномъ. Нужно намъ
Потолковать еще между собою. (Всѣ, кромѣ князей Андрея и Ивана Шуйскихъ, уходятъ).

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Ты, князь Иванъ, присматривай за ними.
Они хотя и гладко стелятъ, все же
Надзоръ не лишнимъ будетъ. Всѣ они
При случаѣ продать себя готовы
Тому, кто въ силѣ.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Правда! но, послушай,
Ты хорошо ли разсчиталъ? А если
Царь не захочетъ намъ его отдать
И вздумаетъ попробовать надъ нами
Всю силу власти царственной своей?

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Кто не захочетъ? Царь Иванъ? Пустое!
Отнимемъ силой! Если-жъ и она
Намъ не поможетъ, путь найдемъ иной.
Отъ зелья Шуйскихъ, да отъ ихъ умѣнья
Губить враговъ—не устоитъ никто.

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Послушай, братъ! Конечно, ты уменъ,
И опытенъ, и знаешь хорошо,
Что́ нужно дѣлать.. Все же иногда
Во мнѣ является сомнѣнье злое,
Что хорошо ли поступаемъ мы,

Такъ обращаясь съ юнымъ государемъ
И отнимая отъ него всѣхъ тѣхъ,
Кого къ себѣ онъ думаетъ приблизить?
Онъ покорится намъ, но затаитъ
Въ своей душѣ позорную обиду
И, выросши, сторицею отплатитъ
Ее тебѣ.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Напрасная тревога!
Повѣрь, что мы сумѣемъ обратить
Его вниманье на дѣла иныя,
Чѣмъ месть за все, минувшее давно.
Иванъ честолюбивъ, вотъ этимъ нужно
Воспользоваться ловко и держать
Его всегда вдали отъ управленья
Своей страной. Пусть славныя побѣды
Его удѣломъ будутъ. Вѣдь не мало
Есть вóроговъ старинныхъ у Москвы.
Казань, мордва, ногайская орда,
Литва, султанъ и свейская держава,
И польскій кроль, и крестоносцевъ рать,
Кругомъ враги,—со всѣми воевать
Не хватитъ жизни... а какъ попривыкнетъ
Къ потѣхѣ ратной, такъ потомъ ему
Такъ опротивитъ обиходъ обычный
Правленья царствомъ, что его охотно
Онъ предоставитъ намъ. Что? Понялъ?

КНЯЗЬ ИВАНЪ.

Понялъ.

Дай Богъ, чтобъ такъ...

КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

И будетъ такъ! Повѣрь!
Теперь пора! Пойдемъ—и ты увидишь,
Какъ Шуйскій ловко справится съ врагомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказка.

«Сказку слушай, а правду кушай».

Было это дѣло не промéжъ людей,
А въ лѣсу дремучемъ прòмежду звѣрей.
Вѣдомо народу—что у нихъ давно
Такъ, какъ было въ Псковѣ, все заведено.
Былъ у нихъ посадникъ въ тѣ поры медвѣдь.
Что своею лапою замѣнялъ имъ плеть;
Не любилъ казнить онъ, не любилъ стегать,
А все лишь подумывалъ, что бы съ нихъ содрать.
Но случилось Мишенькѣ, какъ онъ ни привыкъ,
По одному случаю встать совсѣмъ въ тупикъ.
Разъ къ нему приводятъ волки-пристава
Бѣлаго барана, чернаго козла;
Говорятъ медвѣдю, что злодѣй козелъ
Снялъ тулупъ съ барана. когда тотъ вошелъ
Въ старый лѣсъ дремучій, что возлѣ Орла,
Гдѣ прошедшимъ лѣтомъ кошка соврала.
Привели съ поличнымъ. Видитъ самъ козелъ,
Что нельзя напутать—вѣдомый былъ воръ;

Сталъ во всемъ виниться, правду разсказалъ,
Что тулупъ съ барана точно онъ содралъ.
Что вечоръ поздненько, молъ, къ нему, козлу,
Въ ближнюю усадьбу, въ теплую избу
Кумъ его и сродственникъ господинъ баранъ
Приходилъ бесѣдовать, да напился пьянъ,
И съ хмѣльной головушкой вздумалъ ночевать,
И въ козлиной горенкѣ завалился спать.
Протянулъ онъ ноженьки, глазыньки закрылъ
И тулупомъ бѣленькимъ голову покрылъ.
Былъ тулупъ тотъ новенькій, соблазнилъ козла—
У него-жъ шубеночка старая была,
И надумалъ, ноченькой, вѣдомый злодѣй
Тотъ тулупъ съ пріятеля схапнуть половчѣй.
Рано, инъ до солнышка, поднялся баранъ
И хотя не выспался, все еще былъ пьянъ,
Но тулупъ накинувши, вышелъ за порогъ
И пошелъ по хворосту промежду дорогъ.
А козелъ, помѣшкавши, забѣжалъ впередъ
И засѣлъ за деревомъ, зная, гдѣ пройдетъ
Кумъ его по матери, по женѣ своякъ,
Потому что курицы порѣшили такъ.
Подождалъ немножечко, былъ хитеръ, не глупъ,
Кинулся на пьянаго, снялъ съ него тулупъ
И подрàлъ ужъ по лѣсу... На его бѣду
Набѣжали приставы, взяли на ходу
И, какъ были сыты, службу соблюли
И обоихъ въ цѣлости къ Мишкѣ привели.
Выслушалъ посадникъ, лапу пососать

Выдумалъ для важности и велѣлъ подать
Тотъ тулупъ, что приставы взяли у козла,
Поглядѣли—шкура черная была.
Вышло дѣло чудное: ночью, вишь, баранъ,
Такъ какъ былъ не выспавшись, да къ тому же пьянъ,
Сталъ собираться до дому́, да не разглядѣлъ,
Шубу-то козлиную на себя надѣлъ;
А козелъ—придумавши обобрать его,
Снялъ свою-жъ шубеночку съ кума своего.
Какъ медвѣдь не вздумывалъ, а рѣшить ему
Этакого случая ужъ не по уму.
Со́бралъ онъ собранье изъ многи́хъ звѣрей,
Имъ повѣдалъ дѣло и велѣлъ скорѣй
Разсудить по совѣсти, не входя въ задоръ:
Тотъ козелъ-грабитель воръ или не воръ?
Стали спорить умные, даже подрались,
А до сути истинной все не добрали́сь.
Осерчалъ посадникъ, приказалъ молчать
И рѣшилъ, что надобно за лисой послать;
А лиса межъ ними, какъ межъ нами дьякъ,
Безъ него и глупости не рѣшить никакъ.
Поискали лисиньку—наконецъ, нашли
И передъ собранье волки привели.
— «Здравствуй, мать-лисица,» молвилъ ей медвѣдь,
Что любилъ поганую за умѣнье пѣть,
За умѣнье во время правдой покривить,
Чтобъ себѣ и Мишенькѣ магарычъ добыть.
— «Здравствуй, молъ, родимая, выручи ты насъ;
Отъ роду не слышали этакихъ проказъ!»

Доложилъ лисицѣ это дѣло быкъ,
Что у нихъ былъ грамотный и мычать привыкъ.
— «Ну, такъ вотъ, родимая, порѣши нашъ споръ—
Тотъ козелъ-грабитель воръ или не воръ?»
Выслушала хитрая, мордочку нагнувъ,
И стоитъ задумавшись, глазомъ не моргнувъ,
Лобъ себѣ наморщила, за ухомъ скребетъ,
Словно къ ней изъ-за моря думушка идетъ.
Наконецъ, промолвила:—«вотъ что, другъ-медвѣдь!
Этакое дѣло гдѣ-жъ вамъ разумѣть.
Чтобъ рѣшить по совѣсти, да и не соврать,
Съ нихъ обоихъ слѣдуетъ шкуры посдирать.
Съ глупаго барана, чтобы онъ впередъ,
Когда пьянъ, такъ вѣдалъ-бы, гдѣ и что беретъ;
А съ козла-мошенника, чтобъ не воровалъ
Прежде, чѣмъ доподлинно все не разузналъ.»

Оглавленіе.

Стихотворенія:

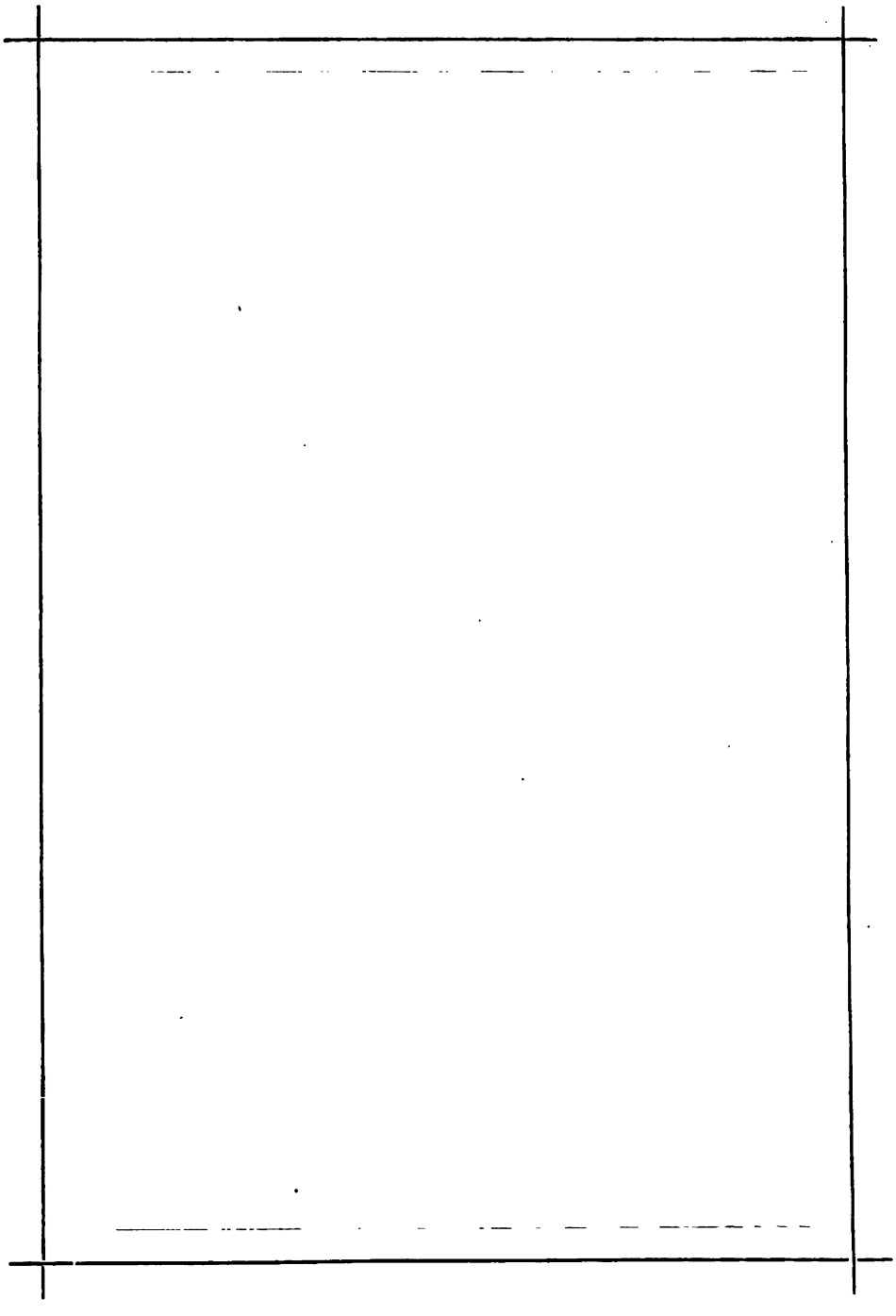
	Стран.
Великая княгиня Домникія	1
Посадница Марѳа Борецкая	6
Серафима	11
Вѣчевой звонарь	21
Царица Марья Долгорукая	30
Набѣгъ Стеньки Разина	35
Боярыня Морозова	39
Князь Семенъ Пожарскій	48
Царь-Миротворецъ	52
Россія	59
Сказка шута	256

Драматическія произведенія:

Царевна Софья, въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прологомъ	98
Боярское Правленіе (отрывокъ)	257

Приложеніе.

Сказка	277



Замѣченныя опечатки:

стран.	*стр.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ:*
9	25	придеть	придетъ
15	13	вдвоемъ...	вдвоемъ...»
27	23	старикъ,	старикъ
55	1	побѣдныя	побѣдные
72	15	морскаго	морского
92	12	объясни?	объясни.
93	17	можпо	можно
113	3	малѣтствомъ	малолѣтствомъ
120	17	(входитъ шутъ)	»
121	24	Толстаго	Толстого
158	19	тебѣ	тебя
189	12	то-ладно	то ладно
190	8	возмемъ	возьмемъ
214	7	бсретъ	беретъ

Stanford University Libraries
3 6105 010 576 697

TG
347
N28
S5
V.1-2

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

SEP 22 1995
SEP 22 1995
MAR 29 1997